
Учредитель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Издается на кафедре государственного и муниципального управления
историко-политологического факультета Пермского государственного национального
исследовательского университета

Журнал включает в себя авторские статьи по вопросам государственного и муниципального управления, экономики и политологии. Издание публикует как теоретические статьи, так и основанные на результатах эмпирических исследований. Особое внимание уделяется теориям управления, пространственной и региональной экономики; эффективности как государственных отраслевых политик в целом, так и различных управленческих структур в частности; роли политико-экономических институтов в развитии государства и общества; управлению публичной политикой; деятельности органов публичной власти; развитию человеческого потенциала, государственной и муниципальной службы; информационным и цифровым технологиям в публичном управлении и экономике; взаимодействию государственных институтов и гражданского общества; локальным управленческим практикам, а также различным аспектам региональной экономики, включая государственное регулирование экономики, проблемы моногородов, территориальную организацию населения, агломерирование и ряд других

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научной специальности:
5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-66778 от 08.08.2016

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны

Подписка на журнал осуществляется на сайте «Урал Пресс»
(<https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8648137/>). Подписной индекс – 41047

Главный редактор журнала – Елена Андреевна Третьякова,
доктор экономических наук, профессор, Пермский государственный
национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, e.a.t.pnrgu@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9345-1040>

SPIN-код (РИНЦ): 5846-1742

AuthorID (РИНЦ): 453819

Web of Science ResearcherID: M-7494-2017

Scopus Author ID: 55888410400

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Иван Александрович Антипин, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Мария Александровна Богомолова, кандидат технических наук, доцент кафедры математического моделирования в экономике и управлении Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель директора института информационных технологий, математики и механики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Яна Юрьевна Бондарева, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры прикладной экономики и экономической безопасности Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Надежда Владимировна Борисова, доктор политических наук, доцент, декан историко-политологического факультета, профессор кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Марина Валентиновна Владыка, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры прикладной экономики и экономической безопасности Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Елена Георгиевна Коваленко, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры статистики и информационных технологий в экономике и управлении Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия

Галина Борисовна Козырева, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела институционального развития регионов Института экономики Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук», Петрозаводск, Россия

Наталья Сергеевна Козырь, кандидат экономических наук, доцент кафедры кибербезопасности и защиты информации Института компьютерных систем и информационной безопасности Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия

Елена Викторовна Курушина, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и организации производства Тюменского индустриального университета, Тюмень, Россия

Мария Викторовна Назукина, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, Пермь, Россия

Илья Викторович Наумов, кандидат экономических наук, заведующий лабораторией моделирования пространственного развития территорий Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

Антонина Владимировна Селезнева, доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Сергей Алексеевич Сергеев, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия

Александр Владимирович Соколов, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

Елена Андреевна Третьякова, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия – **главный редактор**

Елизавета Александровна Троицкая, кандидат политических наук, исполняющая обязанности заведующей кафедрой государственного и муниципального управления, старший научный сотрудник Центра делового образования Регионального института непрерывного образования Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия – **заместитель главного редактора**

Анна Александровна Урасова, доктор экономических наук, доцент, директор Пермского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Юлия Викторовна Усова, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия

Марина Валериевна Цуркан, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления Института экономики и управления Тверского государственного университета, Тверь, Россия

Наталья Анатольевна Шибаева, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и государственного управления Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева, Орел, Россия

Станислав Николаевич Шкель, доктор политических наук, доцент, профессор департамента политологии и международных отношений Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

Адрес учредителя и издателя:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адрес редакции:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
кафедра государственного и муниципального управления

Тел.: (342) 239-66-89

Е-mail: arsadmag@yandex.ru

Сайт: ars-administrandi.com

© Редакционная коллегия, 2023

Publisher: Perm State University

Published by Department of State and Municipal Governance, Perm State University

The journal includes the contributory articles on issues of theory and practices of state and municipal governance, economics, and political sciences. We publish both theoretical articles and those based on the results of empirical research. A special emphasis is placed on the issues of governance, spatial and regional economics; the effectiveness of both sectoral public policies in general and various governance structures in particular; the role of political and economic institutions in the state and society development; public policy governance; activities of public authorities; human development management, state and municipal service; information and digital technologies in public administration and economy; interaction between state institutions and civil society; local management practices, as well as various aspects of the regional economy, including state regulation of the economy, problems of single-industry towns, territorial organization of the population, agglomeration, etc.

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific publications
in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science,
for the degree of Doctor of Science should be published for the following academic specialty:
5.5.2. Political institutions, processes, techniques (Political Sciences)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies
and Mass Communications (Roskomnadzor) – Certificate PI no. FS77-66778 dated Aug. 8, 2016

Distributed within the Russian Federation and abroad

You can subscribe to the journal on the website “Ural-Press” (<https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8648137/>).
Subscription index – 41047

Chief Editor – Elena A. Tretyakova,

Doctor of Economics, Professor, Perm State University, Perm, Russia, e.a.t.pnrpu@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9345-1040>

SPIN-code (RSCI): 5846-1742

AuthorID (RSCI): 453819

Web of Science ResearcherID: M-7494-2017

Scopus Author ID: 55888410400

EDITORIAL BOARD

Ivan A. Antipin, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Regional, Municipal Economics and Management, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Maria A. Bogomolova, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Mathematical Modeling in Economics and Management, Nizhny Novgorod Institute of Management, the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Deputy Director for Development of the Institute of Information Technology, Mathematics and Mechanics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Yana Yu. Bondareva, Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Applied Economics and Economic Security, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Nadezhda V. Borisova, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Political Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russia

Elena G. Kovalenko, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Statistics and Information Technologies in Economics and Management, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia

Natalya S. Kozyr, Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Cybersecurity and Information Protection, Institute of Computer Systems and Information Security, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Galina B. Kozyreva, Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Regional Institutional Development, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia

Elena V. Kurushina, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Production Management, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Ilya V. Naumov, Candidate of Economics, Head of the Laboratory for Modeling Spatial Development of Territories, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Maria V. Nazukina, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher of the Institute for Humanitarian Studies, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia

Antonina V. Selezneva, Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Psychology of Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Sergey A. Sergeev, Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of Political Science, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Natalya A. Shibaeva, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Public Administration, Orel State University, Orel, Russia

Stanislav N. Shkel, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, St. Petersburg Branch of the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

Alexander V. Sokolov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Socio-Political Theories, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Elena A. Tretyakova, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of State and Municipal Governance, Perm State University, Perm, Russia – **Chief Editor**

Elizaveta A. Troitskaya, Candidate of Political Sciences, Acting Head of the Department of State and Municipal Governance, Senior Research of the Center for Business Education at the Regional Institute for Continuing Education, Perm State University, Perm, Russia – **Deputy Chief Editor**

Marina V. Tsurkan, Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration, Institute of Economics and Management, Tver State University, Tver, Russia

Anna A. Urasova, Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the Perm Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of State and Municipal Governance, Perm State University, Perm, Russia

Yuliya V. Usova, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of International Relations, Political Science and World Economy, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Marina V. Vladyka, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Applied Economics and Economic Security, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Publisher address:

Perm State University, 15 Bukirev Str., Perm, 614068, Russia

Editors address:

Department of State and Municipal Governance, Perm State University,
15 Bukirev Str., Perm, 614068, Russia

Tel. +7(342)239-66-89

E-mail: arsadmag@yandex.ru

Web-site: ars-administrandi.com

© Editorial Board, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПУБЛИЧНОМ УПРАВЛЕНИИ И ЭКОНОМИКЕ

- Веретенникова А. Ю., Семячков К. А.** Регулирование
и поддержка платформ шеринг-экономики: постановка проблемы
и варианты решения536

II. ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКОЙ

- Шлапек Е. А., Артеев С. П., Кондратьева С. В.** Динамика развития
общественной дипломатии в качестве инструмента «мягкой силы»
в современных международно-политических реалиях: кейс Республики
Карелия560
- Борисов Н. А.** Парадоксы конституционных трансформаций
и политический процесс в Беларуси и Узбекистане: имеют ли значение
формальные институты?580

III. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

- Волков А. Д.** Миграционные установки населения арктических
территорий Республики Коми и их пространственная
дифференциация599
- Лекторова Ю. Ю., Прудников А. Ю., Колкутина В. П., Слюсарь Н. Н.**
Государственная реформа обращения с отходами производства
и потребления в контексте общественных ожиданий622

IV. РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И РЕГИОНАЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

- Иванов П. А.** Проблемы повышения качества системы
стратегического планирования в субъектах Российской Федерации652
- Ляшенко Е. А., Жуковский А. Д., Пьянкова С. Г.** Институциональные
аспекты влияния инновационного потенциала региона на результаты
инновационной деятельности673
- Беилин И. Л.** Новые экономические подходы к селективному
управлению производственным развитием нефтегазового региона701
- Антипин И. А., Власова Н. Ю., Новикова Н. В.** Инициативное
бюджетирование – тенденции развития в российских регионах
и проблемы оценки: кейс Свердловской области722

CONTENTS

I. INFORMATION AND DIGITAL TECHNOLOGIES IN PUBLIC ADMINISTRATION AND ECONOMY

- Veretennikova, A. Yu. and Semyachkov, K. A.** Regulation and support of sharing economy platforms: Formulation of the problem and solution options536

II. PUBLIC POLICY AND PUBLIC POLICY GOVERNANCE

- Shlapeko, E. A., Arteev, S. P. and Kondrateva, S. V.** Trends of NGOs' diplomacy as a "soft power" tool in the new international political realms: Case of the Republic of Karelia560
- Borisov, N. A.** Constitutional transformations paradoxes and the political process in Belarus and Uzbekistan: Do formal institutions matter?580

III. SECTORAL PUBLIC POLICIES

- Volkov, A. D.** The population migration attitudes in the Arctic territories of the Komi Republic and their spatial differentiation599
- Lektorova, Ju. Iu., Prudnikov, A. Iu., Kolkutina, V. P. and Sliusar, N. N.** Government reform of production and consumption waste management in the context of public expectations622

IV. REGIONAL ECONOMY AND REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT

- Ivanov, P. A.** Issues in improving the quality of strategic planning system in the Russian Federation regions652
- Lyashenko, E. A., Zhukovskii, A. D. and Pyankova, S. G.** Institutional aspects of the region's innovative potential influence on the innovation activity results673
- Beilin, I. L.** New economic approaches to the production development selective management in the oil and gas region701
- Antipin, I. A., Vlasova, N. Yu. and Novikova, N. V.** Participatory budgeting – Development trends in Russian regions and assessment problems: The case of the Sverdlovsk Region722

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам в сфере государственного и муниципального управления, экономики и политологии.

География авторов принимаемых к публикации статей охватывает как российских, так и иностранных научных и научно-педагогических работников, а также депутатов, руководителей и специалистов органов публичной власти. Основным языком журнала является русский. Также статьи могут быть опубликованы на английском языке.

Автору необходимо подать статью через сайт журнала <http://ars-administrandi.com> или направить ее на электронную почту журнала arsadmag@yandex.ru.

Редакция принимает статьи (материалы) объемом от 20 до 60 тыс. печатных знаков (основной текст, с пробелами).

Плата за публикацию рукописей не взимается.

К каждой научной статье должны быть приложены сведения об авторе (соавторах) рукописи, лицензионный договор, согласие на обработку персональных данных.

Автор (соавторы) предоставляет(ют) издателю журнала (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его (их) статьи в составе публикаций журнала, а также на воспроизведение статьи в любых базах данных.

Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Объем прав издателя на использование журнала в целом соответствует объему принадлежащего автору (соавторам) исключительного права, предусмотренного ст. 1270 ГК РФ. Издатель вправе также разрешить использование журнала в целом другим лицам на определенных условиях по его усмотрению.

Автор (соавторы) включенной в журнал статьи сохраняет(ют) исключительное право на нее независимо от права издателя на использование журнала в целом.

Авторское вознаграждение за предоставление автором (соавторами) издателю указанных выше прав не выплачивается.

Направление автором (соавторами) статьи в журнал означает его (их) согласие на использование статьи издателем на указанных выше условиях и свидетельствует о том, что он (они) осведомлен(ы) об условиях ее использования.

Издатель предлагает любому физическому лицу заключить с издателем безвозмездный лицензионный договор о предоставлении права использования статьи, автором (соавторами) которой он (они) является(ют)ся.

Лицензионный договор является договором присоединения (офертой), условия которого определяются издателем, и может быть подписан другой стороной не иначе как путем присоединения к договору в целом. Направление автором (соавторами) рукописи статьи для опубликования в журнале счита-

ется акцептом, то есть согласием автора (соавтора) на опубликование статьи в соответствии с условиями договора. Факсимильные (электронные) копии собственноручной подписи и текста лицензионного договора действительны и имеют равную юридическую силу наряду с подлинными.

Издатель размещает фамилию, имя, инициалы автора (соавторов), ученую степень, ученое звание, должность, место работы, адрес места работы, идентификационные коды ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID, SPIN-код (РИНЦ), AuthorID (РИНЦ), адрес электронной почты автора (соавторов), название, аннотацию, ключевые слова и текст статьи на сайте журнала.

Издатель включает полнотекстовые варианты статей в «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), а также иные базы данных. Направление автором (соавторами) статьи издателю является согласием автора (соавторов) на подобное размещение и включение.

Гонорар за публикации не выплачивается. Автору высылаются авторский экземпляр по указанному им адресу. В случае если рукопись написана в соавторстве, авторский экземпляр высылается каждому соавтору по указанным ими адресам.

Полученные редколлегией статьи не возвращаются.

Подробные правила оформления и представления рукописей статей размещены на сайте журнала в разделе «Авторам» по адресу: <http://ars-administrandi.com/index.php/arsadm/guide>.

Желающие получить экземпляр журнала или консультацию редакции могут обращаться по адресу: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15, Пермский государственный национальный исследовательский университет, кафедра государственного и муниципального управления. Заместитель главного редактора – Елизавета Александровна Троицкая. Тел./факс (342) 239-68-30, 239-66-89. Сайт: ars-administrandi.com, e-mail: arsadmag@yandex.ru.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 536–559.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 4, pp. 536–559.

Научная статья

УДК 334.7

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-536-559>

РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПОДДЕРЖКА ПЛАТФОРМ ШЕРИНГ-ЭКОНОМИКИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ

Веретенникова Анна Юрьевна¹✉, Семячков Константин Александрович²

^{1,2} Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия

¹ vay_uiec@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-1808-7856>

² k.semyachkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0998-0183>

Аннотация. Введение: развитие шеринг-экономики в российской практике привлекает все больше внимания как со стороны научного сообщества, так и со стороны практиков. Вместе с тем вопросы ее регулирования в научной литературе освещены довольно фрагментарно. **Цель:** разработка моделей регулирования и функционирования платформ шеринг-экономики и мер поддержки в данной сфере. **Методы:** семантический анализ научных публикаций, системный и графический методы описания моделей. **Результаты:** представлены авторские модели регулирования и функционирования платформ шеринг-экономики, учитывающие их коммерческий и некоммерческий характер. Модели показывают, что коммерческие платформы, будучи основательнее проработанными с точки зрения вопросов функционирования, являются, однако, более простыми. Некоммерческие платформы задействуют более широкий круг процессов, не только удовлетворяя ту или иную потребность, но и способствуя трансформации среды. Таким образом, если коммерческие платформы могут быть рассмотрены как отдельный рынок, то некоммерческие обладают существенным потенциалом трансформации институтов на разных уровнях хозяйствования. Кроме того, в статье обозначены отдельные меры поддержки проектов шеринг-экономики путем их вовлечения в решение общественных задач, в том числе при проектировании «умных городов». **Выводы:** теоретическая значимость полученных результатов состоит в развитии исследований в области шеринг-экономики в российской практике; практическая – в возможности применения предложенных направлений поддержки шеринг-экономики для решения социальных и экономических задач.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: шеринг-экономика, экономика совместного пользования, модель, платформы, регулирование, поддержка, институт, цифровая экономика, экономика совместного потребления, цифровые платформы

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01830, <https://rscf.ru/project/22-28-01830>.

Для цитирования: Веретенникова А. Ю., Семячков К. А. Регулирование и поддержка платформ шеринг-экономики: постановка проблемы и варианты решения // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 536–559. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-536-559>.

Original article

REGULATION AND SUPPORT OF SHARING ECONOMY PLATFORMS: FORMULATION OF THE PROBLEM AND SOLUTION OPTIONS

Anna Yu. Veretennikova¹✉, Konstantin A. Semyachkov²

^{1,2} Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

¹ vay_uiec@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-1808-7856>

² k.semyachkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0998-0183>

Abstract. Introduction: the sharing economy development in Russia is attracting more and more attention, both from the scientific community and from practitioners. At the same time, the issues of regulation in the scientific literature are covered rather fragmentarily. **Objectives:** to develop models of sharing economy platforms regulation and functioning as well as support measures in this area. **Methods:** semantic analysis of research papers, systemic and graphical methods for describing models. **Results:** the paper presents the author's models of sharing economy platforms regulation, taking into account their commercial and non-commercial basis. Models show that commercial platforms, being rather sophisticated in operational issues, appear to be much simpler. The functioning of non-commercial platforms involves a wider range of processes. They do not only satisfy particular needs, but also contribute to the institutional transformation. Thus, if commercial platforms can be considered a separate market, then non-commercial ones have a significant potential for transforming institutions at various governance levels. In addition, the paper outlines certain measures to support sharing economy projects by involving them in resolving social problems, including designing the "smart cities". **Conclusions:** the obtained results contribute to the development of research in the field of sharing economy in Russia; the suggested support measures for sharing economy projects are applicable in solving social and environmental problems.

Keywords: sharing economy, model, platforms, regulation, support, institution, digital economy, collaborative consumption, digital platforms

Acknowledgments: the study was funded through the Russian Science Foundation grant no. 22-28-01830, <https://rscf.ru/project/22-28-01830>.

For citation: Veretennikova, A. Yu. and Semyachkov, K. A. (2023), "Regulation and support of sharing economy platforms: Formulation of the problem and solution options", *Ars Administrandi*, 2023, vol. 15, no. 4, pp. 536–559, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-536-559>.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие принципа совместного пользования (или возврат к нему) в условиях стремительного внедрения цифровых технологий стало приобретать новую окраску в контексте развития бизнес-модели шеринг-экономики (Авдокушин и Кузнецова, 2021). Цифровые платформы и другие проекты, использующие данную бизнес-модель, с одной стороны, являются инновационными, применяя новый подход к организации деятельности по обмену и повышению эффективности использования ресурсов, с другой – обнажают провалы в законодательстве и порождают потребность в разработке дополнительных мер регулирования как хозяйствующих субъектов данного рынка, так и представителей гражданского общества, решивших воспользоваться услугами соответствующей цифровой платформы или стать участниками соответствующего проекта.

Важно отметить, что шеринг-экономика в российской практике не получила широкого распространения, хотя темпы ее роста весьма существенны. Доход сервисов шеринг-экономики, по данным 2020 года, составил менее 1 % от величины валового внутреннего продукта¹. Опыт зарубежных цифровых платформ тоже неоднороден. С одной стороны, имеются такие примеры международного уровня, как Airbnb и Uber, активно обсуждаемые и в зарубежной, и в отечественной научной литературе. С другой стороны, отмечается потребность компаний, применяющих эту бизнес-модель, в высоких инвестициях, отсутствие которых может стать причиной малых масштабов распространения бизнес-модели и привести к убыточности бизнеса.

Анализируя эволюцию данной бизнес-модели (Schor, 2014), можно отметить два ключевых условия ее развития – повышение эффективности использования ресурсов при одновременном снижении транзакционных издержек (Hossain, 2020, p. 8) и создание соответствующей цифровой инфраструктуры. Видимые преимущества платформ шеринг-экономики, включающие как социальные, так и экономические выгоды, порождают постепенное расширение сети пользователей указанных платформ, внося изменения в привычные модели поведения, распространяя данный опыт на новые виды деятельности. В этой ситуации вопросы регулирования шеринг-экономики будут ориентированы не только на ее ограничение и снижение доли теневого рынка, который довольно свободно может быть реализован посредством отдельных платформ шеринг-экономики, но и на поддержку и развитие сервисов, проектов и платформ совместного пользования ввиду наличия благоприятного их влияния на функционирование общественного сектора, городской среды и повышение качества жизни.

Цель настоящего исследования – разработка моделей регулирования и мер поддержки проектов шеринг-экономики. Для ее достижения был проведен анализ зарубежных и отечественных источников по данной тематике; определен характер отношений, возникающих при взаимодействии ключевых

¹ Рассчитано авторами по: Экономика совместного потребления в России 2020. Испытание на прочность [Электронный ресурс] // Сайт компании «ТИАР-Центр». 2021. Февр. С. 3. URL: https://tiarcenter.ru/wp-content/uploads/2021/02/TIARRAEC_Sharing-Economy-2020.pdf (дата обращения: 01.08.2023).

экономических агентов; показана роль цифровых платформ в формировании процессов ценообразования, обеспечения качества, поиска информации; описаны модели регулирования и функционирования коммерческих и некоммерческих шеринг-платформ и предложены варианты поддержки данных проектов, основанные на взаимовыгодном сотрудничестве.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Поле исследования шеринг-экономики

Принцип совместного использования ресурсов, который лежит в основе шеринг-экономики, для российского читателя является вполне привычным. Однако развитие цифровых технологий привнесло новую окраску и обозначило более широкий масштаб распространения данной модели поведения и потребления ресурсов. В современной научной литературе развитие шеринг-экономики принято связывать с работами Л. Лессига, который непосредственно ввел термин “sharing economy” (Lessig, 2008), а также с работами Р. Ботсман и Р. Роджерса, опубликовавших монографию, детально освещающую суть концепции совместного потребления (collaborative consumption) и соответствующих цифровых платформ (Botsman and Rogers, 2010). Шеринг-экономика рассматривается как подмножество платформенной экономики (Heerschap et al., 2019, p. 14), включает в себя элементы экономики доступа и экономики сообществ (Acquier et al., 2017, p. 4). Вместе с тем границы данной бизнес-модели в должной мере не определены и крайне размыты. Например, она может пониматься как часть циркулярной экономики в плане продления срока жизни продукта (Schwanholz and Leipold, 2020, p. 4) или рассматриваться как исключительно рыночная ниша, но не отдельный рынок. Дж. Шор разделяет шеринг-экономику на четыре категории: 1) рециркуляция товаров, 2) более широкое использование активов длительного пользования, 3) обмен услугами, 4) совместное использование производственных активов (Schor, 2014).

Более детальный теоретический анализ формирования данной бизнес-модели позволяет обнаружить влияние теории транзакционных издержек и прав собственности (Coase, 1960), контрактных отношений, двусторонних рынков и других теорий, развиваемых в рамках институциональной и эволюционной экономики. В качестве катализатора и основного условия развития шеринг-экономики выступают цифровые технологии, позволяющие создавать условия для взаимодействия экономических агентов с меньшими транзакционными издержками.

Раскрывая предпосылки формирования теоретических положений шеринг-экономики, особенно стоит отметить работы нобелевского лауреата 2009 года Э. Остром, которая исследовала вопросы более эффективного управления ограниченными ресурсами (Остром, 2011). Она показала роль сотрудничества в совместном использовании ресурсов и каким образом соответствующие правила управления ими позволяют предупредить «трагедию общего», сформулированную биологом Г. Хардином (Hardin, 1968). Важно

подчеркнуть, что поиск форм совместного использования ресурсов способствует трансформации «человека экономического» в «человека институционального» (Иншаков, 2005).

Другой важной теорией, влияющей на формирование теоретических положений шеринг-экономики, является теория двусторонних рынков, за которую Л. Шепли и Э. Рот в 2012 году также получили Нобелевскую премию (Железова и др., 2013). Вместе с тем применительно к теме исследования необходимо отметить и работу другого нобелевского лауреата Ж. Тироля. Ж. Рошет и Ж. Тироль изучают, каким образом на распределение цен между двумя сторонами рынка влияют: а) управление платформой; б) стоимость многосетевого доступа для конечных пользователей; в) дифференциация платформ; г) способность платформ использовать ценообразование на основе объема; д) наличие односторонних внешних факторов; е) совместимость платформ (Rochet and Tirole, 2003).

Третья важная теория, которая позволяет описывать текущие экономические отношения, свойственные шеринг-экономике, – это теория сетей и сетевых отношений, получившая развитие в рамках институциональной экономики (Степанова, 2018). Сеть представляет собой совокупность связей между экономическими агентами, которые находятся в тех или иных отношениях. Сетевые связи приводят к возникновению устойчивых структур, что позволяет рассматривать их как форму существования институтов (Лебедев, 2011, с. 62). Концепция сетевого общества, в свою очередь, была введена М. Кастельсом в продолжение исследований информационного общества. Он отмечал, что сети конструируют новую социальную морфологию общества и внедрение сетевой логики значительно модифицирует процессы и их результаты в культуре и политике (Кастельс, 2000, с. 77). Для формирования сетевого общества характерны три независимых процесса: информационно-технологическая революция, кризис систем капитализма и коммунизма, широкое распространение новых социальных движений (Линкевич, 2018, с. 172). В целом сетевые структуры являются формой довольно гибкой интеграции экономических агентов, соответствующей динамичным сдвигам, происходящим в условиях технологических и институциональных изменений (Попов и др., 2017, с. 94).

Регулирование в шеринг-экономике: научный обзор на основе Scopus

Первые работы по регулированию шеринг-экономики датируются 2016 годом. Так, С. Миллер сформулировал десять принципов, которые следует учитывать при разработке мер регулирования (Miller, 2016). Первый принцип состоит в том, что шеринг-экономика является разнообразной, из чего следует необходимость учета данной особенности при регулировании. При раскрытии первого принципа ученый отмечает, что регулятивные меры не должны основываться на заключении разовых сделок с конкретными новыми игроками рынка, но должны охватывать многообразие игроков, на которых влияет шеринг-экономика. Регулирующим органам требуется определить комплексность происходящих изменений, чтобы эффективно реагировать на них. Второй принцип состоит в необходимости открытости и законности шеринг-экономики: легализация данной деятельности позволит защитить

участников взаимодействия, а также сформирует возможности для развития. Третий принцип заключается в обеспечении регулятора запрашиваемой информацией. Это позволит снизить неопределенность и отслеживать различные типы дискриминации при оказании услуг. Согласно пятому принципу шеринг-экономика разрушает и заставляет переосмысливать устоявшиеся рынки. Однако изменения могут быть более комплексными и оказывать влияние не только на отдельную отрасль, но и на смежные. С. Миллер показывает, что Airbnb, влияя на гостиничный бизнес, также воздействует на сферу транспорта, на оказание туристических услуг. Масштаб влияния может распространяться на целые города – например, в части конкуренции территорий за проведение тех или иных мероприятий. Из пятого принципа вытекает шестой: шеринг-экономика создает новые рынки. Она, по своей сути, является новым принципом потребления, позволяющим обнаружить новые ниши, в которых имеется спрос. Так, объем аренды жилья через Airbnb намного превосходит потери доли рынка, переживаемые отелями. Распространение и эффективность данной бизнес-модели формирует седьмой принцип, состоящий в том, что шеринг-экономика разрушает и переосмысливает устоявшиеся регулирующие структуры. Рынок шеринг-экономики, в частности краткосрочной аренды, способен составить конкуренцию гостиничным и туристическим районам. Масштаб влияния шеринг-экономики на социально-экономические процессы и поведение населения формирует восьмой принцип: указанная бизнес-модель требует ответной реакции, выходящей за рамки традиционного регулирования. Неформальность шеринг-экономики делает традиционные способы регулирования малоэффективными, что обуславливает разработку более гибких, основанных на сотрудничестве моделей взаимодействия. Девятый принцип состоит в сложности определения как ущерба от шеринг-экономики, так и стоимости его предупреждения. Наконец, десятый принцип заключается в необходимости учета интересов сторон, участвующих в шеринг-экономике. Из всего вышесказанного следует, что шеринг-экономика создает новые рынки, трансформирует существующие, стимулирует развитие законодательства в данной сфере и требует более гибких норм регулирования.

Описывая поле субъектов, которые участвуют или могут участвовать в регулировании шеринг-экономики, С. Киршнер и Э. Шусслер подчеркивают особую роль не только цифровых платформ, которые выступают в качестве организаторов рынка, но и множества других государственных и частных субъектов, таких как организации, устанавливающие стандарты, общественные движения, профсоюзы, организованные покупатели и продавцы, должностные лица или лица, влияющие на политические решения. Ученые отмечают, что регулятивные решения для шеринг-экономики зависят от понимания способов организации данной бизнес-модели, а появление цифровых платформ в шеринг-экономике является высокоорганизованным процессом, осуществляемым организаторами рынка, которые создают и управляют цифровыми рынками (Kirchner and Schüssler, 2020, p. 222).

Ю. Чен, Ю. Хуан и Ч. Тан рассматривают вопросы регулирования шеринг-экономики на примере платформ краткосрочной аренды. Они отмечают важность анализа не только краткосрочных результатов, но прежде всего

долгосрочных. Меры регулирования при этом могут быть рассмотрены на нескольких уровнях и удовлетворять требованиям самого потребителя, коммунальной службы или сообщества, которому принадлежит арендуемое помещение. Среди таких мер авторы выделяют следующие: 1) стандартизация данного процесса, которая обеспечит качество предоставляемой услуги; 2) формирование базы арендаторов с учетом контактной информации, дат пребывания; 3) требование к собственникам имущества соблюдать основные стандарты в отношении здоровья и безопасности своих гостей и требование страхования гражданской ответственности для обеспечения здоровья и безопасности гостей; 4) обеспечение лишь временного использования помещений для краткосрочной аренды с целью поддержания предложения и доступности жилья на рынке недвижимости; 5) установление ограничений на количество ночей, предоставляемых в аренду; 6) требование соблюдения местных законов о мусоре, парковке, шуме и др.; 7) требование выплаты налогов наравне с отелями (Chen et al., 2020, p. 4, 12).

В отечественной литературе данная тематика тоже освещается как в экономических, так и в правовых исследованиях. А. В. Алтухов, А. О. Гостилов и С. Ю. Кашкин используют термин «платформенное право». Авторы отмечают, что шеринг-экономика «вторгается в функционирование традиционного бизнеса, что, в свою очередь, приводит к его трансформации и повышению эффективности, серьезно снижая территориальные и временные барьеры при предоставлении услуг» (Алтухов и др., 2021, с. 440). При этом обозначенная территориальная свобода, крайне важная для развития бизнес-процессов, сопровождается рядом трудностей, связанных с решением спорных ситуаций, возникающих в процессе взаимодействия с платформами. Однако отсутствие четкой системы правового регулирования привело к формированию системы досудебного урегулирования конфликтов – «саморегулирования, основанного на внутренней инструкции компании, под началом которой на практике функционирует платформа» (Алтухов и др., 2021, с. 441). В другом своем исследовании авторы отмечают перспективность для правового регулирования шеринг-экономики концепции «хорошего управления», основанной на принципах прозрачности, адекватности, участия, эффективности, подотчетности и соблюдения прав человека (Кашкин и Алтухов, 2020).

И. З. Аюшеева рассматривает вопросы гражданско-правового регулирования отношений по совместному использованию транспортных средств на примере каршеринга, отмечая, что в настоящее время договор каршеринга невозможно отнести в чистом виде ни к одному из поименованных в законе видов договора аренды либо к договору оказания возмездных услуг. Законодательство в сфере проката транспортного средства без экипажа не соответствует составу услуг, которые оказывают каршеринговые компании, в связи с чем последние отдают предпочтение договору присоединения (Аюшеева, 2019).

М. Г. Гирич и А. Сауле изучают влияние международных стандартов на регулирование национальных рынков агрегаторов такси. Авторы показывают, каким образом регулируется деятельность агрегаторов такси в различных странах. В частности, в Колорадо, Калифорнии, Иллинойсе и других

штатах США райдшеринг (совместные поездки, поиск попутчиков) и райд-сорсинг-платформы (пассажирские перевозки, при которых пассажир заказывает поездку, а водитель соглашается осуществить заказ) относят к категории транспортных сетевых компаний (Transportation Network Companies, TNC), которые не включают в себя услуги пассажирских перевозок по договору или услуги компаний традиционного такси (Гирич и Сауле, 2020). А в работе А. А. Затолокина отслеживаются изменения, внесенные в нормативно-правовые акты в части адаптации карпулинга и райдшеринга к российской действительности (Затолокин, 2018).

А. В. Вершицкий и Е. Р. Вершицкая освещают прямые и косвенные методы регулирования шеринг-экономики. Авторы полагают, что для развития шеринг-экономики требуется упрощение процедуры регистрации, ведения предпринимательской деятельности и налогообложения. Ученые особо отмечают, что «одним из вариантов легализации предпринимательской деятельности в экономике совместного потребления может стать введение патента для физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями» (Вершицкий и Вершицкая, 2017, с. 516).

Д. М. Антипин и Т. Г. Садовская систематизируют решения в области регулирования проектов в сфере шеринг-экономики, выделяя три категории: «по вопросам непосредственной организации и ведения деятельности компании-платформы; по вопросам регламентирования отношений платформы с работающими посредством нее контрагентами, а также их взаимодействия между собой; и по вопросам экономического администрирования деятельности платформ» (Антипин и Садовская, 2016, с. 883). Среди возможных мер регулирования авторы отмечают следующие: запрет деятельности, страхование ответственности, организация внутрифирменного надзора, лицензии и разрешения, налоговая политика, контроль за уплатой налогов контрагентами-продавцами, возрастные ограничения, введение минимальной стандартизации, ведение реестров предоставления информации.

Таким образом, показано, что формирование шеринг-экономики является одним из этапов институциональных изменений и тесно связано с формированием новой среды взаимодействия экономических агентов. Вместе с тем стремительное развитие информационно-коммуникационных и цифровых технологий посредством внедрения тех или иных алгоритмов воздействует на предпочтения потребителей, что стало причиной частичной передачи платформам функции формирования отношений между экономическими агентами. В данной связи встает вопрос о том, что определяет поведение экономических агентов на платформе и какие институты или алгоритмы обеспечивают данный процесс.

Экономические отношения и регулирование шеринг-экономики

Для раскрытия данной темы необходимо исследование преимуществ и недостатков шеринг-экономики для государства, рынка и гражданского общества. Это позволит выявить области ее регулирования.

Рассмотрим взаимоотношения, возникающие для каждой из названных групп.

Первый тип отношений касается цифровой платформы и участников: и тех, кто обращается к платформе за товарами или услугами, и тех, кто размещает информацию о предлагаемых товарах или услугах. Основным преимуществом обращения к платформе и для потребителя, и для поставщика услуги является снижение транзакционных издержек, имеющих свое денежное и временное выражение. Возникающие здесь барьеры могут быть связаны со стоимостью и рисками взаимодействия цифровой платформы и другого экономического агента. В частности, цифровая платформа может определять для поставщика товаров или услуг стоимость размещения информации на платформе, ограничения по стоимости товара, требования совершения сделки именно посредством платформы. Первостепенное значение здесь приобретают «правила игры» цифровой платформы, обеспечивающие взаимодействие между поставщиками и потребителями и отражающиеся в формировании репутационных механизмов и особенностях политики продвижения цифровой платформы и т. д. Взаимодействия цифровой платформы и потребителя зачастую сопровождаются меньшими ограничениями со стороны платформы. Так, требования могут касаться внесения комиссии за пользование платформой или даже вовсе отсутствовать. В случае краткосрочной аренды потребителю следует соблюдать правила проживания, установленные муниципалитетом, коммунальной службой или собственниками помещения.

Другой тип отношений возникает между цифровой платформой и органами государственной власти. Основное требование к оператору цифровой платформы состоит в обеспечении законности коммерческой деятельности (выплата налогов, предоставление отчетности, представление в качестве ответчика в суде и т. д.).

Третий тип отношений описывает взаимодействие между государством и участниками платформы – потребителями и поставщиками – по поводу нарушения того или иного правила участниками взаимодействия. Здесь представители судебной системы могут столкнуться с отсутствием правил и норм, регулирующих возникающие конфликты. Кроме того, цифровая платформа порождает развитие теневой экономики, позволяя гражданам получать дополнительный доход и не декларировать его налоговым службам. Правила и нормы взаимодействия на платформе определяет цифровая платформа, в то время как государство определяет механизмы регулирования данных платформ.

Таким образом, можно говорить о необходимости регулирования по следующим направлениям:

- обеспечение законной деятельности платформы;
- разработка норм и правил регулирования платформы для защиты прав потребителей и поставщиков, а также обеспечения соблюдения закона;
- устранение власти цифровых платформ над поставщиками;
- обеспечение соблюдения прав лиц и организаций, вовлеченных в данное взаимодействие напрямую или опосредованно.

Приведенное описание касается прежде всего коммерческих платформ. Иная ситуация может сложиться на некоммерческих платформах, не преследующих цели извлечения прибыли, а также функционирующих на основе

пожертвований. Здесь в большей степени речь идет о формировании сообщества, участники которого объединены общими интересами и общей целью, имеющей социальный характер. Цифровая платформа является площадкой, которая создает условия для взаимодействия, а правила и нормы этого взаимодействия определяются членами сообщества.

Другой тип платформ ориентирован на предпринимательскую деятельность и предоставляет доступ к финансовым и трудовым ресурсам. Краудлендинговые, краудинвестиционные, краудфандинговые и краудворкинговые платформы способствуют развитию и трансформации предпринимательского сектора, сокращая издержки и увеличивая деловую активность организаций, пользующихся данными услугами, создавая новые формы взаимодействия, что тоже требует особого регулирования. Краудлендинговые платформы представляют собой площадки для совместного использования финансовых ресурсов посредством коллективного кредитования физическими и юридическими лицами бизнес-проектов по договорам займа (Zhang and Liu, 2012). Краудинвестиционные платформы предполагают инвестирование в проект посредством применения цифровой платформы, где в качестве вознаграждения выступают акции предприятия, доля в собственности или участие в прибыли компании (Бакиева, 2021). Краудфандинговые платформы, в свою очередь, могут пониматься и узко – как платформы, позволяющие привлекать ресурсы на безвозмездной основе, и широко – как включающие все многообразие вариантов совместного использования финансовых ресурсов: краудлендинг, краудинвестинг и, собственно, краудфандинг (Busse and Gregus, 2020). Краудворкинговые платформы, в частности фриланс-платформы, ориентированы на совместное использование трудовых ресурсов. Данное направление объединено термином «гиг-экономика» (“gig-economy”) (De Stefano, 2016).

Следует отметить, что регулирование в шеринг-экономике также способствовало развитию понятия “sharing city”, которое предполагает проектирование «умных городов» с применением принципа шеринга. В этом случае шеринг относится прежде всего к данным, а затем распространяется и на другие типы ресурсов, которые могут быть вовлечены в совместное пользование. Здесь органы государственной власти или местного самоуправления становятся не только регулятором, но и заказчиком и инвестором того или иного проекта. Подобные проекты шеринг-экономики могут быть использованы для развития общественных благ, «умных городов», а также для поддержки реализации предпринимательских инициатив.

Поддержка проектов шеринг-экономики вместе с тем может быть рассмотрена в рамках экономики сотрудничества. Однако взгляды ученых по данному вопросу различны, что обусловлено неоднородностью явления. С одной стороны, предприятия, выбирающие модель шеринг-экономики, иницируют развитие новых рынков и сами развиваются в рамках устоявшихся рыночных отношений. С другой стороны, ориентация на решение социальных и экологических задач способна выступить стимулом и основой для формирования более сложных отношений между органами государственной власти, компаниями шеринг-экономики, инвесторами и гражданским обществом. Так, например, краудфандинг может предоставить возможности для разви-

тия предпринимательства, создания новых рабочих мест, снижения уровня бедности. Другое направление поддержки проектов шеринг-экономики состоит в развитии соответствующей инфраструктуры – мобильных платежных систем, обеспечении скорости и доступности Интернета, предоставлении доступа к общественным площадкам. Среди возможных мер поддержки шеринг-экономики следует отметить создание стимулов для молодых предпринимателей и особые условия регулирования. М. Ретамал и Э. Доминиш утверждают, что такие меры, как установление минимальной заработной платы для внештатных работников, облегчение доступа работников к социальному обеспечению и обучению, продвижение бизнес-стандартов инклюзивности и установление руководящих принципов устойчивого развития для бизнеса, тоже способствовали бы развитию шеринг-экономики (Retamal and Dominish, 2017, p. 1). Наиболее ярким примером согласованного сотрудничества является применение данной бизнес-модели для решения общественно значимых задач при организации деятельности городской среды. Таков опыт проектирования шеринг-города в Сеуле (Gawel et al., 2016, p. 11–12).

Из всего вышесказанного следует, что шеринг-экономика не только вносит изменения в существующие институты функционирования рынков, но и трансформирует роль органов государственной власти, что требует создания новых моделей регулирования и поддержки цифровых платформ и проектов шеринг-экономики.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Информационной базой исследования явились научные публикации, представленные в базах данных Scopus и eLibrary. Поиск проводился по ключевым словам “sharing economy”, “regulation”, “collaborative consumption”. В результате в Scopus было отобрано 368 публикаций. При более детальном анализе найденные источники были систематизированы по видам деятельности: транспорт, туризм, аренда пространства, энергоэффективность и др. Следует отметить большое количество работ (21), посвященных технологии блокчейн. В отношении регулирования публикации могут быть разделены на две группы: 1) касающиеся непосредственно регулирования шеринг-экономики, в том числе вопросов налогообложения; 2) касающиеся механизмов регулирования, созданных на платформах (например, ценообразование или алгоритмы формирования репутации и доверия, предназначенные для обеспечения выбора того или иного контрагента). Анализ географии источников показал наличие исследований по данной тематике как на уровне городов (Лондон, Амстердам и др.), так и на уровне регионов (Калифорния, Латинская Америка) и стран (Китай, Бразилия, США, Великобритания, Италия, Испания, Польша и др.). В российском индексе научного цитирования по запросу “sharing economy” обнаружено 850 публикаций, при этом вопросам регулирования посвящено лишь 16 из них (без учета тезисов конференций). Данные публикации освещают общие вопросы регулирования шеринг-экономики, а также особенности регулирования каршеринга и служб такси, применяющих данную бизнес-модель.

К методам исследования относятся семантический анализ текстов, логический анализ и систематизация предшествующих работ по теме регулирования и поддержки шеринг-экономики. Использованный наряду с ними метод графического моделирования позволил не только показать особенности взаимодействия экономических агентов и влияющих на них институтов, но и обозначить различия в регулировании коммерческих и некоммерческих платформ, которые могут включать более широкий перечень экономических и организационных отношений.

Семантический анализ научных публикаций посредством программного продукта VosViewer позволил сформировать карту наиболее часто встречающихся слов, с учетом их связей в различных публикациях. На рисунке 1 видно, что может быть выделено четыре кластера исследований: 1) исследования, в которых непосредственно рассмотрены основные аспекты функционирования шеринг-экономики; 2) исследования, связанные с внедрением новых цифровых технологий (блокчейна и т. п.); 3) исследования, посвященные шеринг-экономике в отдельных отраслях; 4) исследования, затрагивающие вопросы управления и регулирования, а также смежные с данной тематикой аспекты.

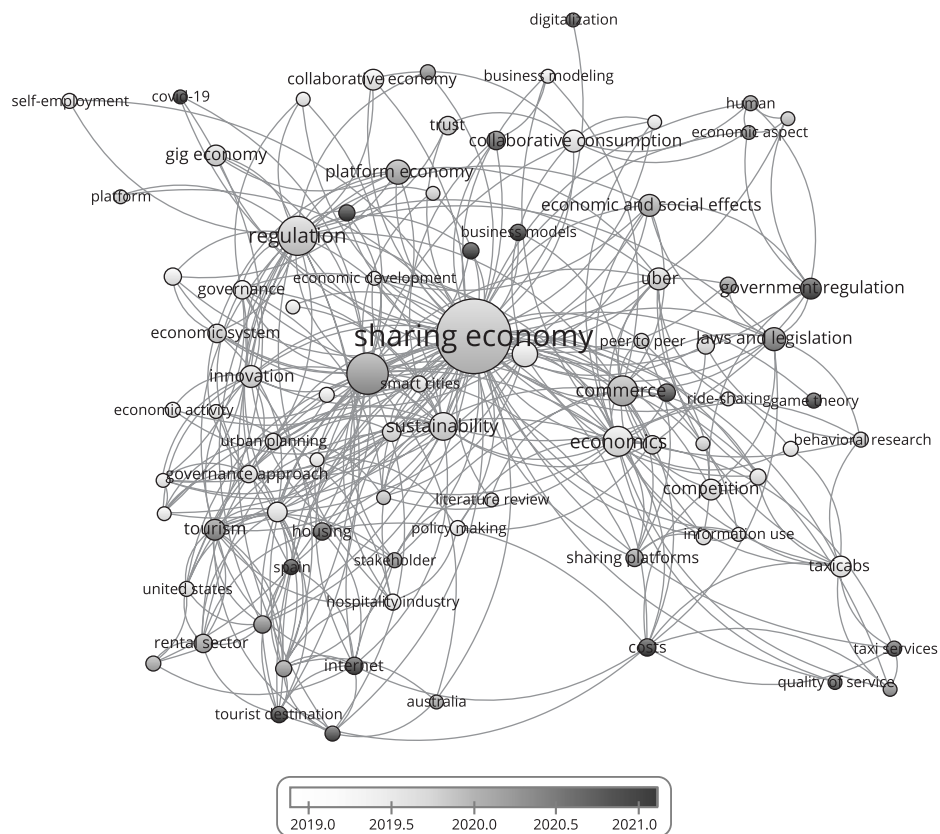

Рис. 1. Результаты анализа публикаций по ключевым словам на основе базы данных Scopus в VosViewer / Fig 1. Results of publication analysis using keywords based on the Scopus database in VosViewer

Процедура исследования предусматривала три этапа. На первом этапе было установлено, какие аспекты регулирования освещаются в научной литературе по данной тематике, и на основе систематизации по темам определены сферы и уровень регулирования деятельности цифровых платформ. На втором этапе обосновывалась идея неидентичности регулирования коммерческих и некоммерческих цифровых платформ. Важно было отметить, что регулирование данных платформ имеет свои особенности, ввиду того что коммерческие платформы в большей степени затрагивают вопросы потребления товаров или услуг, а некоммерческие – расширяют сферу своего применения на процессы совместного использования и разработку совместных проектов. На третьем этапе были описаны графические модели регулирования и функционирования шеринг-экономики в случае коммерческого и некоммерческого характера платформ. При их описании принималось во внимание то обстоятельство, что рынок шеринг-экономики не существует изолированно (в частности, его развитие невозможно без соответствующей цифровой инфраструктуры, а также развития финансовых технологий), и учитывались экономические агенты, вовлеченные в данный процесс; нормы и правила регулирования со стороны органов государственной власти, выступающие основой для экзогенных институтов; внутренние алгоритмы и правила поведения на платформе, формирующие эндогенные институты; и требуемая инфраструктура для реализации транзакций.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Регулирование платформ шеринг-экономики разных видов

Анализ научных исследований по данной тематике позволяет сделать вывод о трансформации норм и правил, регулирующих отношения между экономическими агентами. При этом, с одной стороны, цифровая платформа регулирует отношения между участниками взаимодействия, с другой – сама подвергается регулированию «сверху», со стороны органов государственной власти. К примерам коммерческих платформ относятся Airbnb, Uber, маркетплейсы (Ozon, Wildberries) и другие платформы. Важно отметить, что цифровая платформа создает вокруг себя определенное сообщество, представители которого выбирают вступать во взаимодействие непосредственно на данной платформе.

Модель регулирования и функционирования цифровой платформы представлена на рисунке 2. Здесь целесообразно выделять основных экономических агентов, непосредственно участвующих в транзакции, и второстепенных. К основным мы относим саму цифровую платформу, поставщиков и потребителей; к второстепенным, однако не менее важным – потенциальных потребителей и поставщиков, финансовые организации, интернет-провайдеров и интернет-организации, обеспечивающие техническую реализацию сделки на платформе, а также страховые компании в случае их необходимости. Органы государственной власти и местного самоуправления рассмотрены в отдельной группе.

Непосредственно на платформе создаются новые модели поведения экономических агентов, сама цифровая платформа подчиняется законодательству конкретной территории. В центральной части рисунка 2 определены функции, которые берет на себя платформа и благодаря которым она влияет на спрос и предложение на данном рынке. Эти функции являются основой для формирования соответствующих эндогенных институтов. Для коммерческих платформ могут быть рассмотрены институт регулирования цены на платформе, институт формирования доверия, непосредственно заключение и осуществление транзакции на платформе. Кроме того, цифровая платформа берет на себя функцию гаранта качества, что тоже формирует соответствующий институт. При рассмотрении вопросов регулирования шеринг-платформ следует учитывать предпринимательское право (в частности, Гражданский кодекс РФ), антимонопольное законодательство², нормативно-правовое законодательство в части защиты прав потребителей, налоговое право (в том числе институт самозанятых), а также отдельные нормы регулирования, применимые к отдельным видам деятельности или типам экономических агентов. На рисунке 2 также показано, что цифровая платформа может быть частью экосистемы.

Вместе с тем потребители и поставщики цифровой платформы могут быть распределены между несколькими платформами. В результате формируется рынок цифровых платформ, носящий признак олигополистического и также требующий особого регулирования. Кроме того, помимо коммерческого эффекта данные платформы могут иметь и социальный эффект. Например, в Италии в период коронавирусной инфекции на платформе Airbnb врачам были предоставлены помещения рядом с местом работы.

Цифровые платформы шеринг-экономики также могут способствовать реализации общественных проектов, выступая площадками для привлечения финансовых, трудовых, информационных ресурсов. Привлечение финансовых ресурсов происходит посредством краудфандинговых платформ. Частный случай краудфандинга, ориентированный на некоммерческие организации, – краудактинговые платформы³. Другими словами, цифровые платформы позволяют формировать сообщества, основанные на ценностях и предпочтениях граждан. На рисунке 3 показана модель регулирования и функционирования подобных цифровых платформ. В данном случае платформа также является агрегатором, инструментом голосования в отношении развития тех или иных проектов. Здесь, ввиду финансирования не только в конечный результат, но и в процесс его создания, графическая модель приобретает более сложный вид, поскольку учитывает отношения «государство – платформа», «платформа – разработчик проекта», «разработчик проекта – гражданское общество». С одной стороны, взаимоотношения «государство – платформа» действуют на тех же правилах, что и при регулировании коммерческой платформы. С другой стороны, некоммерческие платформы

² О защите конкуренции [Электронный ресурс]: Федер. закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12148517> (дата обращения: 18.07.2023).

³ Краудактинг – это скоординированные условные коллективные действия для достижения положительной социальной и/или экологической цели.

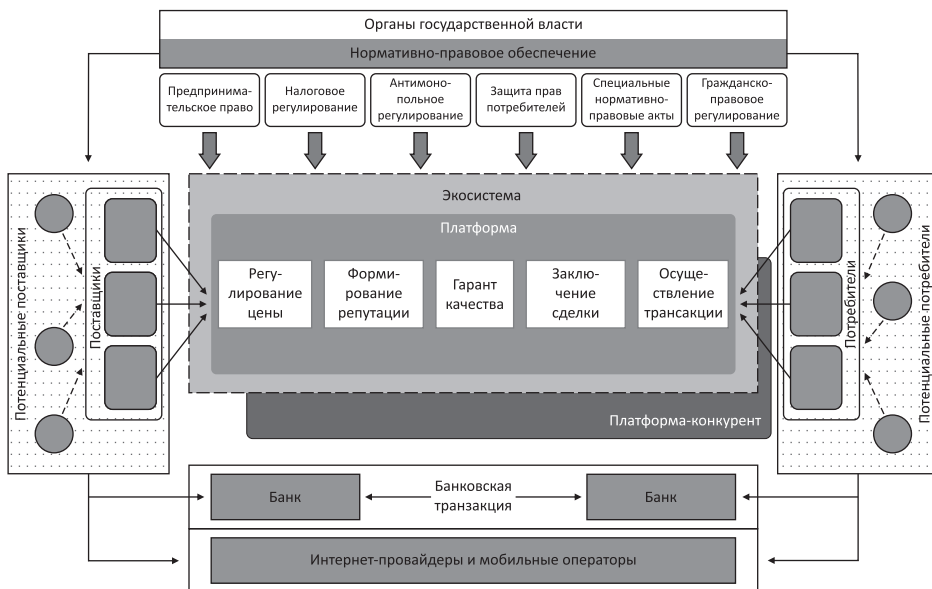

Рис. 2. Модель регулирования и функционирования коммерческих платформ шеринг-экономики / Fig. 2. Regulation and functioning model of sharing economy commercial platforms

Источник: составлено авторами.

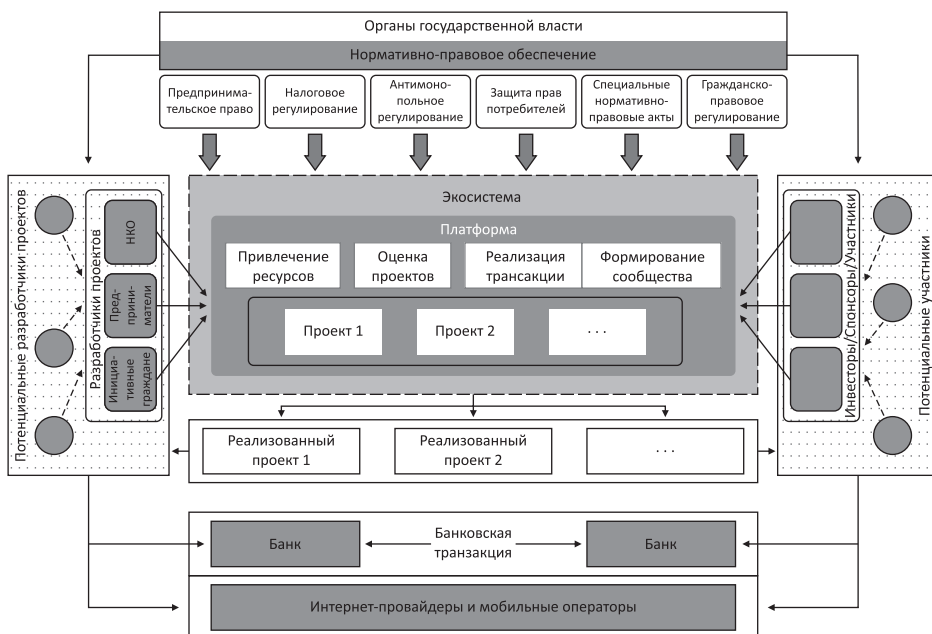

Рис. 3. Модель регулирования и функционирования некоммерческих платформ шеринг-экономики / Fig. 3. Regulation and functioning model of non-profit sharing economy platforms

Источник: составлено авторами.

постепенно вовлекают гражданское общество в решение общественных задач. В случае активной гражданской позиции, что требует соответствующего уровня доверия, цифровые платформы шеринг-экономики могут стать инициатором институциональных изменений. Государство при этом выбирает стратегию сотрудничества или стратегию противодействия. Первая потребует разработки новых механизмов взаимодействия, программ развития, учитывающих влияние платформ. Кроме того, данное сотрудничество позволит рассматривать более масштабные экосистемы, в том числе формирование «умных» и «шеринг-городов». При выборе стратегии противодействия имеется риск укрепить теневой рынок в шеринг-экономике, а также упустить имеющиеся возможности для развития городской среды и отдельных отраслей.

Третий вариант развития шеринг-сервисов – это построение бизнеса компании посредством предоставления доступа к тому или иному виду ресурсов (каршеринг, кикшеринг и т. д.). Каршерингом (carsharing) принято называть набор сервисов или отдельные сервисы, предоставляющие посредством цифровой платформы право индивиду использовать автомобиль за установленную плату. Сервисы, предоставляющие подобным образом право пользования самокатом, объединены термином «кикшеринг» (kicksharing). С одной стороны, данная форма шеринга может быть рассмотрена как традиционная форма предпринимательской деятельности; с другой стороны, ее внедрение и масштабность распространения инициируют изменения в законодательстве. Так, распространение проката самокатов стало причиной внесения в правила дорожного движения понятия «индивидуальная мобильность». Кикшеринг, в свою очередь, позволяет формировать «умную мобильность» – одну из характеристик «умных городов». Кроме того, кикшеринг используется в развитии сервисов доставки, которые являются частью отдельной экосистемы.

Безусловно, сервисы каршеринга требуют существенных инвестиций и имеют довольно длительный срок окупаемости, однако вместе с тем они могут быть весьма успешно использованы для развития городской среды, являясь альтернативным вариантом передвижения при недостатке парковочных мест и избыточности транспорта. Здесь также имеют место сетевые эффекты и эффект масштаба, проявляемый при развитии данного сервиса. Показательным примером применения каршеринга для развития городской среды является опыт Москвы, выделяющей субсидии для поддержки данного вида деятельности.

ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенный анализ и представленное описание моделей регулирования и функционирования коммерческих и некоммерческих платформ шеринг-экономики позволяют сделать вывод, что такие платформы способны существенно трансформировать целые рынки и инициировать создание новых, вовлекая гражданское общество в решение социально-экономических задач. При этом следует говорить не только о регулировании, но и о поддержке сервисов шеринг-экономики.

Поддержка сервисов и платформ шеринг-экономики может быть реализована по целому ряду направлений.

Во-первых, непосредственно финансовая поддержка цифровых платформ шеринг-экономики. Наиболее ярким примером, как было отмечено выше, является выделение субсидий и грантов на развитие каршеринга в городе Москве. Опыт Китая также убеждает в целесообразности поддержки данного типа компаний.

Во-вторых, содействие в трансформации и адаптации отраслей, пострадавших от развития шеринг-экономики, и определение границ рынков посредством налогового законодательства, защиты конкуренции и других специальных мер поддержки.

В-третьих, реализация совместных с государством проектов. В частности, при анализе инвестиционных платформ, представленных в регионах, нами было показано, что краудлендинговые и краудинвестинговые платформы способны выступить площадкой для привлечения инвестиций в региональные проекты (Веретенникова, 2022). Таким образом, разработка механизмов сотрудничества инвестиционной платформы, органов государственной власти, хозяйствующих субъектов и гражданского общества открывает возможности для реализации проектов, направленных на развитие территории. Совместное финансирование проектов гражданским обществом и государством может реализовываться и посредством краудфандинговых платформ, что повысит вовлеченность граждан в решение задач социально-экономической сферы.

Наконец, развитие сервисов шеринг-экономики, в частности шеринга данных в рамках развития «умных городов». В задачи «умной» мобильности уже включены сервисы каршеринга и кикшеринга. Сотрудничество шеринг-платформ по перепродаже предметов вторичного пользования с органами государственной власти будет способствовать решению задач в области защиты окружающей среды, трансформировать модели поведения граждан в направлении развития этичного потребления. Важно отметить, что для реализации подобных проектов необходимы следующие условия: готовность цифровой инфраструктуры города, наличие предложений и решений для их реализации, заинтересованность граждан в развитии города, доверие граждан и бизнеса органам государственной власти и местного самоуправления.

Сочетание усилий по всем этим направлениям позволит сбалансировать трансформацию рынков в связи с внедрением цифровых платформ и стимулировать развитие шеринг-экономики. Однако несбалансированность мер поддержки будет вызывать сопротивление как со стороны государства, так и со стороны других заинтересованных лиц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках исследования с целью разработки моделей функционирования и регулирования, а также мер поддержки проектов шеринг-экономики были получены следующие результаты.

Во-первых, описаны экономические агенты и их интересы при реализации проектов шеринг-экономики. Показано, что многообразие экономических агентов в шеринг-экономике не ограничивается лишь перечнем потребителей, поставщиков и собственно цифровой платформой.

Во-вторых, представлены авторские модели функционирования и регулирования платформ шеринг-экономики для коммерческих и некоммерческих платформ. Эти модели показывают, что коммерческие платформы, будучи основательнее проработанными с точки зрения вопросов функционирования, являются, однако, более простыми. Некоммерческие платформы задействуют более широкий круг процессов, не только удовлетворяя ту или иную потребность, но и способствуя трансформации среды. Таким образом, если коммерческие платформы могут быть рассмотрены как отдельный рынок, то некоммерческие обладают существенным потенциалом трансформации институтов на разных уровнях хозяйствования.

В-третьих, при обсуждении полученных результатов обозначены отдельные меры поддержки проектов шеринг-экономики путем их вовлечения в решение общественных задач, в том числе при проектировании «умных городов».

Теоретическая значимость полученных результатов состоит в развитии исследований в области шеринг-экономики в российской практике; практическая – в возможности развития мер поддержки шеринг-экономики в целях решения социальных и экономических задач.

Список источников

Авдокушин Е. Ф., Кузнецова Е. Г. Экосистемы шеринговой экономики // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 4. С. 83–100. <http://doi.org/10.28995/2073-6304-2021-4-83-100>.

Алтухов А. В., Гостилович А. О., Кашкин С. Ю. Платформенное право в регулировании экономики совместного потребления // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4. С. 439–441. <http://doi.org/10.46320/2073-4506-2021-4-155-439-441>.

Антипин Д. М., Садовская Т. Г. Особенности и проблемы регулирования деятельности предприятий экономики совместного потребления // Экономика и предпринимательство. 2016. № 6. С. 879–885.

Аюшеева И. З. Гражданско-правовое регулирование отношений по совместному использованию транспортных средств на примере каршеринга // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 25–32. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.54.2.025-032>.

Бакиева М. Ю. Краудинвестинг как перспективный инструмент финансирования инновационной деятельности строительных организаций // Финансы, денежное обращение и кредит. 2021. № 2. С. 92–105.

Веретенникова А. Ю. Моделирование потенциала развития совместного финансирования и инвестирования в регионах России // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 4. С. 2269–2284. <https://doi.org/10.18334/vines.12.4.116522>.

Вершицкий А. В., Вершицкая Е. Р. Методы регулирования экономики совместного потребления // Экономика и предпринимательство. 2017. № 10–1. С. 512–516.

Гирич М. Г., Сауле А. Влияние международных стандартов на регулирование национальных рынков агрегаторов такси // Международная торговля

- и торговая политика. 2020. № 2. С. 146–161. <http://doi.org/10.21686/2410-7395-2020-2-146-161>.
- Железова Е. Б., Измалков С. Б., Сонин К. И. и др. Теория и практика двусторонних рынков (Нобелевская премия по экономике 2012 года) // Вопросы экономики. 2013. № 1. С. 4–26. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-1-4-26>.
- Затолокин А. А. О государственном контроле за автомобильными поездками, при которых пассажиры компенсируют часть расходов (карпулинг, райдшеринг) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 3. С. 91–94.
- Иншаков О. В. «Человек институциональный» – субъект социально освященного действия // Homo institutus – Человек институциональный / Под ред. О. В. Иншакова. Волгоград: Волгоград. гос. ун-т, 2005. С. 59–86.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
- Кашкин С. Ю., Алтухов А. В. В поисках концепции правового регулирования искусственного интеллекта: платформенные правовые модели // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 4. С. 26–40. <http://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.68.4.026-040>.
- Лебедев Д. С. Трансакционно-сетевой подход к оценке институциональных изменений // Проблемы современной экономики. 2011. № 4. С. 58–63.
- Линкевич Е. В. Концепция сетевого общества в системе социального знания // Инновационный потенциал молодежи: социальная, экологическая и экономическая устойчивость: материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 1–2 октября 2018 г.) / Под общ. ред. А. В. Пономарева. Екатеринбург: УрФУ, 2018. С. 169–173.
- Остром Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности / Пер. с англ. Т. Монтян. М.; Челябинск: Социум, 2020. 449 с.
- Попов Е. В., Семячков К. А., Симонова В. Л. Концепция сетевого потенциала фирмы // Журнал экономической теории. 2017. № 1. С. 93–102.
- Степанова Е. А. Теория и методология сетевого подхода в исследованиях российских онлайн-сообществ // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 2. С. 50–66.
- Acquier A., Daudigeos T., Pinkse J. Promises and paradoxes of the sharing economy: An organizing framework // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 125. P. 1–10. <http://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.07.006>.
- Botsman R., Rogers R. What's mine is yours: The rise of collaborative consumption. New York: Harper Collins, 2010. 304 p.
- Busse V., Gregus M. Crowdfunding – An innovative corporate finance method and its decision-making steps // Advances in intelligent networking and collaborative systems. INCoS 2019. Advances in intelligent systems and computing / Ed. by L. Barolli, H. Nishino, H. Miwa. Cham: Springer, 2020. P. 544–555. https://doi.org/10.1007/978-3-030-29035-1_53.
- Chen Y., Huang Y., Tan C. H. Short-term rental and its regulations on the home-sharing platform // Information & Management. 2020. Vol. 58, № 3. Art. № 103322. <http://doi.org/10.1016/j.im.2020.103322>.
- Coase R. The problem of social cost // Journal of Law and Economics. 1960. Vol. 3, № 10. P. 1–44. <https://doi.org/10.1086/466560>.

De Stefano V. The rise of the “just-in time workforce”: On demand work, crowd-work, and labor protection in the “gig economy” // *Comparative Labor Law & Policy Journal*. 2016. Vol. 37, № 3. P. 471–504.

Gawel A., Machur W., Pennington J. Industry agenda: Understanding the sharing economy. System initiative on environment and natural resource security [Электронный ресурс] // *World Economic Forum*. 2016. 16 p. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Understanding_the_Sharing_Economy_report_2016.pdf (дата обращения: 26.07.2023).

Hardin G. The tragedy of the commons // *Science*. 1968. Vol. 162, № 3859. P. 1243–1248. <http://doi.org/10.1126/science.162.3859.1243>.

Heerschap N., Pouw N., Atme C. Measuring online platforms. In cooperation with University van Amsterdam, 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/330182090_Measuring_online_platforms_In_cooperation_with_UvA (дата обращения: 15.07.2023).

Hossain M. Sharing economy: A comprehensive literature review // *International Journal of Hospitality Management*. 2020. Vol. 87. Art. № 102470. <http://doi.org/10.1016/j.ijhm.2020.102470>.

Kirchner S., Schüßler E. Regulating the sharing economy: A field perspective // *Theorizing the sharing economy: Variety and trajectories of new forms of organizing* (Research in the Sociology of Organizations, vol. 66) / Ed. by I. Maurer, J. Mair, A. Oberg. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2020. P. 215–236. <http://doi.org/10.1108/S0733-558X2020000066010>.

Lessig L. Two economies: Commercial and sharing // *Remix: Making art and commerce thrive in the hybrid economy*. London: Bloomsbury Academic, 2008. P. 117–176.

Miller S. First principles for regulating the sharing economy // *Harvard Journal on Legislation*. 2016. Vol. 53, № 1. P. 147–202.

Retamal M., Dominish E. The sharing economy in developing countries. Prepared by the Institute for Sustainable Futures at the University of Technology Sydney (UTS) for Tearfund UK, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://hdl.handle.net/10453/159299> (дата обращения: 15.07.2023).

Rochet J., Tirole J. Platform competition in two-sided markets // *Journal of the European Economic Association*. 2003. Vol. 1, № 4. P. 990–1029. <http://doi.org/10.1162/154247603322493212>.

Schor J. Debating the sharing economy [Электронный ресурс] // *Great Transition Initiative*. 2014. URL: <https://greattransition.org/publication/debating-the-sharing-economy> (дата обращения: 01.08.2023).

Schwanholz J., Leipold S. Sharing for a circular economy? An analysis of digital sharing platforms' principles and business models // *Journal of cleaner production*. 2020. Vol. 269. Art. № 122327. <http://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.122327>.

Zhang J., Liu P. Rational herding in microloan markets // *Management Science*. 2012. Vol. 58, № 5. P. 892–912. <http://doi.org/10.2307/41499528>.

Информация об авторах

А. Ю. Веретенникова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра экономической теории ФГБУН Института экономики

Уральского отделения Российской академии наук, 620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29

SPIN-код (РИНЦ): 7251-7371

AuthorID (РИНЦ): 587754

Web of Science ResearcherID: N-4275-2016

Scopus Author ID: 55522721900

К. А. Семячков – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра экономической теории ФГБУН Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, 620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29

SPIN-код (РИНЦ): 3304-0614

AuthorID (РИНЦ): 937236

Web of Science ResearcherID: F-6974-2017

Scopus Author ID: 57205250348

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 04.08.2023; одобрена после рецензирования 01.10.2023; принята к публикации 01.10.2023.

References

Avdokushin, E. F. and Kuznetsova, E. G. (2020), "Ecosystems of the sharing economy", *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. "Economics. Management. Law" Series*, no. 4, pp. 83–100, <http://doi.org/10.28995/2073-6304-2021-4-83-100>.

Altukhov, A. V., Gostilovich, A. O. and Kashkin, S. Yu. (2021), "Platform law in the regulation of the sharing economy", *Eurasian Law Journal*, no. 4, pp. 439–441, <http://doi.org/10.46320/2073-4506-2021-4-155-439-441>.

Antipin, D. M. and Sadovskaja, T. G. (2019), "Specific aspects and issues of sharing economy business regulation", *Journal of Economy and Entrepreneurship*, no. 6, pp. 879–885.

Aiusheeva, I. Z. (2019), "Civil law regulation of car sharing", *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, no. 2, pp. 25–32, <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.54.2.025-032>.

Bakieva, M. Yu. (2022), "Prospective directions of financing innovative activities of construction organizations", *Finance, Monetary Circulation and Credit*, no. 2, pp. 92–105.

Veretennikova, A. Yu. (2022), "Modelling the development potential of joint financing and investments in Russian regions", *Russian Journal of Innovation Economics*, vol. 12, no. 4, pp. 2269–2284, <https://doi.org/10.18334/vinec.12.4.116522>.

Vershitsky, A. V. and Vershitskaya, E. R. (2017), "Methods for regulating the economy of joint consumption", *Journal of Economy and Entrepreneurship*, no. 10–1, pp. 512–516.

Girich, M. G. and Saule, A. (2020), "International standards impact on the regulation of national taxi aggregator markets", *International Trade and Trade Policy*, no. 2, pp. 146–161, <http://doi.org/10.21686/2410-7395-2020-2-146-161>.

Zhelezova, E. B., Izmalkov, S. B., Sonin, K. I. et al. (2013), "Two-sided markets: Theory and applications (Nobel Memorial Prize in economics 2012)", *Voprosy Ekonomiki*, no. 1, pp. 4–26, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-1-4-26>.

Zatolokin, A. A. (2018), "About the state control of automobile trips at which passengers compensate a part of expenses (carpooling, ridesharing)", *Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*, no. 3, pp. 91–94.

Inshakov, O. V. (2005), "Institutional Man" – The subject of socially sanctified action", in Inshakov, O. V. (ed.), *Homo institutus – Institutional Man*, Volgograd State University, Volgograd, Russia, pp. 9–87.

Castells, M. (2000), *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information era: Economy, society and culture], translated by Shkaratan, O. I. (ed.), HSE Publishing House, Moscow, Russia.

Kashkin, S. Yu. and Altukhov, A. V. (2020), "The concept of legal regulation of artificial intelligence: Platform legal models", *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, no. 4, pp. 26–40, <http://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.68.4.026-040>.

Lebedev, D. S. (2011), "Transactional network approach to assessing institutional changes", *Problems of Modern Economics*, no. 4, pp. 58–63.

Linkevich, E. V. (2018), "The theory of network society in the system of social science", in Ponomarev, A. V. (ed.), *Innovatsionnyi potentsial molodezhi: sotsial'naya, ekologicheskaya i ekonomicheskaya ustoichivost': materialy Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchno-issledovatel'skoi konferentsii* [Innovative potential of youth: Social, environmental and economic sustainability: Materials of the International Youth Research Conference], Yekaterinburg, October 1–2, 2018, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, pp. 169–173.

Ostrom, E. (2011), *Governing the commons: The evolution of institutions for collective action*, translated by Montyan, T., "Society" Publishing house, Moscow, Chelyabinsk, Russia.

Popov, E. V., Semyachkov, K. A. and Simonova, V. L. (2017), "The concept of network firm's potential", *Russian Journal of Economic Theory*, no. 1, pp. 93–102.

Stepanova, E. A. (2018), "The theory and methodology of the network approach in researches of Russian online-communities", *South-Russian Journal of Social Sciences*, vol. 19, no. 2, pp. 50–66.

Acquier, A., Daudigeos, T. and Pinkse, J. (2017), "Promises and paradoxes of the sharing economy: An organizing framework", *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 125, pp. 1–10, <http://doi.org/10.1016/j.techfore.2017.07.006>.

Botsman, R. and Rogers, R. (2010), *What's mine is yours: The rise of collaborative consumption*, Harper Collins, NYC, NY, US.

Busse, V. and Gregus, M. (2020), "Crowdfunding – An innovative corporate finance method and its decision-making steps", in Barolli, L., Nishino, H. and Miwa, H. (eds.), *Advances in intelligent networking and collaborative systems. INCoS 2019. Advances in intelligent systems and computing*, Springer, Cham, Switzerland, pp. 544–555, https://doi.org/10.1007/978-3-030-29035-1_53.

Chen, Y., Huang, Y. and Tan, C. H. (2020), "Short-term rental and its regulations on the home-sharing platform", *Information & Management*, vol. 58, no. 3, art. no. 103322, <http://doi.org/10.1016/j.im.2020.103322>.

Coase, R. (1960), "The problem of social cost", *Journal of Law and Economics*, vol. 3, no. 10, pp. 1–44, <https://doi.org/10.1086/466560>.

De Stefano, V. (2016), "The rise of the "just-in time workforce": On demand work, crowdwork, and labor protection in the "gig economy", *Comparative Labor Law & Policy Journal*, vol. 37, no. 3, pp. 461–471.

Gawel, A., Machur, W. and Pennington, J. (2016), "Industry agenda: Understanding the sharing economy. System initiative on environment and natural resource security", *World Economic Forum*, 16 p. [Online], available at: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Understanding_the_Sharing_Economy_report_2016.pdf (Accessed July 26, 2023).

Hardin, G. (1968), "The tragedy of the commons", *Science*, vol. 162, no. 3859, pp. 1243–1248, <http://doi.org/10.1126/science.162.3859.1243>.

Heerschap, N., Pouw, N. and Atme, C. (2019), "Measuring online platforms. In cooperation with University van Amsterdam" [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/330182090_Measuring_online_platforms_In_cooperation_with_UvA (Accessed July 15, 2023).

Hossain, M. (2020), "Sharing economy: A comprehensive literature review", *International Journal of Hospitality Management*, vol. 87, art. no. 102470, <http://doi.org/10.1016/j.ijhm.2020.102470>.

Kirchner, S. and Schüßler, E. (2020), "Regulating the sharing economy: A field perspective", in Maurer, I., Mair, J. and Oberg, A. (eds.), *Theorizing the sharing economy: Variety and trajectories of new forms of organizing* (Research in the Sociology of Organizations, vol. 66), Emerald Publishing Limited, Bingley, UK, pp. 215–236, <http://doi.org/10.1108/S0733-558X2020000066010>.

Lessig, L. (2008), "Two economies: Commercial and sharing", in *Remix: Making art and commerce thrive in the hybrid economy*, Bloomsbury Academic, London, UK, pp. 117–176.

Miller, S. (2016), "First principles for regulating the sharing economy", *Harvard Journal on Legislation*, vol. 53, no. 1, pp. 147–202.

Retamal, M. L. and Dominish, E. (2017), "The sharing economy in developing countries", prepared by the Institute for Sustainable Futures at the University of Technology Sydney (UTS) for Tearfund UK [Online], available at: <http://hdl.handle.net/10453/159299> (Accessed July 15, 2023).

Rochet, J. and Tirole, J. (2003), "Platform competition in two-sided markets", *Journal of the European Economic Association*, vol. 1, no. 4, pp. 990–1029, <http://doi.org/10.1162/154247603322493212>.

Schor, J. (2014), "Debating the sharing economy", *Great transition initiative* [Online], available at: <https://greattransition.org/publication/debating-the-sharing-economy> (Accessed August 1, 2023).

Schwanholz, J. and Leipold, S. (2020), "Sharing for a circular economy? An analysis of digital sharing platforms' principles and business models", *Journal of Cleaner Production*, vol. 269, art. no. 122327, <http://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.122327>.

Zhang, J. and Liu, P. (2012), "Rational herding in microloan markets", *Management Science*, vol. 58, no. 5, pp. 892–912, <http://doi.org/10.2307/41499528>.

Information about the authors

A. Yu. Veretennikova – Candidate of Economics, Senior Researcher at the Center for Economic Theory, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 29 Moskovskaya Str., Yekaterinburg, 620014, Russia

SPIN-code (RSCI): 7251-7371

AuthorID (RSCI): 587754

Web of Science Researcher ID: N-4275-2016

Scopus Author ID: 55522721900

K. A. Semyachkov – Candidate of Economics, Senior Researcher at the Center for Economic Theory, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 29 Moskovskaya Str., Yekaterinburg, 620014, Russia

SPIN-code (RSCI): 3304-0614

AuthorID (RSCI): 937236

Web of Science Researcher ID: F-6974-2017

Scopus Author ID: 57205250348

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 04.08.2023; approved after reviewing 01.10.2023; accepted for publication 01.10.2023.

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКОЙ

PUBLIC POLICY AND PUBLIC POLICY GOVERNANCE

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 560–579.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 4, pp. 560–579.

Научная статья

УДК [327.7:316.722](470.22)

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-560-579>

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ В КАЧЕСТВЕ ИНСТРУМЕНТА «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ: КЕЙС РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

Екатерина Андреевна Шлапек¹✉, Сергей Павлович Артеев²,
Светлана Викторовна Кондратьева³

^{1,3} Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия

² Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
Москва, Россия

¹ shlapenko_kate@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3518-4543>

² artsp7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4335-2850>

³ svkorka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8832-9182>

Аннотация. Введение: пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 и острая конфронтация между Россией и странами Запада поставили под угрозу реализацию ряда международных проектов в начале 2020-х годов. Закрытые границы существенно усложнили поддержание личных и профессиональных контактов для академического сообщества и экспертных кругов. Противоборствующие стороны проводят политику «культуры отмены». Такая неблагоприятная международно-политическая обстановка стимулирует поиск новых форматов сотрудничества и переосмысление давно известных каналов взаимодействия. В сложившихся внешнеполитических обстоятельствах возрастает значение инструментов для открытого диалога и сохранения климата доверия между региональными сообществами России и иностранных государств: претерпев определенные ограничения, они не были закрыты полностью, как это произошло на межгосударственном уровне. **Цель:** выявление динамики развития общественной дипломатии в качестве инструмента «мягкой силы» в современных геополитических условиях на примере приграничного региона Северо-Западного федерального округа Российской Федерации – Республики Карелия.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Методы: терминологический анализ, контент-анализ документов и компаративный метод. **Результаты:** представлен опыт развития общественной дипломатии в Республике Карелия, вызовы, с которыми столкнулись участники международного диалога, и предложены формы дальнейшей коммуникации. **Выводы:** деполитизированный характер субнационального международного взаимодействия позволит сторонам использовать потенциал «мягкой силы», выявляя значимые для Российской Федерации направления и условия для поступательного развития трансграничных взаимодействий с различными государствами в новой международной политической реальности.

Ключевые слова: международная гуманитарная политика, межтерриториальное сотрудничество, некоммерческие организации, международно-политический кризис, цифровые коммуникации

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания Карельского научного центра РАН и тематики деятельности кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России.

Для цитирования: Шлапеко Е. А., Артеев С. П., Кондратьева С. В. Динамика развития общественной дипломатии в качестве инструмента «мягкой силы» в современных международно-политических реалиях: кейс Республики Карелия // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 560–579. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-560-579>.

Original article

TRENDS OF NGOS' DIPLOMACY AS A "SOFT POWER" TOOL IN THE NEW INTERNATIONAL POLITICAL REALMS: CASE OF THE REPUBLIC OF KARELIA

Ekaterina A. Shlapeko¹✉, Sergey P. Arteev², Svetlana V. Kondrateva³

^{1,3} Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the RAS, Petrozavodsk, Russia

² MGIMO University, Moscow, Russia

¹ shlapeko_kate@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3518-4543>

² artsp7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4335-2850>

³ svkorka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8832-9182>

Abstract. Introduction: the COVID-19 pandemic and the acute confrontation between Russia and Western countries jeopardized the implementation of a number of international projects in the early 2020s. Closed borders made it much more difficult for the academic and expert community to maintain personal and professional contacts. The opposing sides pursue a policy of “withdrawal culture”. This unfavorable international political environment stimulates the search for new formats of cooperation and rethinking of long-known channels of interaction. In the current foreign policy circumstances, the tools for open dialog and preserving the climate of trust between the regional communities of Russia and foreign countries are rising their importance: even though they turn out to be very limited, these were not completely closed, as it happened at the interstate level. **Objectives:** to identify the public diplomacy dynamics as an instrument of “soft power” in modern geopolitical conditions using the case of the Republic of Karelia (border region in the North-West of the Russian Federation). **Methods:** terminology analysis, document analysis and comparative method. **Results:** the experience of public diplomacy development in the Republic of Karelia, the challenges faced by the participants of international dialogue and the forms of further communication are presented.

Conclusions: the depoliticized nature of subnational international interaction will allow the parties to use the potential of “soft power”, identifying the directions significant for the Russian Federation and the conditions for the progressive development of cross-border interactions with different states in the new international political reality.

Keywords: international humanitarian policy, public diplomacy, inter-territorial cooperation, non-governmental organizations, international political crisis, digital communications

Acknowledgments: the study was supported by the government fund to the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences and the research field of the World Politics Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

For citation: Shlapenko, E. A., Artyev, S. P. and Kondratyeva, S. V. (2023), “Trends of NGOs’ diplomacy as a “soft power” tool in the new international political realms: Case of the Republic of Karelia”, *Ars Administrandi*, 2023, vol. 15, no. 4, pp. 560–579, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-560-579>.

ВВЕДЕНИЕ

События рубежа 2010–2020-х годов оказали мощное воздействие на реконфигурацию международных отношений. Среди наиболее весомых факторов следует отметить глобальные ограничительные меры в связи с пандемией COVID-19 и вспышками других инфекционных заболеваний, масштабную конфронтацию между Россией и странами Запада, в том числе в связи с событиями на Украине, военно-политические амбиции новых центров силы. В совокупности эти обстоятельства привели к формированию глубоких разломов в международном взаимодействии, к кризису существующей модели мироустройства. В изменившихся условиях резко возрастает значимость трансграничных взаимодействий, осуществляемых не только на национальном, но и на субнациональном (региональном) уровне.

В современных реалиях международные связи субнациональных регионов – парадипломатия – становятся перспективным инструментом «мягкой силы» для преодоления негативных последствий сложившейся ситуации и восстановления партнерских отношений Российской Федерации с зарубежными государствами после окончания острой фазы международно-политического кризиса. Кроме того, активная перенастройка внешнеполитической повестки с Запада на страны Азии, Африки и Латинской Америки также подразумевает вовлечение субъектов Российской Федерации. Для повышения эффективности этих процессов необходим синтез парадипломатии и общественной дипломатии. Опыт общественной дипломатии, накопленный во второй половине XX – начале XXI века, может быть применен для стабилизации международного общения на федеральном, региональном и локальном уровнях. Однако модель общественной дипломатии нуждается в изменении за счет интеграции в нее парадипломатии в качестве инструмента «мягкой силы». При этом предполагается двухуровневая структура продвигаемых внешне-

политических интересов – федеральная и региональная. Следует отметить, что использование парадипломатии, общественной дипломатии и «мягкой силы» в условиях международно-политического кризиса изучено слабо. Более того, в научном дискурсе, как правило, эти вопросы анализируются отдельно.

Дискуссии о «мягкой силе» той или иной страны оживляются в период внешнеполитических кризисов или в связи с острой необходимостью обновления институтов, ответственных за ее проекцию. Этот вектор анализа подкреплен официальной повесткой, представленной в первую очередь Концепцией внешней политики Российской Федерации, в которой утверждается значимость использования, в дополнение к традиционным дипломатическим методам, возможностей гражданского общества для решения внешнеполитических задач. Вовлеченность институтов гражданского общества в международные процессы – общемировой тренд, нашедший отражение и в доктринальных документах нашей страны. Обновленная Концепция внешней политики Российской Федерации, официально опубликованная и вступившая в силу 31 марта 2023 года, содержит новшество, отличающее эту редакцию от предыдущих, – специальный раздел по международному гуманитарному сотрудничеству, в котором дано более развернутое толкование роли общественной дипломатии в российской внешней политике с акцентом на роль институтов гражданского общества и экспертного сообщества¹. В то же время, в отличие от редакции Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 года², в новом документе нет упоминания «мягкой силы». Известно, что в российских официальных кругах термин «мягкая сила» часто ассоциируется с вмешательством во внутренние дела государств, а потому имеет отрицательные коннотации. Вероятно, именно по этой причине «мягкую силу» в новой редакции не стали упоминать напрямую, но вместо нее сделали специальный раздел по международному гуманитарному сотрудничеству. Однако сам документ содержит множество положений, так или иначе затрагивающих предметное поле «мягкой силы». В Концепции 2023 года раздел, посвященный внешним связям субъектов Российской Федерации, по сути, сохранился в неизменном виде. В целом парадипломатическая часть (не превышающая нескольких строк) не претерпевала каких-либо кардинальных изменений во всех редакциях Концепции внешней политики Российской Федерации начиная с 1993 года. Эта доктринальная константа свидетельствует скорее о слабом интересе федерального центра к парадипломатии и отсутствию восприятия внешних связей регионов как значимого ресурса для внешней политики России.

Еще одним важным ориентиром для российских участников международного диалога выступает Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, впервые появившаяся в 2022 году. В ней, по сравне-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Рос. Федерации 31.03.2023 № 229. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869/> (дата обращения: 02.04.2023).

² Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Рос. Федерации 30.11.2016 № 640. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/> (дата обращения: 12.03.2023).

нию с Концепцией внешней политики Российской Федерации, роль российских регионов во внешнеполитической сфере представлена более детально (ст. 115, 117)³.

Приоритет развития трансграничных взаимодействий с географически и исторически соседними странами связан с поддержанием и укреплением культурных, этнических и языковых связей с народами этих стран и в конечном счете с созданием благоприятного образа России в мире. Межтерриториальное сотрудничество следует рассматривать как систему взаимообусловленных индивидуальных действий (Межевич, 2009, с. 23). Это также объясняет, почему анализ трансграничного сотрудничества должен начинаться со сбора и обработки данных о внешней среде, которая может способствовать или препятствовать взаимодействию сообществ, городов и регионов.

Цель настоящего исследования – выявление динамики развития субнациональной общественной дипломатии в качестве инструмента «мягкой силы» в современных геополитических условиях на примере приграничного региона Северо-Западного федерального округа Российской Федерации – Республики Карелия.

Республика Карелия выбрана в качестве модельной площадки для исследования динамики развития общественной дипломатии в новых международно-политических условиях по нескольким причинам:

- с 2014 года в ходе стагнации отношений между Россией и Западом и после начала общеизвестных событий на Украине в 2022 году наибольший ущерб от сокращения приграничного сотрудничества как важнейшей сферы парадипломатии понесли именно эти субнациональные регионы. Произошло это как в силу наличия значительного количества проектов, так и вследствие географического фактора – соседства с государствами-членами Европейского союза (ЕС);

- подходы западных государств к парадипломатическому треку на российском направлении имеют свои национальные особенности, и эти отличия отчетливо проецируются на северо-западных рубежах России, особенно в Карелии;

- официальный внешнеполитический курс, отраженный в том числе в новой Концепции внешней политики Российской Федерации, подтверждает необходимость и потребность России в нормализации отношений с Западом⁴.

Таким образом, парадипломатия в условиях масштабного международно-политического кризиса не только не утрачивает своего значения, но, напротив, актуализируется в качестве сложного феномена, сопряженного и с внешней политикой государства, и с общественными инициативами. Однако понимание значимости парадипломатического фактора в экспертных кругах в целом находится на низком уровне и парадипломатия не воспринимается как весомый ресурсный институт.

³ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Рос. Федерации 05.09.2022 № 611. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405140851/> (дата обращения: 12.03.2023).

⁴ Там же. П. 17.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Мягкая сила»

Обращаясь к терминологическим аспектам рассматриваемой в статье проблемы, необходимо отметить, что употребление понятий «публичная дипломатия», «общественная дипломатия», «народная дипломатия» в российских исследованиях во многом зависит от авторского подхода. Отечественные исследователи подробно останавливались на происхождении и возможных разграничениях терминов (Лебедева, 2017; Шлапек, 2017; Васильева и Антончева, 2019), отмечая, что ни в одном концептуальном российском документе нет определения публичной дипломатии. Эксперты склонны рассматривать общественную дипломатию как одно из направлений публичной дипломатии государства (Мухаметов, 2014; Васильева и Антончева, 2019). Субъектами общественной дипломатии выступают общественные организации, экспертные сообщества, частные лица и др. Однако объект и цели общественной и публичной дипломатии совпадают: «объект – это международное общественное мнение, а цель – создание позитивного имиджа и налаживание долговременных добрососедских взаимоотношений» (Шлапек, 2017, с. 153–154). В данной работе *под «общественной дипломатией» понимается система международной коммуникации институтов гражданского общества в культурной, научной, гуманитарной и иных областях*. Несмотря на мнение авторов доклада «Практики публичной дипломатии регионов России 2017–2021 гг.», полагающих, что термин «народная дипломатия» устарел⁵, следует признать, что именно ситуация в регионах и сохраняющиеся личные контакты свидетельствуют о колоссальной роли отдельных персоналий (преподавателей, спортсменов, деятелей культуры и др.) в сохранении диалога с зарубежными обществами. Особая роль частных лиц и некоммерческих организаций (НКО) во внешней политике состоит в том, что их «отношения с иностранными партнерами имеют тенденцию сохраняться и развиваться независимо от отношений между государствами» (Шлапек, 2017, с. 153).

Термин «мягкая сила» в современном значении концептуализировал и ввел в оборот американский политолог Джозеф Най. В своей статье 1990 года Най назвал «мягкой силой» способность «заставлять другого хотеть того же, чего хочешь ты» (Nye, 1990, p. 167), позднее расширив формулировку: «достигать результатов через убеждение и притягательность, а не через принуждение или плату»⁶. Концепт «мягкой силы» подразумевает достижение целей на международной арене за счет добровольного участия – например, с помощью открытия языковых центров и других культурных и общественных учреждений, НКО. В качестве источников «мягкой силы» Дж. Най указал

⁵ *Практики публичной дипломатии регионов России 2017–2021 гг.: доклад № 86* / Н. В. Бурилинова, Д. Е. Божко, В. Н. Табак и др.; под ред. Е. О. Карпинской, Е. С. Швецово́й, С. М. Гавриловой; Рос. совет по междунар. делам, Центр поддержки и развития обществ. инициатив «Креативная дипломатия». М.: НП РСМД, 2022. С. 8.

⁶ Nye J. S. Jr. Why China is weak on soft power [Online] // New York Times. Jan., 17, 2012. URL: http://www.nytimes.com/2012/01/18/opinion/why-china-is-weak-on-soft-power.html?_r=0 (Accessed March 25, 2023).

три: культуру, политические ценности и внешнюю политику. Предложенная концепция, несмотря на приобретенную популярность, вызвала широкую дискуссию. Многие авторы подвергают сомнению эффективность «мягкой силы» как инструмента внешней политики в эпоху глобальной нестабильности и турбулентности, а также критикуют эту концепцию за методологическую эклектичность и невозможность верификации (Наумов, 2021; Юдин, 2018).

В России в последние годы осознали важность «мягкой силы», эффект которой заметен в долгосрочной перспективе, и приступили к созданию институтов публичной и общественной дипломатии. Научно-культурное и гуманитарное сотрудничество – традиционные инструменты «мягкой силы», используемые многими государствами для продвижения своих интересов. Вполне закономерно, что в Концепции гуманитарной политики Российской Федерации отмечается необходимость расширения контактов между людьми, формирования и укрепления объективного восприятия нашей страны в мире, содействия пониманию исторического пути, роли и места России в мировой истории и культуре.

Общественная дипломатия

Признание на официальном уровне роли институтов гражданского общества как инструментов «мягкой силы» государства сопровождается растущим научным интересом к данной проблематике. В исследованиях *международная деятельность общественных организаций охватывается понятием «общественная дипломатия»*, определяются ее возможные роли и особый характер. В работах И. Л. Шершнева и Р. С. Мухаметова перечисляются задачи общественной дипломатии: воздействие на общественное мнение, участие в международных программах развития, создание информационной инфраструктуры, участие в форумах, организация дискуссионных площадок, ознакомление зарубежной аудитории с национальным наследием (Шершнев, 2012; Мухаметов, 2014). В докладе Российского совета по международным делам отмечаются гуманитарные функции НПО-международников: культурная и языковая дипломатия, работа с соотечественниками; сохранение исторической правды и политика противодействия фальсификации истории в международном общественном пространстве; международное молодежное сотрудничество⁷.

Синтез «мягкой силы», общественной дипломатии и парадипломатии

В современных исследованиях позитивно оценивается опыт приграничных территорий Северо-Запада России в развитии международных, и в первую очередь побратимских, связей (Lavrushina et al., 2021; Кондратьева, 2022), внешнеэкономического сотрудничества (Межевич, 2009; Шлямин, 2022), что во многом определяет потенциал регионов и городов в реализации политики «мягкой силы», а также в привлечении внешних ресурсов в региональные программы развития.

⁷ Российские НПО-международники в системе публичной дипломатии России: типология, проблемы взаимодействия с государством и внешний образ в условиях санкций: доклад № 81 / Н. В. Бурлинова; под ред. Е. О. Карпинской, Е. С. Швецово́й, И. А. Цымбал; Рос. совет по междунар. делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2022. С. 16.

По мнению специалистов, «формирование бренда страны и обретение ею “мягкой силы”, даже при самых благоприятных условиях, это долгий процесс, результаты которого становятся обычно заметными в среднем через два десятилетия (то есть на страну по-новому взглянет уже следующее поколение)»⁸. Наибольший интерес вызывают исследования «мягкой силы» субнациональных акторов и иных субъектов по отношению к ним (Актамов и Родионов, 2021; Артеев, 2021; Соколова и Конышева, 2021). Эту группу работ отличает незначительная представленность и недостаточная степень проработанности теоретико-методологической базы. Между тем исследования внешних связей регионов активно развиваются в России с 1990-х годов, и можно говорить об определенной традиции отечественных парадипломатических исследований, теоретическую основу которой составляют работы авторов из Нижнего Новгорода, Томска, Новосибирска, Санкт-Петербурга, Москвы и других научных центров (Макарычев, 2000; Александров, 2005; Плотникова и Дубровина, 2016; Маркушина, 2011; Яровой и Белокурова, 2012).

Таким образом, несмотря на изученность многих аспектов, в научном дискурсе не хватает анализа проблемной конфигурации «кризис – мягкая сила – общественная дипломатия».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

К числу факторов сближения российского Северо-Запада, в частности Республики Карелия, и Северной Европы относятся географическое положение, опыт побратимских отношений между городами, радикальные политические перемены в России на рубеже 1980–90-х годов.

Признание Северо-Запада России наряду с Данией, Исландией, Норвегией, Швецией и Финляндией частью геополитической концепции «Новая Северная Европа» зарубежными и отечественными исследователями (Маркушина, 2011) стало предпосылкой углубления контактов в разных общественных сферах и на разных административно-территориальных уровнях. Хотя первые шаги к сближению российских и европейских городов были сделаны еще в советский период, когда практика сотрудничества с городами-побратимами развивалась на основе взаимного интереса представителей широкой общественности: устанавливались связи между учреждениями образования, спорта, культуры, предприятиями, организовывались дни культуры, профессиональные и молодежные обмены. В октябре 1944 года, благодаря нормализации взаимоотношений между СССР и Финляндией, появилось общество «Финляндия – Советский Союз», которое за три года «выросло до 174 тысяч человек и имело свои отделения по всей стране» (Вавулинская, 2018, с. 230). Общение (переписка, обменные визиты, публикации) с жителями города-побратима Варкауса (Финляндия) для многих петрозаводчан (Республика Карелия, Россия) было «единственной возможностью познакомиться с жизнью обычных людей по ту сторону границы, расширить свой кругозор» (Вавулинская, 2018, с. 244).

⁸ Паришин П. Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России [Электронный ресурс] // Аналит. доклады ИМИ МГИМО(У) МИД России. 2013. Вып. 1. С. 30. URL: https://mgimo.ru/files2/y03_2013/236148/zak136_ad_parshin4_web.pdf (дата обращения: 12.03.2023).

Изменения, произошедшие в начале 1990-х годов, подтолкнули страны Северной Европы подключить Россию и ее регионы к созданию на европейском Севере условий для устойчивого развития государств и учреждения Совета государств Балтийского моря (1992), Совета Баренцева/Евроарктического региона (1993), Арктического совета (1996). Одновременно на локальном уровне появились общества дружбы со странами региона, например «Карелия – Норвегия», Общество дружбы с Эстонией «Очаг», которые способствовали не только знакомству с историей, культурой и образом жизни народов, но и созданию климата доверия и всестороннему общению между жителями городов, регионов, стран.

Регионы и города Финляндии и Северо-Запада России, основываясь на уже имеющемся опыте и получив новые возможности, стали расширять сотрудничество. В соответствии с межправительственным соглашением 1992 года непосредственными партнерами Финляндии стали Санкт-Петербург, Ленинградская и Мурманская области, Республика Карелия⁹. Соглашение предусматривало взаимодействие по довольно широкому кругу вопросов: «экономическое и техническое сотрудничество, культура, наука и общение ученых, спорт и контакты молодежи, побратимские связи и совместные проекты технической помощи» (Маркушина, 2011, с. 103).

Финляндия, несмотря на сложные исторические перипетии, в конце XX – начале XXI века выполняла функцию «парадипломатического окна» России в Европу. Характерными чертами долгое время являлись прагматизм (в экономике), этнический (финно-угорский) фактор (в культуре), асимметричность (соглашения и проекты реализовывались не только на межрегиональном трансграничном уровне, но и по линии «российский регион – Финляндия (центральные власти)», полиакторность (широкая линейка субъектов взаимодействия с обеих сторон).

Присоединение Финляндии и Швеции к ЕС позволило подключить приграничные регионы России к реализации программ европейского сотрудничества. ЕС стал финансировать проекты развития инфраструктуры и коммуникаций на Северо-Западе России по линии субрегиональных объединений и через программы ТАСИС и ИНТЕРРЕГ. Финляндия инициировала проведение политики «Северного измерения» во время своего первого председательства в Совете ЕС (1999) и фактически выступила в качестве посредника между Евросоюзом и Россией. С участием регионов европейских стран были образованы семь еврорегионов, появились и семь программ приграничного сотрудничества (ППС): «Коларктик» (Россия – Финляндия – Швеция – Норвегия), «Карелия» (Россия – Финляндия), «Россия – Юго-Восточная Финляндия», «Россия – Эстония», «Россия – Латвия», «Россия – Польша» и «Россия –

⁹ *Соглашение* между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о сотрудничестве в Мурманской области, Республике Карелия, Санкт-Петербурге и Ленинградской области от 20.01.1992 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900157> (дата обращения: 02.04.2023); *Соглашение* между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о содействии приграничному сотрудничеству между Российской Федерацией и Финляндской Республикой от 13.04.2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902359649> (дата обращения: 04.04.2023).

Литва». Первая совместная серия ППС России и ЕС стартовала в 2007 году в рамках «Европейского инструмента соседства и партнерства». С российской стороны в приграничном сотрудничестве участвовали Республика Карелия, Ленинградская, Мурманская, Псковская, Архангельская и Калининградская области, а также Ненецкий автономный округ и город Санкт-Петербург. В рамках действия ППС проекты были направлены на повышение уровня жизни населения приграничных регионов, развитие транспортной инфраструктуры, обустройство государственной границы, поддержку местных культур, стимулирование предпринимательства, улучшение экологии и др.

Ранее в работах были проанализированы международные проекты и выявлено, что «для некоммерческих организаций Северо-Запада России участие в проектах способствовало популяризации российских достижений и получению нового экспертного знания, позволило улучшить материально-техническую базу, расширить международные контакты» (Шлапек, 2017, с. 160). Многие годы представители частного и общественных организаций, органов государственной власти и местного самоуправления «наращивали потенциал приграничного сотрудничества, что привело к росту инвестиций, расширению делового сотрудничества, стало уникальной возможностью развития территории и привлечения населения» (Шлапек и Степанова, 2018, с. 46). Имеющиеся родственные связи и сформированная сеть контактов на уровне жителей сопредельных территорий Финляндии и России материализовались в ежедневных или довольно частых практиках трансграничной мобильности, воспринимаемых населением российско-финляндского приграничья по обе стороны государственной границы как привычное дело (Honkanen et al., 2016; Kondrateva and Shlapenko, 2021; Kaisto et al., 2022).

Кризис североевропейских отношений с участием российских регионов наметился в 2014 году, когда стратегическое партнерство России и ЕС было прекращено, а сотрудничество в условиях санкций стало избирательным. Тем не менее сохранились программы приграничного сотрудничества, которые и Россией, и государствами-членами ЕС рассматривались как деполитизированный и взаимовыгодный инструмент взаимодействия, способствующий укреплению доверия и развитию контактов между людьми. До недавнего времени международные связи российских регионов, граничащих со странами ЕС и Норвегией, были довольно развиты и по линии субрегиональных организаций. Однако в марте 2022 года Совет государств Балтийского моря приостановил участие России, а в мае российской стороной было принято официальное решение о выходе из организации. Совет Баренцева-Евроарктического региона, «Северное измерение» ЕС, а также Арктический совет во время российского председательства приостановили сотрудничество с Москвой. В результате к весне 2022 года взаимные связи были не только качественно сокращены, но и полностью разорваны по большинству направлений. Российские проекты приграничного сотрудничества приостановлены, расторгнуты соглашения о побратимских связях европейских и российских городов, что наносит ущерб сообществам по разные стороны государствен-

ных границ. Ближайшие перспективы восстановления хотя бы части связей неблагоприятны, более отдаленные – неопределенны (и, скорее, неутешительны). Взамен этого осуществляется географическая «реструктуризация» внешних связей регионов России, упорочиваются межрегиональные взаимодействия между субъектами РФ» (Клемешева и др., 2021, с. 8).

Разрыв официальных дипломатических связей и усилившаяся информационная война ставят под вопрос развитие устойчивого и взаимовыгодного сотрудничества между Россией и зарубежными партнерами. Информационное сопровождение внешней политики России на международной арене через каналы Russia Today, Visit Russia и другие заблокировано.

Ввиду транспортных и визовых ограничений, введенных в отношении российских граждан, оказались затруднены туристические и деловые поездки россиян. «Согласно статистике стран Шенгенского соглашения, Россия в 2021 году лидировала по числу заявлений на шенгенские визы среди третьих стран. Граждане РФ подали 536,2 тыс. заявлений на шенгенскую визу. Количество выданных виз составило 513,8 тыс., из которых 86 % – многократные»¹⁰. С 1 сентября 2022 года изменился порядок подачи заявлений на получение шенгенской визы Финляндии: теперь ее можно получить лишь в двух представительствах Финляндии в России – в Москве и Санкт-Петербурге. По решению правительства Финляндии въезд граждан России с туристическими целями в Финляндию ограничен с 30 сентября 2022 года. Заключенные с Россией и Беларусью международные договоры страхования автогражданской ответственности «Зеленая карта» прекратили свое действие в конце мая 2023 года. Срок действия всех ранее выданных «Зеленых карт» истек 31 мая, после чего новые «Зеленые карты» не выдаются¹¹.

За последнее время прекратилось практически все сотрудничество Финляндии с Россией: приостановлены совместные проекты в образовании, науке, спорте и культуре, разорваны контакты между общественными организациями, регионами и городами-побратимами. 6 марта 2022 года на сайте Европейской комиссии было опубликовано сообщение о том, что Европейская комиссия приняла решение приостановить сотрудничество с Россией и Беларуссией в программах трансграничного сотрудничества в рамках «Европейского инструмента соседства и партнерства», а также в программе ИНТЕРРЕГ для региона Балтийского моря. Кроме того, в одностороннем порядке Обществом «Финляндия – Россия», финской неправительственной организацией, было заморожено взаимодействие по линии Российско-Финляндского культурного форума и Конгресса породненных городов. На заседании 16 июня 2022 года правлением Общества «Финляндия – Россия» было принято решение о прекращении управления Обществом Институтом Финляндии в Санкт-Петербурге¹². Вскоре МИД России «принял решение прекратить сотрудниче-

¹⁰ *Какие* консульства стран Европы выдают шенгенские визы россиянам [Электронный ресурс] // Интерфакс. 2022. 21 нояб. URL: https://tourism.interfax.ru/ru/analytics/market_overview/93370/ (дата обращения: 12.03.2023).

¹¹ *Finland abroad* [Online]. URL: <https://finlandabroad.fi/web/rus/glavnaya> (Accessed May 4, 2023).

¹² *Ruponen S.* Общество «Финляндия – Россия» прекращает управление Институтом Фин-

ство с финской неправительственной организацией Общество «Финляндия – Россия»¹³.

Вступление Финляндии в НАТО и готовящееся присоединение Швеции к Североатлантическому союзу актуализируют внимание к приграничным северным территориям и необходимость сохранения их стабильности в новой ситуации.

ОБСУЖДЕНИЕ

Развитие коммуникационных и информационных технологий привело к резкому увеличению взаимодействия людей по всему миру за пределами национальных границ. Среди тенденций особенно заметен поворот к цифровизации международных отношений (Цветкова, 2020), которая усилилась во время пандемии, приостановившей реальные контакты и побудившей людей повсеместно обращаться к социальным сетям и онлайн-платформам. Появление новых технологий и их внедрение в качестве инструментов для дальнейшей гражданской дипломатии сделало возможным более широкое общение, чем когда-либо прежде. В этом смысле примечательно, что пандемия открыла путь к цифровым коммуникациям между городами как новой форме сотрудничества, демонстрируя, таким образом, гибкость его участников, а также устойчивость социального общения. «Недостаток личного взаимодействия в некоторой степени компенсировался возможностями современных технологий, позволяя организовывать контакты в режиме онлайн различных акторов, пересекая в виртуальном пространстве границы государств» (Кондратьева, 2022, с. 151). Примеры сохранения и развития международных связей и народной дипломатии представлены на официальных страницах муниципалитетов регионов Северо-Запада и общественных организаций¹⁴.

В 2020 году в Петрозаводске (Республика Карелия) проходила акция «Финская осень», объединившая такие даты, как 100-летие финноязычной газеты «Карьялан Саномат», 55 лет побратимских связей между Петрозаводском и Варкауsom и ежегодную Неделю финского языка. В рамках «Финской осени» состоялись открытые лекции и уроки, пресс-клубы, мастер-классы, выставки, показы фильмов, викторины, конкурсы, флешмобы. Ряд мероприятий, например семинар «Сотрудничество муниципалитетов Карелии и Финляндии: опыт и перспективы», прошли в онлайн-формате из-за невозможности непосредственного участия финских коллег. Однако, с другой стороны, это позволило значительно расширить аудиторию. Более 2 тыс. человек посмотрели выступления финских и российских ученых в Youtube в рамках публичного научно-просветительского семинара-лектория «Россия, Финляндия, Карелия:

ляндии в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] // Suomi Venäjä seura. 2022. 20 июня. URL: <https://suomivenajaseura.fi/ofr-prekrashchaet-upravlenie-spi/> (дата обращения: 04.05.2023).

¹³ МИД РФ прекращает сотрудничество с НПО Общество «Финляндия – Россия» [Электронный ресурс] // ТАСС. 2022. 24 июня. URL: <https://tass.ru/politika/15021155> (дата обращения 04.05.2023).

¹⁴ Международные связи: опыт сотрудничества НКО и муниципалитетов [Электронный ресурс] // Офиц. сайт некоммер. орг. Респ. Карелия. 2020. 10 дек. URL: <http://nko-karelia.ru/news/4632> (дата обращения: 12.03.2023).

страницы общей истории и культуры». Осенью 2021 года Карельский фонд развития общественной дипломатии провел круглый стол «Побратимские связи: история и современные вызовы», пригласив к дискуссии представителей Общества «Финляндия – Россия» с финской стороны и карельских экспертов из Национального музея Республики Карелия, Центра финского языка в Республике Карелия и Междисциплинарного научно-образовательного центра прибалтийско-финских исследований “Fennica” Института Североевропейских исследований ПетрГУ (Кондратьева, 2022, с. 153).

Взаимодействие, партнерство, установление контактов – основной механизм развития любой некоммерческой организации. «Общественные организации широко используют как каналы личного общения, так и интернет-СМИ для увеличения аудитории: блоги, страницы, социальные сети» (Шлапеко, 2017, с. 155). Для интернет-сообщества как современной формы организации пространства взаимодействия и поддержки не имеет значения местонахождение участников. Так, официальная страница Общества дружбы «Карелия – Финляндия» с почти 1 тыс. подписчиков в популярной в России сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/karjalafinland>) представляет собой платформу знакомства с направлениями деятельности Общества и финской культурой. Кроме того, в Карелии создана и функционирует интернет-площадка некоммерческих организаций Республики Карелия (<http://nko-karelia.ru/>), где размещены постоянно обновляемые страницы организаций региона. Интернет-сообщество как инструмент является достаточно гибким и универсальным, чтобы использовать его почти в любых ситуациях, где необходимо организовать взаимодействие. Другим примером может служить деятельность Центра финского языка в Республике Карелия, также имеющего страницу в социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/kareliacenterfinnish>). Руководитель этой региональной общественной организации Т. И. Исламаева организует обсуждения на актуальные темы, привлекающие специалистов, преподавателей, учителей и активистов, в уже ставшем традиционным виртуальном формате. Очередное мероприятие, посвященное театру и его роли в сохранении и развитии языков, успешно состоялось осенью 2023 года. Таким образом, стремительное развитие цифровых технологий многократно увеличивает возможности некоммерческих организаций влиять на общественное мнение.

Сохраняющаяся составляющая трансграничных связей – родственные отношения между людьми. Так, в настоящее время около половины (44 %) иммигрантов в Северной Карелии (Пóхьейс-Карьяла) имеют русское (российское) происхождение, образуя наиболее значительную группу мигрантов в этой финской провинции (Sireni et al., 2021). У проживающих за рубежом соотечественников есть возможность формировать собственное представление о России как на основе материалов СМИ, так и опираясь на личные впечатления. Российские НКО могли бы выполнять функцию поддержания социальных и культурных связей с русскими за рубежом, которые в свою очередь формируют представление о России у зарубежной аудитории. При поддержке консульских учреждений наши соотечественники могли бы выступить организаторами культурных, образовательных мероприятий и встреч в стране

проживания. Польза таких мероприятий очевидна – поддержание открытого диалога и сохранение климата доверия между региональными сообществами России и иностранных государств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня ситуация в международных и межрегиональных транснациональных отношениях претерпела радикальные изменения. Поддержание контактов между Российской Федерацией и Западом на разных уровнях сильно затруднено, но по-прежнему необходимо, что признается противоборствующими сторонами. И гуманитарные связи – одна из немногих сфер, где осталось поле для маневра. Между тем транснациональные связи на субгосударственном уровне позволяют сделать акцент именно на социокультурном аспекте, поэтому некоммерческие организации при содействии местных сообществ по-прежнему способны поддерживать трансграничный диалог. Более того, отчасти они могут восполнить потери по линии межгосударственного сотрудничества. С другой стороны, переориентация внешней политики России в незападные ареалы продвигается сложно и явно нуждается в расширении своего инструментария, что означает потенциальную востребованность общественной дипломатии и на этом направлении. Деполитизированный в военно-политическом отношении характер субнационального международного взаимодействия позволит сторонам использовать возможности «мягкой силы», выявляя значимые для России направления и условия поступательного развития трансграничных взаимодействий с различными государствами в новой международно-политической реальности. Динамика взаимодействия между Российской Федерацией и Западом с помощью комплекса «парадипломатия/общественная дипломатия» на примере Республики Карелия в контексте международного кризиса свидетельствует о востребованности такого формата и его высоких компенсационных возможностях относительно традиционной дипломатии.

Список источников

Актамов И. Г., Родионов В. А. Инструменты мягкой силы Монголии в отношении российских регионов в начале XXI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 92–102. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-10-92-102>.

Александров О. Б. Регионы во внешней политике России: роль Северо-Запада. М.: МГИМО-Университет, 2005. 187 с.

Артеев С. П. Внешняя политика России: «мягкая сила» регионов // Вестник Московского университета. Серия XXV: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13, № 1. С. 32–57. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-1-32-57>.

Вавулинская Л. И. Межкультурная коммуникация в диалоге Карелии и Финляндии в 1950–1970-е гг. // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2018. № 3. С. 228–249. <https://doi.org/10.15393/j103.art.2018.1081>.

Васильева О. С., Антончева О. А. Концепт общественной дипломатии // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2019. Т. 10, № 4. С. 196–205.

Кондратьева С. В. Побратимские связи в развитии добрососедских отношений: практика карельско-финляндского взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 143–156. <https://doi.org/10.17223/15617793/481/17>.

Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3. С. 212–223. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>.

Маркушина Н. Ю. Внешние связи Северо-Западного федерального округа Российской Федерации и концепция «Нового Севера» // Балтийский регион. 2011. № 2. С. 102–111.

Межевич Н. М. Приграничное сотрудничество и практика деятельности Еврорегионов на Северо-Западе России и в Республике Беларусь. СПб.: Левша, 2009. 264 с.

Мухаметов Р. С. Специфика общественной дипломатии как инструмента внешней политики государства // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2014. Т. 9, № 2. С. 84–90.

Наумов А. О. Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная в зарубежном научном дискурсе: интерпретация и критика [Электронный ресурс] // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 89. С. 122–131. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-89-122-131>. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-myagkoy-sily-dzhozefa-naya-v-zarubezhnom-nauchnom-diskurse-interpretatsiya-i-kritika> (дата обращения: 25.03.2023).

Плотникова О. В., Дубровина О. Ю. Международные связи регионов государств: характеристика и особенности. М.: Норма; ИНФРА-М, 2016. 192 с.

Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России / Под ред. А. П. Клемешева, Я. А. Ворожейной, Г. М. Федорова и др. Часть 1. Регионы Дальнего Востока, Сибири, Урала и Поволжья. Калининград: Балтийск. федер. ун-т имени Иммануила Канта, 2021. 213 с.

Российские регионы как международные акторы / Под ред. А. С. Макарычева. Нижний Новгород: Нижегород. гос. лингвист. ун-т имени Н. А. Добролюбова, 2000. 114 с.

Соколова М. В., Коньшова А. Г. Бренд территории как фактор «мягкой силы» региона: понятие и подходы к построению // Экономика и предпринимательство. 2021. № 6. С. 403–406. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.131.6.078>.

Цветкова Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 37–47. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-2-37-47>.

Шершнев И. Л. Роль неправительственных организаций в институализации российской общественной дипломатии // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 52–58.

Шлапек Е. А. Институт общественной дипломатии и его место в трансграничном социокультурном пространстве // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 1. С. 152–162.

Шлапек Е. А., Степанова С. В. Формирование трансграничного социокультурного пространства в российско-финляндском приграничье (Республика Карелия, Россия – Северная Карелия, Финляндия) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018, Т. 9, № 3. С. 39–48. <https://doi.org/10.18721/JHSS.9304>.

Шлямин В. А. Приграничный регион на северо-западе России: сборник избранных статей, докладов, выступлений, интервью. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2022. 181 с.

Юдин Н. В. Блеск и нищета рейтингов «мягкой силы» [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2018. № 7. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2050?ysclid=lfsl1oalao359512231> (дата обращения: 28.03.2023).

Яровой Г. О., Белокурова Е. В. Европейский Союз для регионов: что можно и нужно знать российским регионам о ЕС. СПб.: Норма, 2012. 368 с.

Honkanen A., Pitkanen K., Hall M. C. A local perspective on cross-border tourism: Russian second home ownership in Eastern Finland // International Journal of Tourism Research. 2016. Vol. 18, № 2. P. 149–158. <https://doi.org/10.1002/jtr.2041>.

Kaisto V., Brednikova O., Korjonen-Kuusipuro K. Switching cars with the militsiya and other ways the Finnish-Russian borderland is 'lived' by people in their everyday lives // Borders in Globalization Review. 2022. Vol. 4, № 1. P. 8–20. <https://doi.org/10.18357/bigr41202220598>.

Kondratyeva S. V., Shlapenko E. A. Travel preferences of Finnish cross-border tourists: Opportunities and limitations for Russian Karelia // Geographia polonica. 2021. Vol. 94, № 4. P. 555–572. <https://doi.org/10.7163/GPol.0220>.

Lavrushina N., Malmi M., Tirri S. Let's write history of twinning between Karelian and Finnish municipalities [Электронный ресурс] // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2021. № 6. С. 479–482. <https://doi.org/10.15393/j103.art.2021.2026>. URL: <https://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=2026> (дата обращения: 25.03.2023).

Nye J. S. Jr. Soft power // Foreign Policy. 1990. № 80. P. 153–171. <https://doi.org/10.2307/1148580>.

Sireni M., Pöllänen P., Davydova-Minguet O. Invisible agents of rural development. Russian immigrant women in the Finnish border region // Frontiers in Sociology. 2021. Vol. 6. Art. № 601726. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.601726>.

Информация об авторах

Е. А. Шлапек – кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела региональной экономической политики Института экономики – обособленного подразделения ФГБУН Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук», 185030, Россия, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50

SPIN-код (РИНЦ): 5725-6829

AuthorID (РИНЦ): 722398

Web of Science ResearcherID: L-8234-2017

Scopus Author ID: 5720044385

С. П. Артеев – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов ФГАУО ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», 119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76

SPIN-код (РИНЦ): 9142-0323

AuthorID (РИНЦ): 862267

Web of Science ResearcherID: E-9387-2016

Scopus Author ID: 57222760772

С. В. Кондратьева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела региональной экономической политики Института экономики – обособленного подразделения ФГБУН Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук», 185030, Россия, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50

SPIN-код (РИНЦ): 3004-4231

AuthorID (РИНЦ): 443182

Web of Science ResearcherID: H-3097-2015

Scopus Author ID: 57190860233

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 31.05.2023; одобрена после рецензирования 02.08.2023; принята к публикации 02.08.2023.

References

Aktamov, I. G. and Rodionov, V. A. (2021), “Mongolia’s soft power tools in relation to Russian regions at the beginning of the 21st century”, *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 92–102, <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-10-92-102>.

Aleksandrov, O. B. (2005), *Regiony vo vneshnei politike Rossii: Rol' Severo-Zapada* [Regions in the international politics of Russia: The role of North-West], MGIMO University, Moscow, Russia.

Arteev, S. P. (2021), “Foreign policy of Russia: “Soft power” of the regions”, *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 13, no. 1, pp. 32–57, <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-1-32-57>.

Vavulinskaia, L. I. (2018), “Intercultural communication in the dialogue between Karelia and Finland, 1950–70s”, *Nordic and Baltic Studies Review*, no. 3, pp. 228–249, <https://doi.org/10.15393/j103.art.2018.1081>.

Vasileva, O. S. and Antoncheva, O. A. (2019), “The concept of public diplomacy in the foreign policy of the Russian Federation”, *Scientific Works of the North-Western Institute of Management RANEPa*, vol. 10, no. 4, pp. 196–205.

Kondrateva, S. V. (2022), "Sister city connections in the development of benevolent relations: The practice of Karelian-Finnish interaction", *Tomsk State University Journal*, no. 481, pp. 143–156, <https://doi.org/10.17223/15617793/481/17>.

Lebedeva, M. M. (2017), "Soft power": The concept and approaches", *MGIMO Review of International Relations*, no. 3, pp. 212–223, <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>.

Markushina, N. Yu. (2011), "International relations of the North-West federal district of the Russian Federation and the New North concept", *Baltic Region*, no. 2, pp. 102–111.

Mezhevich, N. M. (2009), *Prigranichnoe sotrudnichestvo i praktika deyatel'nosti Evroregionov na Severo-Zapade Rossii i v Respublike Belarus'* [Cross-border cooperation and the practice of Euroregions in the North-West of Russia and in the Republic of Belarus], Levsha, St. Petersburg, Russia.

Muhametov, R. S. (2014), "Public diplomacy in foreign policy of the state", *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3, Social and Political Sciences*, vol. 9, no. 2, pp. 84–90.

Naumov, A. O. (2021), "Joseph Nye's concept of soft power in foreign scientific discourse: Interpretation and criticism", *Public Administration. E-journal*, no. 89, pp. 122–131, <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-89-122-131> [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-myagkoy-sily-dzhozefanaya-v-zarubezhnom-nauchnom-diskurse-interpretatsiya-i-kritika> (Accessed March 25, 2023).

Plotnikova, O. V. and Dubrovina, O. Yu. (2016), *Mezhdunarodnye svyazi regionov gosudarstv: kharakteristika i osobennosti* [International relations of states' regions: Characteristics and features], Norma, INFRA-M, Moscow, Russia.

Klemeshev, A. P., Vorozhein, Ya. A., Fedorov, G. M. et al. (eds.) (2021), *Prigranichnoe sotrudnichestvo vdol' gosudarstvennoi granitsy Rossii* [Cross-border cooperation along the state border of Russia], Part 1. Regions of the Far East, Siberia, the Urals and the Volga region, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

Makarychev, A. S. (ed.) (2000), *Rossiiskie regiony kak mezhdunarodnye aktory* [Russian regions as international actors], Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia.

Sokolova, M. V. and Konysheva, A. G. (2021), "Place brand as a factor of the regional "soft power": Concept and approaches to development", *Journal of Economy and Entrepreneurship*, no. 6, pp. 403–406, <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.131.6.078>.

Tsvetkova, N. A. (2020), "The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 37–47, <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-2-37-47>.

Shershnev, I. L. (2012), "The role of non-governmental organizations in the institutionalization of Russian public diplomacy", *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 52–58.

Shlapenko, E. A. (2017), "Institute of public diplomacy and its place in cross-border social and cultural space", *Ojkumena. Regional Researches*, no. 1, pp. 152–162.

Shlapenko, E. A. and Stepanova, S. V. (2018), "Formation of cross-border socio-cultural space of Karelia (Republic of Karelia, Russia – North Karelia, Finland)", *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, vol. 9, no. 3, pp. 39–48, <https://doi.org/10.18721/JHSS.9304>.

Shlyamin, V. A. (2022), *Prigranichnyi region na severo-zapade Rossii: Sbornik izbrannykh statei, dokladov, vystuplenii, interv'yu* [Boarder region in the north-west of Russia: Collection of selected articles, reports, speeches, interviews], Publishing House of Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

Yudin, N. V. (2018), "The brilliance and poverty of soft power ratings", *The International Affairs*, no. 7 [Online], available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2050?ysclid=lfsf1oalaoa359512231> (Accessed March 28, 2023).

Yarovoi, G. O. and Belokurova, E. V. (2012), *Evropeiskii Soyuz dlya regionov: chto mozjno i nuzhno znat' rossiiskim regionam o ES* [European Union for regions: What Russian regions can and should know about the EU], Norma, St. Petersburg, Russia.

Honkanen, A., Pitkanen, K. and Hall, M. C. (2016), "A local perspective on cross-border tourism: Russian second home ownership in Eastern Finland", *International Journal of Tourism Research*, vol. 18, no. 2, pp. 149–158, <https://doi.org/10.1002/jtr.2041>.

Kaisto, V., Brednikova, O. and Korjonen-Kuusipuro, K. (2022), "Switching cars with the militsiya and other ways the Finnish-Russian borderland is 'lived' by people in their everyday lives", *Borders in Globalization Review*, vol. 4, no. 1, pp. 8–20, <https://doi.org/10.18357/bigr41202220598>.

Kondrateva, S. V. and Shlapenko, E. A. (2021), "Travel preferences of Finnish cross-border tourists: opportunities and limitations for Russian Karelia", *Geographia Polonica*, vol. 94, no. 4, pp. 555–572, <https://doi.org/10.7163/GPol.0220>.

Lavrushina, N., Malmi, M. and Tirri, S. (2021), "Let's write history of twinning between Karelian and Finnish municipalities", *Nordic and Baltic Studies Review*, no. 6, pp. 479–482, <https://doi.org/10.15393/j103.art.2021.2026> [Online], available at: <https://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=2026> (Accessed March 25, 2023).

Nye, J. S. Jr. (1990), "Soft power", *Foreign Policy*, no. 80, pp. 153–171, <https://doi.org/10.2307/1148580>.

Sireni, M., Pöllänen, P. and Davydova-Minguet, O. (2021), "Invisible agents of rural development. Russian immigrant women in the Finnish border region", *Frontiers in Sociology*, vol. 6, art. no. 601726, <https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.601726>.

Information about the authors

E. A. Shlapenko – Candidate of Political Sciences, Senior Researcher of the Department of Regional Economic Policy, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 50 A. Nevsky Ave., Petrozavodsk, 185030, Russia

SPIN-code (RSCI): 5725-6829

AuthorID (RSCI): 722398

Web of Science ResearcherID: L-8234-2017

Scopus Author ID: 5720044385

S. P. Arteev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of World Politics Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia

SPIN-code (RSCI): 9142-0323

AuthorID (RSCI): 862267

Web of Science ResearcherID: E-9387-2016

Scopus Author ID: 57222760772

S. V. Kondrateva – Candidate of Economics, Senior Researcher of the Department of Regional Economic Policy, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 50 A. Nevsky Ave., Petrozavodsk, 185030, Russia

SPIN-code (RSCI): 3004-4231

AuthorID (RSCI): 443182

Web of Science ResearcherID: H-3097-2015

Scopus Author ID: 57190860233

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 31.05.2023; approved after reviewing 02.08.2023; accepted for publication 02.08.2023.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 580–598.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 4, pp. 580–598.

Научная статья

УДК [316.334.3:329](575.11+476)

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-580-598>

ПАРАДОКСЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В БЕЛАРУСИ И УЗБЕКИСТАНЕ: ИМЕЮТ ЛИ ЗНАЧЕНИЕ ФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ?

Николай Александрович Борисов¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
nborisov@rggu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1378-1083>

Аннотация. Введение: состоявшие в 2022–2023 годах в Беларуси и Узбекистане референдумы по внесению изменений в конституции затрагивали ряд вопросов организации и функционирования органов публичной власти. В связи с этим возникает исследовательская проблема факторов и причин разработки и имплементации этих изменений и степени влияния поправок на политический процесс в названных государствах (в частности, на трансформацию института президента и партийных систем). **Цель:** проанализировать цель внесения изменений в конституции Беларуси и Узбекистана в части формы правления и регулирования роли политических партий, потенциальные политические последствия этих изменений и дать оценку дальнейшей эволюции политических режимов в обоих государствах в контексте поддержания их стабильности. **Методы:** методика индексного анализа Кроувела – Зазнаева, методика оценки президентских полномочий М. Шугарта и Дж. Кэри, авторская типология моделей института президентства. **Результаты:** в Беларуси право определять основные направления политики закреплено за вновь созданным высшим органом власти – Всебелорусским народным собранием (ВНС), а в Узбекистане сохранено за президентом. При этом формальные полномочия президента Беларуси усилились, а в Узбекистане он остался конституционно «слабым». Президент Беларуси в результате изменений лишился ряда важных полномочий, но в силу того, что действующий президент с большой вероятностью воспользуется конституционным правом возглавить ВНС, его конституционные полномочия значительно расширятся при сохранении неформальных полномочий. Партийные системы Беларуси и Узбекистана, несмотря на разную долю партийных депутатов в парламентах, по-прежнему можно отнести к одному типу «аппартийных». Индексы формы правления как в Беларуси, так и в Узбекистане в результате внесения поправок не изменились и по-прежнему различаются между собой, но модели организации власти в этих государствах довольно близки. **Выводы:** основной целью изменений в конституциях Беларуси и Узбекистана в 2022–2023 годах было укрепление президентской власти. Новые правовые рамки имеют не только формальное значение. Они будут определять функционирование политических систем в обоих государствах на десятилетия вперед. Особую роль они могут сыграть при передаче власти новому президенту, продлении полномочий действующего президента или предоставлении экс-президенту особого статуса в политической системе.

Ключевые слова: Беларусь, Узбекистан, конституция, форма правления, политические институты, политический процесс, президент, политические партии

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для цитирования: Борисов Н. А. Парадоксы конституционных трансформаций и политический процесс в Беларуси и Узбекистане: имеют ли значение формальные институты? // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 580–598. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-580-598>.

Original article

CONSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS PARADOXES AND THE POLITICAL PROCESS IN BELARUS AND UZBEKISTAN: DO FORMAL INSTITUTIONS MATTER?

Nikolai A. Borisov¹

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
nborisov@rggu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1378-1083>

Abstract. Introduction: referendums on amendments to the constitution held in 2022–2023 in Belarus and Uzbekistan raised a number of issues relating to public authorities organization and functioning. This brings about a research problem of the factors and reasons under development and implementation of these changes as well as the amendments impact on political process in the respective states (in particular, on the transformation of presidency and party systems). **Objectives:** to analyze the purpose of amending the Belarus and Uzbekistan constitutions with regard to the form of government and regulation of the political parties role and potential political consequences of the changes; to assess the further evolution of political regimes in the respective states in the context of maintaining their stability. **Methods:** the method of index analysis by A. Crowell – O. Zaznaev, the method of assessing the presidential powers by M. Shugart and J. Carey, the author's typology of the presidency models. **Results:** in Belarus, the right to determine the main directions of policy was assigned to the newly created supreme authority – the All-Belorussian People's Assembly, and in Uzbekistan this right has been retained by the President. At the same time, the formal powers of the Belarus President have strengthened, while in Uzbekistan the president remained constitutionally “weak”. As a result of the changes, the President of Belarus has been deprived of a number of important powers; however, due to the fact that the current president is likely to use the constitutional right to head the People's Assembly, his constitutional powers will expand significantly while maintaining informal powers. The party systems of Belarus and Uzbekistan, despite the different proportion of party member deputies in the parliaments, can still be attributed to the same “non-party” type. The amendments have not changed the form of government indices in both Belarus and Uzbekistan and these still differ from each other, but the models of power organization in these states are quite close. **Conclusions:** the main purpose of the amendments to the constitutions of Belarus and Uzbekistan in 2022–2023 was to strengthen the presidential power. The new legal framework is not only of formal importance, but will also determine the political systems functioning in both states for decades to come. They can play a special role in the power transfer to a new president, the extension of the current president powers or providing the ex-president with a special status in the political system.

Keywords: Belarus, Uzbekistan, constitution, form of government, political institutions, political process, president, political parties

Forcitation: Borisov, N. A. (2023), “Constitutional transformations paradoxes and the political process in Belarus and Uzbekistan: Do formal institutions matter?”, *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 4, pp. 580–598, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-580-598>.

ВВЕДЕНИЕ

В 2022–2023 годах в Республике Беларусь и Республике Узбекистан состоялись референдумы по вопросам внесения в конституции изменений, которые затрагивали организацию и функционирование органов публичной власти. Появление новых конституционных рамок ставит перед исследователями ряд вопросов.

Основной вопрос связан с осмыслением того, что повлияло на разработку и внесение этих изменений и станут ли поправки (в части изменений полномочий органов публичной власти, то есть формы правления) фактором политического процесса – а именно, повлияют ли они на роль президента и трансформацию партийных систем. Возникает и более общая методологическая проблема: способны ли конституционные трансформации в условиях неконкурентных политических режимов влиять на политический процесс или они только закрепляют произошедшие де-факто изменения? Если исходить из тезиса, что изменения конституций в подобных случаях являются лишь «декорациями», то сложно понять их смысл и значение, а необходимость их глубокого анализа становится сомнительной.

Следует проанализировать цель внесения изменений в конституции Беларуси и Узбекистана в части формы правления и регулирования роли политических партий, политические последствия этих изменений и дать прогноз относительно дальнейшей эволюции политических режимов в контексте поддержания их стабильности.

Проблема трансформации форм правления в постсоветских государствах и ее влияния на политический процесс в последнее десятилетие подробно изучалась в работах О. И. Зазнаева (Зазнаев, 2012; Зазнаев и Сидоров 2018), А. Н. Медушевского (Медушевский, 2012, 2018, 2023), Е. Г. Гарбузаровой (Гарбузарова, 2021), О. Г. Харитоновой (Харитонова, 2014), П. Штыков (Stykov, 2019). Конституционная реформа в Беларуси получила правовую оценку в работе Г. А. Василевича и С. Г. Василевича (Василевич и Василевич, 2022). Отдельное исследование посвящено феномену авторитарных конституций (Ginsburg and Simpser, 2013), в нем рассматриваются и случаи постсоветских государств. Несмотря на то, что при принятии решений конституционные институты в таких режимах оказываются менее значимыми, чем неформальные договоренности и группы, использующие эти институты в своих целях (Медушевский, 2012, с. 59), конституционные изменения полномочий президента, парламента и правительства, почти непрерывно происходящие в большинстве государств постсоветского пространства, нуждаются в дальнейшем сравнительном анализе и заставляют обратить более пристальное внимание на роль формальных институтов, поскольку политические элиты продолжают активно использовать их для решения политических задач.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

При изучении постсоветских политических режимов следует обратить внимание на то, что в них не произошло полного разделения сфер социального действия на политическую, экономическую и общинную (Мадьяр

и Мадлович, 2022, с. 33–35). В связи с этим вместо формализованных безличных структур обычно доминируют неформальные отношения, которые складываются в патрональные сети (Hale, 2005, 2015, 2019). Поэтому рассматривать институты и отношения в политической сфере как исключительно политические в таких режимах было бы ошибочным. Например, политики и политические партии не ограничиваются только политическим действием, а принимают участие и в экономической, и в общественной деятельности, образуя неформальную патрональную сеть. Как отмечает П. Штыков, «классификация отношений между исполнительной и законодательной властью как президентских или полупрезидентских форм приводит к ошибочным выводам о влиянии форм правления, особенно президентско-парламентских, на эффективность и стабильность режима» (Stykow, 2019, p. 122). Поэтому как мотивы, так и последствия конституционных изменений в большинстве постсоветских государств следует изучать в другой логике и используя другую терминологию.

Для анализа постсоветских конституций можно применять рабочую терминологию, предложенную Т. Гинзбургом и А. Симпсером (Ginsburg and Simpson, 2013). Они группируют функции авторитарных конституций в четыре категории: «руководство по эксплуатации» (“operating manual”), «рекламный щит» (“billboard”), «проект будущего» (“blueprint”) и «декорация» (“window dressing”). Авторы указывают на то, что конституции и их изменения даже в условиях авторитарных режимов не стоит оценивать исключительно как «декорации», поскольку они могут реально влиять на политический процесс.

Для анализа изменений формы правления применимы методика индексного анализа Кроувела – Зазнаева (Зазнаев, 2006) и методика М. Шугарта и Дж. Кэри (Shugart and Carey, 1992).

Проблема сравнимости случаев Беларуси и Узбекистана решается за счет того, что политические режимы в обоих государствах относятся к режимам личной власти или к режимам с низкой институционализацией института президентства, президентализированной формой правления, «аппартийной» партийной системой, отсутствием доминирующей партии и подконтрольного президенту парламента (Борисов, 2018, с. 445–447). Главным основанием легитимности режима при этом служит личность президента. Кроме того, президент в каждом из рассматриваемых государств ни разу не менялся по итогам выборов: А. Лукашенко является первым и единственным президентом Беларуси, первый президент Узбекистана И. Каримов скончался, занимая этот пост.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

Республика Беларусь

Главными факторами и причинами последних конституционных изменений в Беларуси следует считать массовые протесты по итогам президентских выборов 2020 года (Onuch and Sasse, 2022; Robertson, 2022), осмысление

этих протестов политической элитой и разработку сценариев передачи власти как в случае планового ухода президента в отставку, так и в условиях чрезвычайной ситуации.

Сразу же после окончания активной фазы протестов президент А. Лукашенко заявил о необходимости внесения изменений в конституцию. Выступая в феврале 2021 года на Всебелорусском народном собрании, он заявил: «Люди за передачу полномочий от президента другим структурам ... Поэтому перераспределять полномочия мы будем. Радикально будем перераспределять ... В течение этого года проект конституции будет готов, и он будет в течение года обсужден всенародно»¹. В декабре 2021-го А. Лукашенко отметил, что он сам писал новую конституцию: «Конституция – я ее сам писал. Юристы писали пером, а я диктовал, потому что я видел, я – президент, какие мне нужны полномочия, чтобы удержать страну»².

27 февраля 2022 года состоялся референдум, на который был вынесен один вопрос: «Принимаете ли вы изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь?» Положительно на вопрос ответили 82,86 % избирателей, принявших участие в голосовании, или 65,16 % от общего числа избирателей³.

По результатам референдума 2022 года в Конституцию Беларуси был внесен ряд изменений⁴. Важнейшими новеллами стали следующие положения: одно и то же лицо может быть президентом не более двух сроков (ст. 81); президент может быть смещен с должности Всебелорусским народным собранием (ст. 88); президент лишается права издавать декреты, которые имели силу закона; полномочия президента в случае его отставки переходят к председателю Совета Республики, а не к премьер-министру, как ранее (ст. 88.1); право выдвижения кандидатов в депутаты наряду с трудовыми коллективами и гражданами впервые предоставлено политическим партиям (ст. 69). Наиболее существенные поправки связаны с появлением в Конституции новой главы, посвященной Всебелорусскому народному собранию (далее – ВНС), которое наделяется статусом высшего представительного органа народовластия Республики Беларусь, определяющего «стратегические направления развития общества и государства» и обеспечивающего «незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие» (ст. 89.1).

¹ Доклад Президента Беларуси на VI Всебелорусском народном собрании [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал Президента Респ. Беларусь. 2021. 11 февр. URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie> (дата обращения: 15.05.2023).

² Лукашенко рассказал о проекте новой Конституции Белоруссии [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2021. 2 дек. URL: <https://ria.ru/20211202/konstitutsiya-1761745563.html> (дата обращения: 14.05.2023).

³ Сообщение Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов об итогах республиканского референдума 27 февраля 2022 года [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Центр. избират. комис. Респ. Беларусь. URL: <https://rec.gov.by/uploads/folderForLinks/soob2.pdf> (дата обращения: 14.05.2023).

⁴ Конституция Республики Беларусь с изменениями и дополнениями, выносимыми на референдум. Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. 60 с.; Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал Президента Респ. Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 14.05.2023).

ВНС становится высшим органом власти, который по своему составу и функциям является органом сосредоточения ряда полномочий законодательной, исполнительной и судебной власти.

В состав ВНС, предельная численность которого составляет 1 200 человек, входят президенты Беларуси (как действующий, так и прекратившие исполнение полномочий), члены правительства, депутаты обеих палат парламента, судьи Конституционного и Верховного судов, депутаты Минского городского Совета депутатов, представители местных Советов депутатов от каждой области, представители субъектов гражданского общества (рис. 1). В целом процентное соотношение представителей органов власти и общества в ВНС будет составлять 67 на 33 %.

Рис. 1. Состав Всебелорусского народного собрания по категориям делегатов (на основании нормативно-правовых документов), % / Fig. 1. Composition of All-Belorussian People's Assembly according to delegates categories (based on regulatory and legal documents), %

Источник: собственные расчеты автора.

Образуется также Президиум ВНС, который является органом оперативного управления в перерывах между заседаниями ВНС. Вводится должность Председателя ВНС, которая исполняется на профессиональной основе.

Среди важнейших полномочий ВНС – утверждение основных направлений внутренней и внешней политики, военной доктрины, концепции национальной безопасности; утверждение программ социально-экономического развития Республики Беларусь; инициирование изменений и дополнений в Конституцию, инициирование референдумов; принятие решения о смещении президента с должности; избрание членов Конституционного и Верховного судов, членов Центральной избирательной комиссии. По функциям ВНС приближается к Съезду народных депутатов СССР, Халк Маслахаты Республики Туркменистан и Народному Курултаю Кыргызской Республики (подробнее об этом: Борисов, 2022). Ключевым после вступления поправок в силу является вопрос о Председателе ВНС. Конституция определяет, что «лицо, занимающее должность Президента на дату вступления в силу изменений и дополнений Конституции, может одновременно являться Президентом и Председателем Всебелорусского народного собрания» (ст. 144). Таким образом, предусмотрено сохранение всей полноты власти за действующим

щим президентом в качестве главы ВНС даже при условии лишения инсти-тута президента ряда конституционных прерогатив.

7 февраля 2023 года президент подписал закон о Всебелорусском народном собрании, регулирующий его статус, порядок формирования и полномо-чия⁵. В 2024 году, после очередных выборов в парламент, оно будет сформиро-вано по новым положениям.

Следует остановиться на норме о переходе полномочий президента в слу-чае его отставки или смещения с должности к председателю Совета Респу-блики, а не к премьер-министру, как ранее (ст. 88.1). Здесь добавлена важная оговорка, касающаяся гибели президента «в результате покушения на его жизнь, совершения акта терроризма, военной агрессии, вследствие иных дей-ствий насильственного характера». В этом случае «государственные органы и должностные лица действуют в соответствии с решениями Совета Безопасности», который, таким образом, становится коллективным главой государ-ства на период чрезвычайной ситуации и должен обеспечить непрерывность власти.

Статус экс-президента Беларуси и гарантии президенту Беларуси, прекра-тившему исполнение своих полномочий, подробно были рассмотрены нами ранее (Борисов, 2022).

Индекс формы правления Беларуси в результате внесенных поправок не претерпел изменений и сохранился на уровне +6 (президентализирован-ная президентско-парламентская форма правления).

Изменения произошли в соотношении законодательных и незаконо-дательных полномочий президента, измеренных по шкале Шугарта – Кэри: если до внесения поправок они составляли 13 и 13 баллов соответственно, то после внесения – 10 и 13 баллов. Президент лишился активно используе-мого прежде права издания декретов, имеющих силу закона, и исключитель-ного права внесения в парламент законопроекта о бюджете. Это не изменило места Беларуси в системе координат, форма правления осталась в первом кла-стере (системы с самыми «сильными» президентами).

Тем не менее в силу того, что ВНС переданы некоторые важные полномо-чия президента, правительства и парламента, можно сделать вывод о факти-ческом изменении системы правления, не «улавливаемом» индексными мето-диками.

В настоящее время политические партии продолжают играть незна-чительную роль в политической системе Беларуси в целом и в процессе государственного управления в частности. В Палате представителей Национального собрания партийные фракции отсутствуют, количество партийных депутатов – 21 из 110 (19 %), среди депутатов местных советов – 458 из 1810 (2,5 %)⁶.

⁵ О Всебелорусском народном собрании [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 07.02.2023 № 248-З // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300248> (дата обращения: 08.05.2023).

⁶ Политические партии [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал Президента Респ. Беларусь. 2023. URL: <https://web.archive.org/web/20230328210032/https://president.gov.by/ru/belarus/society/politicheskie-partii> (дата обращения: 08.05.2023).

Реализацию предоставленного политическим партиям права выдвижения кандидатов в депутаты можно будет оценить только после очередных выборов парламента в 2024 году. В то же время уже сейчас 68 депутатов нижней палаты парламента представляют движение «Белая Русь», которое, будучи преобразованным в партию, может стать ядром новой партийной системы с доминирующей партией. При анализе эволюции отношения А. Лукашенко к политическим партиям нам неоднократно приходилось прогнозировать именно такой вариант развития событий. Прогноз подтвердился почти сразу после вступления в силу новой редакции Конституции Беларуси: 18 марта 2023 года было объявлено о преобразовании движения «Белая Русь» в политическую партию⁷, а уже 4 мая политическая партия «Белая Русь» получила свидетельство о регистрации⁸. Очевидно, что именно для этого в Основной закон и вносились изменения, связанные с дополнением перечня субъектов выдвижения кандидатов в депутаты.

Хотя рассмотренные изменения Конституции Беларуси формально не влияют на изменение формы правления, они будут иметь существенное значение и долговременные последствия: подготовка к передаче власти преемнику при сохранении значительной роли бывшего президента, формирование новой партийной системы с доминирующей партией. Очевидно, что эти изменения направлены на укрепление и институционализацию президенциализма. При условии успешной имплементации новых положений Беларусь будет соответствовать другой модели в нашей классификации – высоко институционализированной с доминирующей партией.

Республика Узбекистан

Подготовка к внесению изменений в Конституцию Узбекистана началась сразу после вступления в должность на второй (и последний по действовавшей на тот момент редакции Конституции) президентский срок Ш. Мирзиёева в конце 2021 года. В декабре того же года президент заявил: «Важной задачей становится гармонизация Основного закона с современными реалиями нашего общества... что ставит на повестку дня конституционные реформы в качестве объективной необходимости»⁹.

Проект изменений был подготовлен 16 мая 2022 года. Формально его инициировала Либерально-демократическая партия Узбекистана¹⁰. 24 июня 2022 года законопроект о внесении изменений в Конституцию

⁷ Белорусская партия «Белая Русь» [Электронный ресурс] // Официальный сайт республик. полит. об-ния «Белая Русь». URL: <https://1br.by> (дата обращения: 07.05.2023).

⁸ «Белая Русь» – это партия единого народа [Электронный ресурс] // Там же. URL: <https://1br.by/?p=11146> (дата обращения: 07.05.2023).

⁹ Мирзиёев предложил внести ряд изменений в Конституцию, его предложение состоит из 9 направлений [Электронный ресурс] // KUN.UZ. 2021. 7 дек. URL: <https://kun.uz/ru/07641199> (дата обращения: 13.05.2023).

¹⁰ В Узбекистане запускают процесс изменения Конституции [Электронный ресурс] // KUN.UZ. 2022. 16 мая. URL: <https://kun.uz/ru/news/2022/05/16/deputaty-predlozili-vnesti-izmeneniya-i-dopolneniya-v-konstitutsiyu> (дата обращения: 14.05.2023).

был одобрен парламентом, а 25 июня вынесен на общественное обсуждение¹¹.

Важнейшим изменением в законопроекте, вынесенном на референдум¹², было увеличение срока президентских полномочий с пяти до семи лет при сохранении запрета одному и тому же лицу занимать должность президента более двух сроков подряд (ст. 106). Однако статья 7 проекта предусматривала, что положения Закона, «изменяющие... сроки полномочий должностных лиц государственной власти, применяются в отношении лиц, занимающих эти должности на момент вступления в силу... Закона, и данные лица вправе избираться (назначаться) наравне с другими гражданами... на указанные должности... вне зависимости от числа сроков подряд, в течение которых указанные лица занимали и (или) занимают эти должности на момент вступления в силу настоящего Закона»¹³. 18 марта 2023 года Конституционный суд Узбекистана подтвердил конституционность этой новеллы¹⁴. Это означало, что действующему президенту Ш. Мирзиёеву предоставлялось право избираться на пост главы республики еще дважды, поскольку новый, семилетний срок будет для него первым, а не третьим. Таким образом, подтвердилось предположение о том, что основной целью внесения поправок в Конституцию было продление полномочий президента, причем на основе таких же правовых процедур, с помощью которых первый президент И. Каримов все время получал конституционную возможность баллотироваться на новый президентский срок.

Отметим, что поправки в главу «Республика Каракалпакстан» предполагали исключение упоминания о суверенитете Республики Каракалпакстан и праве ее выхода из состава Узбекистана. Это вызвало в столице Каракалпакстана и других крупных городах 1–2 июля 2022 года массовые протесты, жертвами которых стали более 20 человек, после чего по предложению президента все поправки к указанной главе были исключены¹⁵, а обсуждение законопроекта продолжено.

¹¹ Проект обновленной Конституции вынесут на всенародное обсуждение [Электронный ресурс] // KUN.UZ. 2022. 24 июня. URL: <https://kun.uz/ru/news/2022/06/24/proyekt-obnovlennoy-konstitutsii-vynesut-na-vsenarodnoye-obsudeniye> (дата обращения: 14.05.2023).

¹² О Конституции Республики Узбекистан [Электронный ресурс]: проект Конституц. закона Респ. Узбекистан // Офиц. сайт ННО «Мадад». URL: <https://advice.uz/uploads/experts/rus.pdf> (дата обращения: 13.05.2023).

¹³ О Конституции Республики Узбекистан [Электронный ресурс]: Конституц. закон Респ. Узбекистан: принят путем всенар. голосования на референдуме Респ. Узбекистан 30.04.2023 // LexUZ on-line: нац. база данных законодательства Респ. Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/6449035> (дата обращения: 12.05.2023).

¹⁴ О работе по определению соответствия Конституции Республики Узбекистан Постановления (с приложением) Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан «О проведении референдума Республики Узбекистан по проекту Конституционного закона Республики Узбекистан “О Конституции Республики Узбекистан”» [Электронный ресурс]: Постановление Конституц. суда Респ. Узбекистан от 13.03.2023 № ПКС-4 // LexUZ on-line: нац. база данных законодательства Респ. Узбекистан. URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/6405860> (дата обращения: 12.05.2023).

¹⁵ Обращение Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Президента Респ. Узбекистан. 2022. 3 июля. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/5313> (дата обращения: 15.05.2023).

В законопроекте, опубликованном 25 июня 2022 года¹⁶, предлагалось изъять из компетенции парламента определение важнейших приоритетов внутренней и внешней политики и закрепить его за президентом (ст. 78, 93), что привело бы в соответствие политическую практику и правовые нормы. Однако в окончательном проекте, вынесенном на голосование¹⁷, эти положения остались в неизменном виде: определение основных направлений внутренней и внешней политики государства было отнесено к совместному ведению Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан (ст. 93).

Среди других изменений следует отметить закрепление за президентом права формировать и возглавлять Совет безопасности, формировать Администрацию Президента, назначать и освобождать от должности глав регионов (хокимов) без согласования с премьер-министром (ст. 109). Эти изменения следует считать закреплением сложившейся де-факто политической практики, поскольку глава государства и ранее формировал эти органы, не упоминавшиеся в Конституции.

Отметим, что в Конституции Республики Узбекистан по-прежнему отсутствует положение о возможности и порядке отрешения президента от должности.

В соответствии с внесенными изменениями кандидатура премьер-министра предлагается президентом после проведения консультаций со всеми фракциями парламентских политических партий (ст. 118). С одной стороны, это расширяет число партий, вовлеченных в процесс формирования правительства, с другой – отменяет ранее действовавшее положение о том, что кандидатура премьер-министра предлагается политической партией, набравшей наибольшее количество депутатских мест на выборах в Законодательную палату (ст. 98).

30 апреля 2023 года по результатам референдума на вопрос «Принимаете ли вы Конституционный закон Республики Узбекистан “О Конституции Республики Узбекистан”?» положительно ответили 90,2 % избирателей, принявших участие в голосовании¹⁸. 1 мая 2023 года изменения вступили в силу, а уже 8 мая президент издал указ о проведении досрочных выборов главы государства 9 июля 2023 года¹⁹. Это окончательно подтверждает вывод о том, что основная цель поправок состояла в продлении срока полномочий действующего президента по меньшей мере на 14 лет.

В то же время в Конституцию был внесен ряд поправок, закрепляющих социальные гарантии граждан (установление минимального размера оплаты труда, запрет принудительного труда детей, обеспечение жильем, бесплатное

¹⁶ О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Узбекистан [Электронный ресурс]: проект Конституц. закона Респ. Узбекистан // KUN.UZ. 2022. 25 июня. URL: <https://storage.kun.uz/source/uploads/2022/Законопроект.pdf> (дата обращения: 15.05.2023).

¹⁷ О Конституции Республики Узбекистан ...

¹⁸ Об итогах референдума Республики Узбекистан, проведенного 30 апреля 2023 года [Электронный ресурс]: Постановление Центр. избират. комис. Респ. Узбекистан от 01.05.2023 № 1245 // LexUZ on-line: нац. база данных законодательства Респ. Узбекистан. URL: <https://www.lex.uz/docs/6449097> (дата обращения: 12.05.2023).

¹⁹ ЦИК Узбекистана приступил к подготовке досрочных выборов президента страны [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2023. 8 мая. URL: <https://ria.ru/20230508/vybory-1870468917.html> (дата обращения: 12.05.2023).

образование и др.), что можно рассматривать как своеобразное «пакетное предложение»: увеличение срока полномочий президента в обмен на расширение социальных благ (или в дополнение к ним). Поскольку голосовать на референдуме можно было только за или против всех изменений в целом, такой прием был оправданным – вряд ли большинство граждан готовы были голосовать против социальных поправок, хотя и идущих «в связке» с политическими.

Индекс формы правления в Узбекистане изменений не претерпел, сохранившись на нулевой отметке (абсолютно сбалансированная президентско-парламентская система). Не произошло изменений и в характеристике формы правления по шкале Шугарта – Кэри (законодательные полномочия президента – 2 балла, незаконодательные – 3 балла), в которой Узбекистан по-прежнему относится к IV кластеру – в него входят самые «слабые» президенты по двум параметрам. Беларусь по-прежнему относится к I кластеру – с самыми «сильными» президентами (рис. 2).

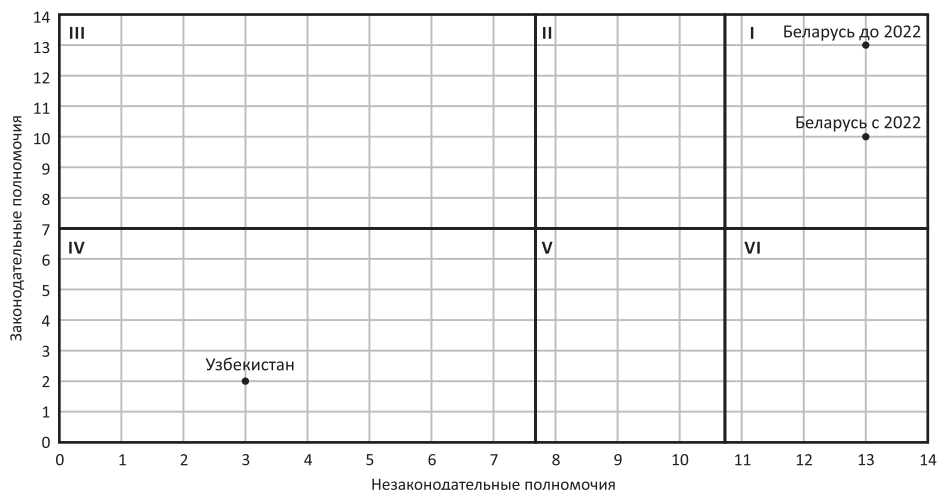

Рис. 2. Соотношение законодательных и незаконодательных полномочий президентов Беларуси и Узбекистана до и после внесения изменений в конституции / Fig. 2. The ratio of legislative and non-legislative powers of the presidents of Belarus and Uzbekistan before and after the constitution amendments

Источник: собственные расчеты автора.

Что касается правового статуса и деятельности политических партий, то здесь за период легислатуры 2015–2020 годов и нынешней с 2020 года существенных изменений не произошло. Единственная новация состояла в том, что Экологическое движение Узбекистана, имевшее 15 мест в Законодательной палате Олий Мажлиса по специальной квоте, было преобразовано в Экологическую партию Узбекистана, а квота была отменена. Это привело к тому, что теперь все 100 % мест в Законодательной палате занимают депутаты, избранные от политических партий, и фракционный состав выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Фракционный состав Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан
III и IV созывов / The factional composition of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis
of the Republic of Uzbekistan, the III and IV convocations**

Состав Законодательной палаты	Количество и доля депутатов	
	2015–2020 гг.	с 2020 г.
Партийная фракция:		
Движение предпринимателей и деловых людей – Либерально-демократическая партия Узбекистана	52 (34,7 %)	53 (35,3 %)
Демократическая партия «Миллий тикланиш»	36 (24,0 %)	36 (24,0 %)
Народно-демократическая партия Узбекистана	27 (18,0 %)	22 (14,7 %)
Социал-демократическая партия «Адолат»	20 (13,3 %)	24 (16,0 %)
Экологическое движение (с 2020 г. Экологическая партия) Узбекистана	15 (10,0 %)	15 (10,0 %)
Итого	150 (100 %)	150 (100 %)
Доля партийных депутатов, всего	90 %	100 %

Источник: собственные расчеты автора на основе данных Центральной избирательной комиссии Республики Узбекистан²⁰.

Нетрудно заметить, что изменения в части распределения депутатов по фракциям минимальны. Так же, как и ранее, обеспечено небольшое преимущество «президентской» Либерально-демократической партии (53 места вместо 52). Более того, отмена квоты для Экологического движения Узбекистана никак не отразилась на количестве мест (15), полученном Экологической партией.

Формально-юридически политические партии Узбекистана достигли полной институционализации: они остаются единственными субъектами избирательного процесса, полностью исчезли беспартийные депутаты парламента, все участвующие в выборах партии получают места в парламенте, у партий есть право участвовать в формировании правительства и выносить ему вотум недоверия, по результатам которого президент обязан принять решение об отставке правительства. Так, в соответствии с Конституцией в 2020 году Кабинет министров сложил полномочия перед вновь избранным парламентом, а Либерально-демократическая партия, победившая на выборах, внесла предложение президенту о назначении премьер-министром А. Орипова, а затем утвердила кандидатуры министров, что отражает функционирование сбалансированной президентско-парламентской системы.

Однако наблюдается следующий парадокс: партия, победившая на выборах, формирует беспартийное правительство (при назначении членов правительства партийная принадлежность не играет никакой роли), но влиять на определение основных направлений внутренней и внешней политики

²⁰ Об очередном заседании Центральной избирательной комиссии // Центральная избирательная комиссия Республики Узбекистан. URL: <https://saylov.uz/ru/news/2020/01/06/ob-ocherednom-zasedanii-tsentralnoj-izbiratelnoj-komissii> (дата обращения: 10.05.2023).

она не может, поскольку де-факто это прерогатива президента. Соответственно, фактически ни победившая партия, ни парламент в целом не определяют политический курс и не могут нести за него ответственность.

Если рассматривать партию как политический институт, функционирующий с целью осуществления политического действия, следует признать такие партии неэффективными. Однако если учесть, что подобная партия является элементом неформальной патрональной сети (Hale, 2015), можно отметить значительную роль партий в Узбекистане – в частности, как институтов воспроизводства лояльных режиму кадров и согласования интересов внутри разных групп политической элиты.

Основные причины и содержание изменений в конституциях Беларуси и Узбекистана обобщены в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Основные причины и содержание изменений в Конституциях Республики Беларусь и Республики Узбекистан в 2022–2023 гг. / The main reasons and content of the constitutions amendments in the Republic of Belarus and the Republic of Uzbekistan, 2022–2023

Критерии изменений	Беларусь до/после изменений	Узбекистан до/после изменений
Основные факторы изменений	Массовые протесты после президентских выборов 2020 г., снижение легитимности действующего президента А. Лукашенко	Окончание второго срока полномочий президента Ш. Мирзиёева в 2026 г.
Причины внесения изменений	Повышение легитимности президентской власти, институционализации института президентства, обеспечение механизмов преемственности (передачи) власти	
Индекс формы правления	+6 / +6	0 / 0
Кластер по методике М. Шугарта – Дж. Кэри	I / I («сильный» президент)	IV / IV («слабый» президент)
Конституционный субъект определения основных направлений политики	Президент / ВНС и президент	Парламент
Субъекты выдвижения кандидатов в депутаты	Трудовые коллективы и граждане / Трудовые коллективы, политические партии и граждане	Политические партии
Доля партийных депутатов в парламенте	19 %	100 %
Наличие доминирующей партии	Отсутствует	Отсутствует
Избирательная система	Плюральная	Мажоритарная

Источник: составлено автором.

Проводя сравнительный анализ двух случаев, можно выделить следующие парадоксы:

1. В Беларуси право определять основные направления политики закреплено за ВНС, а в Узбекистане после некоторых колебаний сохранено за президентом. При этом формальные полномочия президента Беларуси усилились, а в Узбекистане глава государства остался конституционно «слабым».

2. Президент Беларуси в результате изменений лишился ряда важных полномочий, но в силу того, что действующий президент с большой вероятностью воспользуется конституционным правом возглавить ВНС как орган, в котором сосредоточены функции законодательной, исполнительной и судебной власти и в состав которого входят также представители органов региональной власти и местного самоуправления, его конституционные полномочия не только сохраняются, но и значительно расширяются, не говоря уже о неформальных полномочиях.

3. В Беларуси в настоящее время политические партии не играют существенной роли в парламенте и политической системе, в Узбекистане, напротив, парламент состоит только из партийных депутатов, однако партийные системы Беларуси и Узбекистана по-прежнему можно отнести к одному типу «апартийных».

4. Политическим партиям в Узбекистане предоставлено конституционное право участвовать в формировании правительства, однако фактически они не имеют возможности реализовать функцию определения основных направлений внутренней и внешней политики.

5. Хотя индексы формы правления как в Беларуси, так и в Узбекистане в результате внесения поправок не изменились и по-прежнему существенно различаются между собой, модели организации власти в этих государствах довольно близки.

Все объяснения этих парадоксов могут быть сведены к одному: основной целью изменений в Конституциях Беларуси и Узбекистана в 2022–2023 годах было укрепление власти, а точнее – укрепление президентской власти. Для реализации этой стратегической цели были использованы разные тактические приемы: в Беларуси усилена институализация президентской власти через политическую партию и расширение президентских полномочий на основе предоставления права действующему президенту возглавлять ВНС – высший орган власти с очень широкими полномочиями, в Узбекистане действующему президенту предоставлено право избираться еще на два семилетних срока. Несмотря на неизменность формы правления и положения Президента Узбекистана в системе законодательных и незаконодательных полномочий, были созданы правовые механизмы для укрепления политической системы. Именно поэтому не стоит недооценивать формальные институты и конституции, которые даже в условиях неконкурентных политических режимов могут играть существенную роль. Возвращаясь к терминам Т. Гинзбурга и А. Симпсера, можно отметить, что главной целью изменений конституций и в том, и в другом случае в первую очередь следует считать “operating manual” (обозначение новых рамок функционирования институтов) и “blueprint” (определение проекта политической системы будущего)

и в гораздо меньшей степени “window dressing” (декорацию). В Узбекистане велика была и роль “billboard” (рекламного щита), поскольку в Основной закон республики внесли ряд социальных гарантий. Иными словами, в новых конституциях наблюдается попытка сочетания двух противоположных явлений: запроса на право и запроса на стабильное и предсказуемое развитие (подробнее об этом см.: Медушевский, 2023).

Новые правила определяют функционирование политических систем в обоих государствах на десятилетия вперед, причем особую роль они могут сыграть при передаче власти новому президенту в контексте определения роли и полномочий экс-президента и его преемника.

Отвечая на вопрос о том, станут ли поправки фактором политического процесса, следует заметить, что они задают правовые рамки трансформации роли президента (в Беларуси и Узбекистане), эволюции партийной системы (в Беларуси) и в целом служат для обеспечения стабильности политического режима, в том числе в условиях передачи власти.

Как было отмечено нами ранее (Борисов, 2018, с. 365), модель президентства, основанная на низкой степени институционализации института президента (личной власти лидера), включающая широкую (Беларусь) или узкую (Узбекистан) сферу формальных полномочий президента, низкую конкурентность выборов, беспартийность президента, отсутствие доминирующей партии, в перспективе представляется наименее устойчивой. Прогноз относительно перехода Беларуси к более институционализированной модели, включающей партийную систему с доминирующей партией и подконтрольный президенту парламент, а в перспективе и партийного президента, возглавляющего политическую партию, давался еще в 2018 году.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал, что, с одной стороны, не стоит недооценивать формальные институты даже в неконкурентных политических режимах. Конституционные реформы в таких режимах, безусловно, являются заслуживающим внимание объектом политологического анализа. С другой стороны, очевидно, что индексный анализ форм правления может применяться только в сочетании с анализом других политических институтов, как закрепленных в конституциях и не имеющих на первый взгляд отношения к форме правления, так и неформальных институтов, не отраженных в конституциях. Анализ всех трех уровней политического процесса поможет избежать неверной оценки ситуации и соответственно неверных прогнозов.

Перспективным направлением исследования представляется изучение степени разрыва между конституционными нормами и политической практикой и уточнение на этом основании классификации постсоветских политических режимов. Политический процесс в Беларуси и Узбекистане уже в краткосрочной перспективе продемонстрирует эффекты изменений конституций, в том числе в ситуации возможного внутриэлитного конфликта или иного кризиса режимов.

Список источников

Борисов Н. А. Президентство на постсоветском пространстве: процессы генезиса и трансформаций. М.: РГГУ, 2018. 537 с.

Борисов Н. А. Президентализация формы правления в Кыргызстане как фактор политического процесса: причины и перспективы // Журнал политических исследований. 2022. № 4. С. 44–57. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-4-44-57>.

Василевич Г. А., Василевич С. Г. Модернизация конституций Российской Федерации и Республики Беларусь как отражение динамики общественного развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18, № 2. С. 5–12. <https://doi.org/10.12737/jflcl.2022.019>.

Гарбузарова Е. Г. Роль конституционных реформ в развитии государств Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24, № 3. С. 28–39. <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.03.03>.

Зазнаев О. И. Конституционные поправки как фактор укрепления президентской власти в постсоветских странах // Духовная сфера общества. 2012. № 9. С. 88–91.

Зазнаев О. И. Типология форм правления: работа над ошибками // Полис. Политические исследования. 2006. № 1. С. 92–103. <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.01.07>.

Зазнаев О. И., Сидоров В. В. Президентские системы на постсоветском пространстве: верна ли гипотеза Хуана Линца? // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 4. С. 24–35. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2018-4-24-35>.

Мадьяр Б., Мадлович Б. Посткоммунистические режимы: концептуальная структура: в 2 т. Т. 1 / Пер. с англ. Ю. Игнатъевой; под ред. А. Решетникова. М.: Новое литератур. обозрение, 2022. 744 с. <http://doi.org/10.1515/9789633863701>.

Медушевский А. Н. Политические режимы Средней Азии: конституционные реформы в рамках авторитарной модернизации // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 45–60.

Медушевский А. Н. Правовое устройство Средней Азии: стратегии маневрирования между глобальными и национальными приоритетами (новейшие конституционные преобразования в Киргизии, Казахстане и Узбекистане) // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 2. С. 33–68. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-2-33-68>.

Медушевский А. Н. Тенденции постсоветских политических режимов в свете новейшей волны конституционных поправок // Общественные науки и современность. 2018. № 2. С. 49–66.

Харитонов О. Г. Постсоветские конституции: только ли институты имеют значение? // Политическая наука. 2014. № 1. С. 69–93.

Ginsburg T., Simpser A. Introduction: Constitutions in authoritarian regimes // Constitutions in authoritarian regimes / Ed. by T. Ginsburg, A. Simpser. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 1–18. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107252523.001>.

Hale H. Patronal politics: Eurasian regime dynamics in comparative perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 538 p.

Hale H. Regime cycles: Democracy, autocracy, and revolution in post-Soviet Eurasia // *World Politics*. 2005. Vol. 58, № 1. P. 133–165. <https://doi.org/10.1353/wp.2006.0019>.

Hale H. Timing is everything: A quantitative study of presidentialist regime dynamics in Eurasia, 1992–2016 // *Post-Soviet Affairs*. 2019. Vol. 34, № 5. P. 267–281. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1500094>.

Onuch O., Sasse G. The Belarus crisis: People, protest, and political dispositions // *Post-Soviet Affairs*. 2022. Vol. 38, № 1–2. P. 1–8. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2022.2042138>.

Robertson G. Protest, platforms, and the state in the Belarus crisis // *Post-Soviet Affairs*. 2022. Vol. 38, № 1–2. P. 146–149. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2022.2037196>.

Shugart M. S., Carey J. M. Presidents and assemblies: Constitutional design and electoral dynamics. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 316 p.

Styckow P. The devil in the details: Constitutional regime types in post-Soviet Eurasia // *Post-Soviet Affairs*. 2019. Vol. 35, № 2. P. 122–139. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1553437>.

Информация об авторе

Н. А. Борисов – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», 125047, Россия, г. Москва, Миусская пл., 6

SPIN-код (РИНЦ): 7806-9594

AuthorID (РИНЦ): 493786

Web of Science ResearcherID: AAR-3007-2020

Scopus Author ID: 57004522700

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 21.05.2023; одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 29.06.2023.

References

Borisov, N. A. (2018), *Prezidentstvo na postsovetском prostranstve: protsessy genezisa i transformatsii* [Presidency in the post-Soviet space: Genesis and transformations processes], Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Borisov, N. A. (2022), “Presidentialization of the form of government in Kyrgyzstan as a political process factor: Causes and prospects”, *Journal of Political Research*, no. 4, pp. 44–57, <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-4-44-57>.

Vasilevich, G. and Vasilevich, S. (2022), “Modernization of constitutions of the Russian Federation and the Republic of Belarus as a reflection of social development dynamics”, *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, vol. 18, no. 2, pp. 5–12, <https://doi.org/10.12737/jfcl.2022.019>.

Garbuzarova, E. (2021), "Role of constitutional reforms in the development of Central Asian countries", *Central Asia and the Caucasus*, vol. 24, no. 3, pp. 24–35, <http://doi.org/10.37178/ca-c.21.03.03>.

Zaznaev, O. I. (2012), "Constitutional amendments as a factor of strengthening presidential power in post-Soviet countries", *Dukhovnaya sfera obshchestva*, no. 9, pp. 88–91.

Zaznaev, O. I. (2006), "Typology of forms of government: Rectification of mistakes", *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 92–103, <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.01.07>.

Zaznaev, O. I. and Sidorov, V. V. (2018), "Presidential systems in the post-Soviet space: Is Juan Linz's hypothesis correct?", *RSUH/RGGU Bulletin, Series "Political Science. History. International Relations"*, no. 4, pp. 24–35, <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2018-4-24-35>.

Magyar, B. and Madlovics, B. I. (2020), *Postkommunisticheskie rezhimy: kontseptual'naya struktura* [The anatomy of post-communist regimes: A conceptual framework in 2 vol. Vol. 1], translated by Ignat'eva, Yu., Reshetnikov, A. (ed.), Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, <http://doi.org/10.1515/9789633863701>.

Medushevsky, A. N. (2012), "Political regimes in Central Asia: Constitutional reforms within the framework of authoritarian modernization", *Comparative Constitutional Review*, no. 4, pp. 45–60.

Medushevsky, A. N. (2023), "Constitutional construction in Central Asia: Strategies of maneuvering between global and national priorities (current constitutional reforms in Kyrgyzstan, Kazakhstan and Uzbekistan)", *Comparative Constitutional Review*, no. 2, pp. 33–68, <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-2-33-68>.

Medushevsky, A. N. (2018), "Post-Soviet political regimes: Developing trends in the light of current amendments wave", *Social Sciences and Contemporary World*, no. 2, pp. 49–66.

Kharitonova, O. G. (2014), "Post-Soviet constitutions: Do only institutions matter?", *Political Science*, no. 1, pp. 69–93.

Ginsburg, T. and Simpser, A. (2013), "Introduction: Constitutions in authoritarian regimes", in Ginsburg, T. and Simpser, A. (eds.), *Constitutions in authoritarian regimes*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 1–18, <https://doi.org/10.1017/CBO9781107252523.001>.

Hale, H. (2015), *Patronal politics: Eurasian regime dynamics in comparative perspective*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Hale, H. (2005), "Regime cycles: Democracy, autocracy, and revolution in post-Soviet Eurasia", *World Politics*, vol. 58, no. 1, pp. 133–165, <https://doi.org/10.1353/wp.2006.0019>.

Hale, H. (2019), "Timing is everything: A quantitative study of presidentialist regime dynamics in Eurasia", 1992–2016, *Post-Soviet Affairs*, vol. 34, no. 5, pp. 267–281, <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1500094>.

Onuch, O. and Sasse, G. (2022), "The Belarus crisis: People, protest, and political dispositions", *Post-Soviet Affairs*, vol. 38, no. 1–2, pp. 1–8, <https://doi.org/10.1080/1060586X.2022.2042138>.

Robertson, G. (2022), "Protest, platforms, and the state in the Belarus crisis", *Post-Soviet Affairs*, vol. 38, no. 1–2, pp. 146–149, <https://doi.org/10.1080/1060586X.2022.2037196>.

Shugart, M. S. and Carey, J. M. (1992), *Presidents and assemblies: Constitutional design and electoral dynamics*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Stykov, P. (2019), "The devil in the details: constitutional regime types in post-Soviet Eurasia", *Post-Soviet Affairs*, vol. 35, no. 2, pp. 12–139, <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1553437>.

Information about the author

N.A. Borisov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science of the Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia

SPIN-code (RSCI): 7806-9594

AuthorID (RSCI): 493786

Web of Science ResearcherID: AAR-3007-2020

Scopus Author ID: 57004522700

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 21.05.2023; approved after reviewing 29.06.2023; accepted for publication 29.06.2023.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 599–621.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 4, pp. 599–621.

Научная статья

УДК 314.7(470.13)

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-599-621>

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РЕСПУБЛИКИ КОМИ И ИХ ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Александр Дмитриевич Волков¹

¹ Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия, kov8vol@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0003-0451-8483>

Аннотация. Введение: задача поддержания контроля над геостратегической территорией Российской Арктики требует преодоления проблем оттока населения и суженного воспроизводства человеческого капитала. Необходимость разработки соответствующих управленческих механизмов актуализирует формирование научных основ регулирования миграционных процессов. Важнейшее значение имеет дополнение существующей статистической информации данными о миграционных установках населения арктических регионов, в частности арктических территорий Республики Коми. **Цель:** определение причин формирования миграционных установок у населения арктических территорий Республики Коми, выявление их пространственной дифференциации и отличий между социальными группами. **Методы:** информационную основу составили результаты опроса населения арктических территорий Республики Коми (n = 651, 2021 год), а также данные Росстата. Применялись методологические подходы пространственной экономики и социологии. **Результаты:** проанализированы данные о миграционных процессах, выявлены миграционные установки и их специфика в пространственном разрезе, а также в рамках возрастных, образовательных и доходных групп населения. Наиболее выражена установка на отъезд из арктических территорий региона у населения ГО Воркута – 47,4 % опрошенных имеют

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

определенные планы на переезд или рассматривают возможности для этого; в ГО Инта значение данного показателя составляет 36,1 %. Наиболее существенными причинами формирования установок на миграцию для населения арктических территорий Республики Коми являются стремление сменить климатические условия (важны и очень важны для 62,4 % желающих уехать за пределы субрегиона), желание обеспечить будущее детей (58,1 %), а также необходимость улучшения медицинского обслуживания (51,2 %). **Выводы:** предлагаются аналитические основы точечного, пространственно дифференцированного воздействия на наиболее важные причины и стоящие за ними факторы миграции населения арктических территорий Республики Коми. Факторы, оказывающие самое сильное влияние на отток населения на тех или иных территориях и требующие относительно небольших организационных и финансовых затрат для их преодоления, должны быть нивелированы в первую очередь. Особенно актуален данный подход в условиях жестких ресурсных ограничений развития страны.

Ключевые слова: Арктическая зона России, миграция, численность населения, миграционная установка, причины миграции, пространственная дифференциация, Республика Коми, арктические территории

Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания Института экономики Карельского научного центра РАН, тема научно-исследовательской работы «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов».

Для цитирования: Волков А. Д. Миграционные установки населения арктических территорий Республики Коми и их пространственная дифференциация // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 599–621. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-599-621>.

Original article

THE POPULATION MIGRATION ATTITUDES IN THE ARCTIC TERRITORIES OF THE KOMI REPUBLIC AND THEIR SPATIAL DIFFERENTIATION

Alexander D. Volkov¹

¹ Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the RAS, Petrozavodsk, Russia, kov8vol@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0451-8483>

Abstract. Introduction: the task of maintaining control over the geostrategic territory of the Russian Arctic requires dealing with problems of population outflow and reduced reproduction of human capital. The need to develop appropriate management mechanisms makes it relevant to form the scientific foundations for regulating migration processes. In this context, supplementing the existing statistical information with data on the migration attitudes of the population of the Arctic regions, in particular the Arctic territories of the Komi Republic, becomes of paramount importance. **Objectives:** to determine the reasons for migration attitudes formation among the population in the Arctic territories of the Komi Republic; to identify their spatial differentiation and differences between social groups. **Methods:** the research was based on the results of a population survey in the Komi Republic Arctic territories ($n = 651$, 2021), as well as Rosstat data. Methodological approaches of spatial economics and sociology were used. **Results:** data on migration processes were analyzed; migration attitudes and their specificity were identified in the spatial context, as well

as within the framework of age, educational and income groups of the population. The intention to leave the Arctic territories of the region is most pronounced among the residents of Vorkuta: 47.4 % of respondents have certain plans to relocate or are considering opportunities for this; in Ina, this indicator reaches 36.1 %. The most significant reasons for migration intentions for the residents of the Komi Republic Arctic territories are: the desire to change the climatic conditions (important and very important for 62.4 % of those wishing to leave the subregion), the desire to ensure the future of children (58.1 %), as well as the need to improve medical care (51.2 %). **Conclusions:** the article proposes an analytical basis of a point and spatially differentiated impact on the most important causes and factors of population migration in the Arctic territories of the Komi Republic. The factors providing the strongest influence on the population outflow in certain territories and requiring relatively small organizational and financial costs to overcome them should be leveled first. This approach is most relevant in the context of severe resource constraints on the country's development.

Keywords: Arctic zone of Russia, migration, population size, migration attitude, reasons for migration, spatial differentiation, Komi Republic, Arctic territories

Acknowledgements: the study was supported by the government fund to the Institute of Economics of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, research topic "Comprehensive research and development of foundations for managing the sustainable development of the northern and border regions of Russia in the context of global challenges".

For citation: Volkov, A. D. (2023), "The population migration attitudes in the Arctic territories of the Komi Republic and their spatial differentiation", *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 4, pp. 599–621, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-599-621>.

ВВЕДЕНИЕ

Поддержание контроля над геостратегической территорией макрорегиона Российской Арктики – это важнейшая управленческая задача, значимость которой возрастает в условиях обострения международных противоречий. Решение данной задачи требует реализации комплекса мероприятий, среди которых важнейшими являются развитие транспортной инфраструктуры (Скуфьина и др., 2022) и технологий (Цветков и др., 2020), поддержание и развитие системы расселения (Фаузер и др., 2016). Последний аспект представляется наиболее проблемным в свете сохраняющихся неблагоприятных демографических тенденций на большей части территорий Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) (Фаузер и др., 2021). Существенный вклад в неблагоприятную демографическую ситуацию вносит миграционный отток населения (Фаузер и др., 2020), в структуре которого наиболее значимые социально-экономические последствия влечет убыль молодежи и в целом лиц трудоспособного возраста (Симакова, 2019, с. 135–136). Нехватка квалифицированной и мотивированной рабочей силы, в свою очередь, ставит под угрозу реализацию новых арктических инвестиционных проектов. Логика диалектического процесса замыкается, формируя важнейшее противоречие развития. С одной стороны, мы видим важность новых инвестпроектов для повышения общей социально-экономической устойчивости арктических городов и посел-

ков, тогда как неопределенность будущего в месте проживания является одной из ключевых причин формирования миграционной установки на выбытие на уровне отдельных индивидов (а в терминах пространственного подхода и теории человеческого капитала – одной из ключевых причин воспроизводящего оттока человеческого капитала территорий) (Волков и др., 2022, с. 179). С другой стороны, очевидна текущая недостаточность предпосылок для закрепления инвестиционных проектов на периферийных территориях Арктики в количестве и качестве, необходимом для формирования устойчивых перспектив развития подавляющего большинства этих территорий.

В условиях рыночной экономики и современного общества, в котором преобладает свободное перемещение трудовых ресурсов, преодоление данного противоречия должно опираться на регулирование тех социально-экономических и административных параметров, которые определяют совокупность условий воспроизводства человеческого капитала (Волков и др., 2022, с. 157–159). Углубление научных знаний о причинах формирования миграционных установок населения на арктических территориях в пространственном разрезе создаст аналитическую основу разработки регулятивных мер в области государственного и муниципального управления, направленных на преодоление указанного выше расхождения объективных условий устойчивого развития арктических территорий во времени.

Объектом настоящего исследования являются арктические территории Республики Коми (рис. 1); целью – определение причин формирования миграционных установок у населения арктических территорий Республики Коми, выявление их пространственной дифференциации и отличий между социальными группами.

Рис. 1. Территории проведения исследования / Fig. 1. Study areas

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

В основе освоения арктических пространств России всегда лежало привлечение трудовых ресурсов из других территорий страны. Происходило это как ввиду крайней ограниченности местного населения для текущих целей колониального закрепления, поддержания контроля над пространством, индустриализации и т. д., так и по причине значительного разрыва в технологическом и культурном укладах между пришлым и коренным населением. В новейших условиях привлечение трудовых ресурсов вновь приобретает актуальность, имея при этом свою специфику. Как отмечают В. Н. Лексин и Б. Н. Порфирьев, «новое обустройство Арктики требует мощного притока кадров высокой квалификации» (Лексин и Порфирьев, 2015, с. 280). Исторически формирование системы расселения и создания новых населенных пунктов в Арктике происходило преимущественно «сверху», сопровождаясь соответствующими государственными мероприятиями по стимулированию или принуждению населения к переселению. В. В. Фаузер и соавторы выделяют четыре периода формирования малых и средних городов: период колонизации (1584–1917), период индустриализации и урбанизации (1918–1959), период перехода от принуждения к поощрению (1960–1989), «депрессивный период» (1990–2020) (Фаузер и др., 2021, с. 562–563). Ю. В. Петров использует весьма схожую группировку населенных пунктов по времени их образования, относимому к следующим периодам: досоветский (до 1917 г.), индустриально-принудительный (1918–1959), индустриально-поощрительный (1960–1991), постсоветский (с 1992 г.) (Петров, 2022, с. 388–389). При этом исследователями отмечается связь между демографической устойчивостью малых и средних городов (Фаузер и др., 2021), населенных пунктов в целом (Петров, 2022) и временем их образования.

С распадом плановой экономики и приостановкой большинства специальных программ привлечения и закрепления населения миграционный отток из арктических территорий Российской Федерации стал одной из ключевых проблем развития макрорегиона, значимость которой в стратегической перспективе будет, очевидно, возрастать (Kumo and Litvinenko, 2019; Иванова и Клюкина, 2017). Как показывают исследования отечественных (Степуть и др., 2023; Карцева и др., 2021; Zamyatina and Yashunsky, 2017) и зарубежных (Bjerke and Mellander, 2017; Määttä and Uusiantti, 2019) ученых, наиболее значимые социально-экономические последствия имеет отъезд населения в трудоспособном возрасте, в частности молодежи. Направления оттока – крупные федеральные и региональные центры. Для населения территорий европейской части Российской Арктики в качестве таковых выступают города Архангельск, Мурманск, Москва, Санкт-Петербург, в меньшей степени Петрозаводск и Сыктывкар; для территории азиатской части АЗРФ – Красноярск, Якутск, Тюмень, Москва и в меньшей степени Санкт-Петербург (Фаузер и Смирнов, 2020, с. 12–14). При этом региональные столицы, являясь центрами притяжения населения прилегающих территорий, играют значимую роль во внутрирегиональных миграционных потоках и выступают своеобразными хабами для дальнейшего перемещения населения в крупные федеральные центры. Федеральные центры, в первую очередь Москва и Санкт-Петербург, стяги-

вают население в рамках межрегиональных миграционных потоков (Фаузер и Смирнов, 2020, с. 12–14). Въезд трудовых мигрантов значительно превышает выезд на большинстве арктических территорий (Соколова, 2016, с. 167–168; Chanysheva et al., 2021, р. 6–8). Значимое место во входящих миграционных потоках занимает иностранная рабочая сила (Соколова, 2016, с. 169; Фаузер и Соколов, 2020, с. 8–11).

Существенный вклад в разработку методологических основ изучения миграционных процессов внесли Л. Л. Рыбаковский (Рыбаковский, 1987), М. С. Блинова (Блинова, 2009), В. В. Фаузер и А. В. Смирнов (Фаузер и Смирнов, 2020) и другие исследователи. В работе, посвященной причинам и факторам миграции населения, Л. Л. Рыбаковский подчеркивает необходимость разграничения данных понятий: «Причины миграции населения – это не что иное, как реакция индивида (его потребностей, установок, ценностных ориентаций) на те факторы, которые взаимодействуют с данным явлением. В свою очередь, факторы миграции – это не только обусловленная природой явления совокупность условий жизни. Это – совокупность, у которой приоритетность входящих в нее компонентов всецело зависит от структуры потребностей» (Рыбаковский, 2017, с. 59). Таким образом, миграция, как явление, неразрывно связанное с пространственным аспектом, отражает, с одной стороны, дифференциацию в размещении производительных сил и их относительность (как факторов формирования миграционных установок), а с другой – достаточность или недостаточность пространственно определенных условий для воспроизводства человеческого капитала (как причин формирования миграционных установок). Как отмечает Л. Л. Рыбаковский, «фактор сопряжен с объективными условиями, окружающими человека, а причина также сопряжена с человеком, его психикой, сознанием. <...> Причина – промежуточное звено между фактором и явлением» (Рыбаковский, 2017, с. 52).

В. В. Фаузером и соавторами проведена систематизация подходов отечественных и зарубежных ученых к исследованию демографических проблем и вопросов формирования расселенческого каркаса территорий (Фаузер и др., 2020). Значительное внимание специалисты уделили тем подходам, которые опираются на пространственные факторы миграции, имеющие особую выраженность в специфических условиях арктического макрорегиона. А. В. Уханова и соавторы предложили классификацию факторов миграции населения Российской Арктики (Уханова и др., 2021). Ими было выделено семь основных групп, среди которых наиболее значимы экономические факторы (размер и покупательная способность заработной платы, безработица, инвестиционная привлекательность территории, ее хозяйственная освоенность и др.), социальные (жилищные условия, развитие систем образования и здравоохранения и др.) и демографические (удельный вес нетрудоспособного населения, удельный вес молодежи в возрастной структуре населения и др.). Данные выводы находят подтверждение и в других работах, построенных на анализе эмпирических данных (Шеломенцев и др., 2018; Дружинин, 2020).

Среди зарубежных методологических подходов к анализу миграционных процессов отдельного внимания заслуживают работы И. Ли, рассматривавшего факторы «притяжения» и «отталкивания» (“pull” and “push” factors)

в рамках гравитационной модели (Lee, 1966). Особое значение И. Ли придавал пространственной дифференциации факторов миграции, подчеркивая их уникальную картину для каждой территории, а также фактору относительно-сти сравнительных преимуществ и недостатков территории, лежащих в основе эффектов «притяжения» и «отталкивания». Применительно к Российской Арктике данный подход был реализован на актуальном материале в работе Е. Богдановой и соавторов (Bogdanova et al., 2022). Т. Хелениак прогнозирует к 2055 году довольно сильное сокращение населения большинства арктических регионов России (кроме Ненецкого автономного округа и Чукотки) при росте численности населения на большинстве арктических территорий зарубежных стран, компенсирующем указанную убыль в масштабах Мировой Арктики (Heleniak, 2021, p. 147–149). При этом на длительном отрезке времени на большинстве арктических территорий преобладали и преобладают исходящие миграционные потоки; исключение составляют Исландия и два региона Канады, где наблюдается выраженное преобладание миграционного притока населения (Schmidt et al., 2015, p. 258–259).

Значительное внимание в исследованиях уделяется анализу устойчивости местных сообществ, формирующей контекст миграционных установок (Krasnoshtanova, 2023; Волков и Симакова, 2022). В работе А. Д. Волкова и А. В. Симаковой, посвященной изучению миграционных установок населения арктического моногорода (ГО Костомукша), отмечается, что для желающих уехать из города значительно более важны проблемы, связанные с властью, ее взаимодействием с бизнесом, а также с коррупцией, в то время как респонденты, не предполагающие переезжать, более критичны в отношении самих жителей городского округа и их социальной и экономической активности. На взгляд исследователей, это обусловлено тем, что в настоящий момент большинство привлекательных и доступных ниш как на местном рынке труда, так и в бизнесе заняты, что усложняет, особенно для молодежи, условия начала предпринимательской деятельности и карьерного развития в рамках местного сообщества и становится фактором «отталкивания» населения. Данный аспект напрямую связан с актуализируемыми в работах автора настоящей статьи и его коллег показателями социальной и экономической емкости территорий для воспроизводства человеческого капитала, предметное наполнение которых заслуживает отдельного рассмотрения. Следует также добавить, что по результатам изучения миграционных установок населения Арктической Карелии был сделан вывод о том, что в условиях разреженного экономического пространства арктического региона дифференциация факторов, обуславливающих миграционные установки населения, наиболее отчетливо отражает ряд критических для воспроизводства региональной социально-экономической системы социальных и экономических условий (Волков и др., 2022, с. 178–179).

Аспекты взаимосвязи между пространственными факторами размещения и развития производительных сил и решениями, принимаемыми экономическими субъектами в рамках пространственно локализованной экономической системы, составляют актуальный предмет научного изучения, требующий по мере эволюции социально-экономических систем постоянного

обновления подходов и фактологических основ своего изучения. Размещение и динамика трудовых ресурсов являются частным вопросом в указанном предметном поле, однако представляют несомненный интерес ввиду тесного и наглядного схождения в рамках воспроизводственных процессов субъективных причин принятия решений индивидами как носителями способности к труду и человеческого капитала и факторов размещения производительных сил (составляющих условия воспроизводства человеческого капитала и определяющих упомянутые выше эффекты «притяжения» и «отталкивания» его носителей) как причин и факторов формирования миграционных установок. С точки зрения регулирования развития многоуровневых пространственных систем данная взаимосвязь была очень точно подмечена П. А. Минакиром и А. Н. Демьяненко: «...задача поддержания общего экономического равновесия... сводится к задаче воздействия на экономическое поведение микроэкономических агентов в целях создания такого пространственного распределения значений микро- и макроэкономических параметров (средних и предельных затрат факторов производства, цен благ и услуг, цен факторов, доходов, сбережений, занятости, институциональных параметров и пр.), при которых объективно обусловленные решения микроэкономических агентов будут соответствовать формированию макро- и регионоэкономических равновесий» (Минакир и Демьяненко, 2010, с. 23). Несмотря на общую изученность пространственных особенностей экономик арктических регионов, специфика миграционных установок населения как индикаторов достаточности или недостаточности локальных условий для устойчивого воспроизводства человеческого капитала (включая наличие производств и рабочих мест, уровень заработной платы, физическую и ценовую доступность товаров и услуг, социальную инфраструктуру и т. д.) остается критически недоизученной. Данное обстоятельство препятствует осуществлению комплексных междисциплинарных исследований динамики многоуровневых экономических систем.

Представленное в настоящей работе исследование оперирует массивом данных, сформированным в рамках проведения анкетного опроса населения арктических территорий Республики Коми. Другими источниками данных выступили отчеты территориальных отделений Росстата, информация, размещенная на официальных сайтах местных администраций и служб, а также экспертные оценки специалистов администраций муниципального района и городских округов арктических территорий Республики Коми, полученные благодаря серии интервью.

В рамках опроса населения была реализована многоступенчатая, районированная выборка с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени. Опрашивались респонденты в возрасте 16–72 лет, постоянно проживающие на исследуемых территориях. Общий объем выборки составил 651 человек¹. Период проведения исследования – октябрь – ноябрь 2021 года. Информация о характеристиках выборочной совокупности представлена в таблице 1.

¹ В разрезе муниципальных районов и городских округов выборка распределилась следующим образом: ГО Воркута – 314 чел., ГО Усинск – 164 чел., ГО Инта – 122 чел., Усть-Цилемский район – 51 чел.

Таблица 1 / Table 1

Соотношение значений параметров выборки и структуры населения арктических территорий Республики Коми (16–72 лет) / The ratio of the values of the sampling parameters and the population structure of the Komi Republic Arctic territories (age 16–72)

Возраст, лет	Пол	Численность населения, человек	Структура населения по возрасту, %	Численность выборки, чел.	Структура выборки, %	Отклонение структуры выборки от генеральной совокупности, %
16–29	Мужской	10 576	9,68	61	9,37	0,31
	Женский	9 635	8,82	55	8,45	0,37
30–44	Мужской	19 054	17,44	109	16,74	0,70
	Женский	17 321	15,85	102	15,67	0,19
45–59	Мужской	16 335	14,95	94	14,44	0,51
	Женский	18 749	17,16	108	16,59	0,57
60–72 ²	Мужской	6 818	6,24	48	7,37	1,13
	Женский	10 765	9,85	74	11,37	1,51
Всего		109 253	100,00	651	100,00	Среднее 0,66

Источник: составлено автором на основе данных Росстата и авторского полевого исследования.

Использовался смешанный метод сбора данных: преобладало личное интервьюирование по формализованному опроснику, для части респондентов анкета оставлялась для самостоятельного заполнения по месту жительства с предварительным кратким инструктажем и последующей проверкой заполнения (с учетом начавшегося на заключительном этапе сбора информации обострения эпидемиологической ситуации в связи с распространением COVID-19). Для целей дальнейшего анализа в рамках опросника идентифицировались такие характеристики респондентов, как пол, возраст, уровень образования, основной род занятий, уровень дохода, а также оцениваемый жизненный уровень. В предметной области исследования (допустимость для респондента отъезда из места проживания, оценка причин стремления уехать и др.) преобладали закрытые вопросы с набором вариантов ответа, перечень которых был уточнен и определен в ходе предварительного разведывательного исследования. В то же время у респондентов оставалась возможность выбора варианта «Другое», предусматривающего возможность открытого ответа. В рамках вопроса, предполагающего оценку выраженности тех или иных установок («Оцените причины Вашего желания уехать из региона проживания, поставьте ответ в каждой строчке по 5-балльной шкале, где 1 – вообще не важно, 5 – очень важно»), применялась пятизначная шкала Ликерта, у респондента была возможность дать множественный ответ, оценив значимость каждой из представленных причин.

² Данные оценочные, так как в официальной статистике учет ведется в пределах возрастного интервала 60–69 лет.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема оттока населения для арктических территорий Республики Коми является одной из ключевых. Последние годы характеризуются в целом неблагоприятной динамикой социально-экономических процессов: закрытие основного градообразующего предприятия ГО Инта (ОАО «Шахта «Интауголь») в 2019 году, уменьшение объемов добычи угля в ГО Воркута и экономическая стагнация в периферийном Усть-Цилемском муниципальном районе. Экономические проблемы усугубляются экологическими (Волков и др., 2023, с. 288–291), постоянное влияние на отток населения оказывают дискомфортные климатические условия проживания (Скуфьина и Баранов, 2020, с. 23). Сальдо миграции по арктическим муниципалитетам Республики Коми имеет устойчиво отрицательный характер, локальные и временные исключения редки (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Сальдо миграции населения в разрезе арктических муниципалитетов Республики Коми за период 2015–2021 годов / The balance of population migration in the context of the Arctic municipalities of the Komi Republic, 2015–2021

Муниципальное образование	Значения сальдо миграции по годам						
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
ГО Воркута	–1 811	–1 451	–2 854	–2 610	–1 549	–515	–816
ГО Инта	–639	–591	–663	–413	–604	–174	–190
ГО Усинск	–690	–505	–628	–516	–1 020	25	–411
Усть-Цилемский МР	–222	–117	–196	–97	–32	–7	–59
Всего	–3 362	–2 664	–4 341	–3 636	–3 205	–671	–1 476

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Тот же характер имеют и значения сальдо миграции населения в трудоспособном возрасте (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Сальдо миграции населения в трудоспособном возрасте в разрезе арктических муниципалитетов Республики Коми за период 2015–2021 годов / The balance of working age population migration in the context of the Arctic municipalities of the Komi Republic, 2015–2021

Муниципальное образование	Значения сальдо миграции по годам						
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
ГО Воркута	–1 030	–918	–1 856	–1 687	–865	–256	–383
ГО Инта	–454	–443	–414	–297	–389	–70	–107
ГО Усинск	–430	–261	–340	–241	–623	186	–74
Усть-Цилемский МР	–166	–72	–136	–57	–19	17	–25
Всего	–2 080	–1 694	–2 746	–2 282	–1 996	–123	–589

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Наименее отрицательная картина складывается в отношении молодежи 15–34 лет, здесь наблюдается переход к миграционному приросту в 2020–2021 годах (табл. 4). При этом мы должны учитывать общее сдерживающее влияние COVID-19 на интенсивность миграционных процессов (Chakraborty and Maity, 2020, p. 5–6).

Таблица 4 / Table 4

Сальдо миграции населения арктических территорий Республики Коми в разрезе возрастных групп за период 2015–2021 годов / The balance of population migration in the Arctic territories of the Komi Republic by age groups, 2015–2021

Возрастная группа, лет	Значения сальдо миграции по годам						
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
15–34	–1 108	–766	–1 339	–1 157	–689	177	78
35–54	–786	–731	–1 140	–957	–1 021	–203	–534
55–69	–1 126	–936	–1 138	–1 032	–916	–526	–629

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

В то же время актуальная ситуация остается пока вне поля зрения исследователей и управленцев: временной лаг между общественными процессами и их отражением в статистических данных слишком велик для того периода глобальных потрясений и стремительных трансформаций социально-экономических процессов на всех уровнях пространственной организации, через который в настоящее время проходит Россия. Названные обстоятельства определяют важность рассмотрения данных полевого исследования, которые, во-первых, позволяют корректно интерпретировать статистические данные, а во-вторых, облегчают дальнейшее прогнозирование миграционных процессов.

В ходе полевого исследования арктических территорий Республики Коми были выявлены миграционные установки постоянно проживающего на указанных территориях населения. В частности, респондентам задавался вопрос «В будущем Вы допускаете для себя, своей семьи переезд в другой регион³ или страну?». Распределение ответов в территориальном разделении отражено на рисунке 2.

Полученные данные говорят о довольно сильной выраженности миграционных установок на отъезд среди населения рассматриваемых территорий. Мы видим соответствие установок отмеченным ранее негативным тенденциям социально-экономического развития муниципалитетов: 47,4 % населения ГО Воркута имеют определенные планы на переезд или рассматривают возможности для этого, в ГО Инта данный показатель составляет 36,1 %. В целом по арктическим территориям Республики Коми положительную установку на отъезд из региона проживания имеют 36,5 % респондентов (выбрали варианты ответов «Да, уже есть конкретные планы на этот счет» и «Скорее да, рассматриваю возможности для этого»). Сопоставление этих значений с материалами исследования арктических территорий Республики Карелия (Волков и др., 2022b) и Архангельской области говорит об относительно высокой доле респондентов, желающих уехать из региона проживания.

³ Под регионом проживания понимаются территории Республики Коми, входящие в состав АЗРФ.

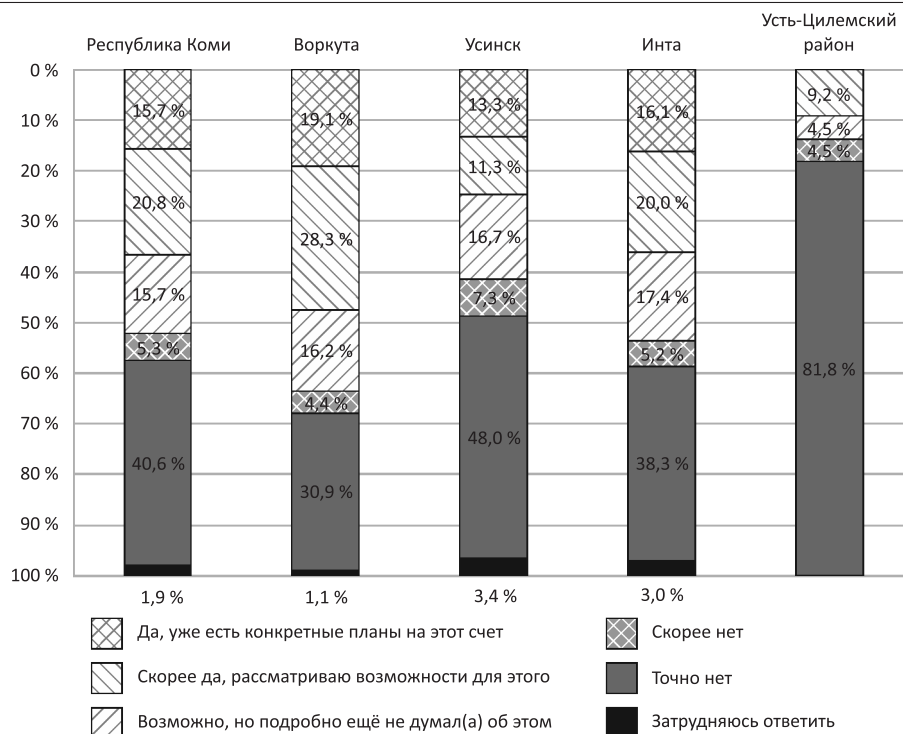

Рис. 2. Миграционные установки населения арктических территорий Республики Коми, 2021 год, в % / Fig. 2. Migration attitudes of the population of the Arctic territories of the Komi Republic, 2021, %

Источник: здесь и ниже составлено автором по материалам полевого исследования.

Изучение причин, обуславливающих стремление к отъезду из региона проживания, осуществлялось нами в разрезе территорий проживания респондентов, а также в разрезе возрастных, образовательных и доходных групп. Пространственная специфика причин формирования миграционной установки представлена на рисунке 3. При расчете значений учитывались:

- оценки респондентов, выразивших положительную установку на миграцию;
- четырех- и пятибалльные оценки значимости причин желания уехать, соответствующие уровню значимости «важно» и «очень важно».

Наиболее значимыми причинами формирования установки на миграцию для населения арктических территорий Республики Коми являются желание изменить климатические условия (важны и очень важны для 62,4 % желающих уехать за пределы субрегиона), стремление обеспечить будущее детей (58,1 %), а также необходимость улучшения медицинского обслуживания (51,2 %). С относительным отставанием по значимости за ними следуют стремление изменить жилищные условия (45,2 %) и улучшить материальное положение (38,9 %). При этом в разрезе муниципальных образований мы можем увидеть свою специфику причин формирования миграционных установок. Ведущей причиной желания уехать из региона проживания

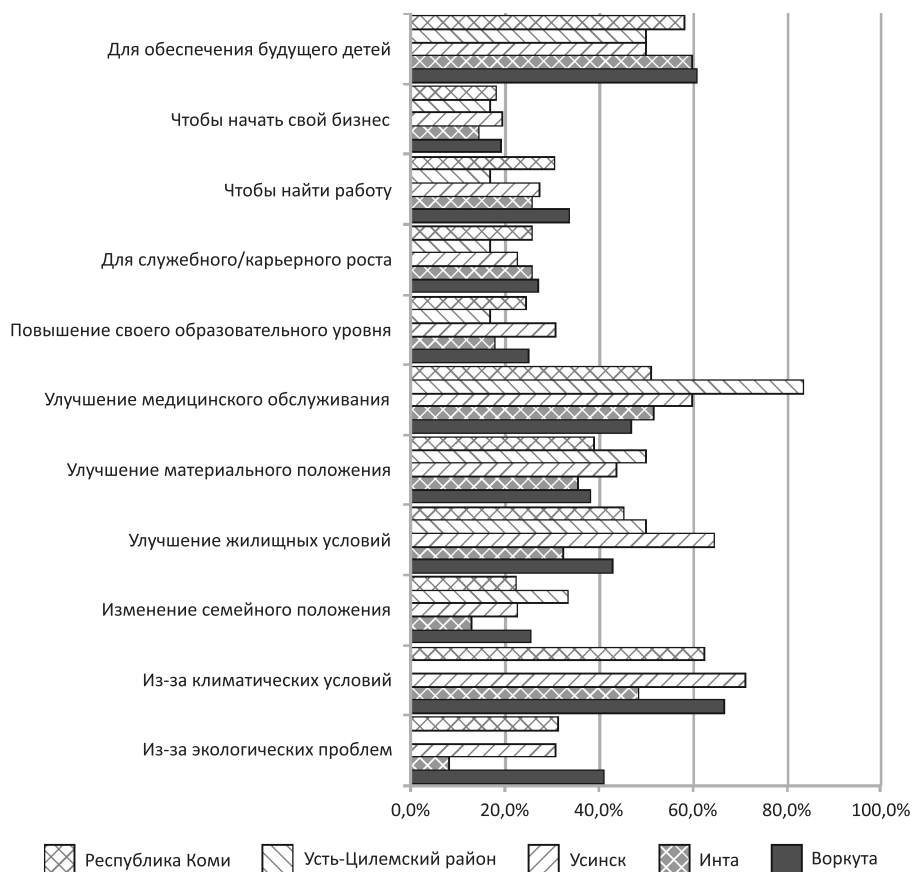

Рис. 3. Причины формирования установки на миграцию из региона проживания и их дифференциация по арктическим муниципалитетам Республики Коми, % /
 Fig. 3. Factors in the formation of attitudes towards migration from the region of residence and their differentiation in the Arctic municipalities of the Komi Republic, %

для населения Усть-Цилемского муниципального района является стремление улучшить медицинское обслуживание. Доминирование данной причины, как показали исследования (например, Волков и др., 2022), характерно для большинства периферийных и деиндустриализированных территорий АЗРФ. Ведущее значение для настроенной на миграцию части населения ГО Инта имеет обеспечение будущего детей (для 59,7 % респондентов), что, вероятно, обусловлено закрытием градообразующего предприятия и сужением перспектив социально-экономического развития муниципалитета. Стремление сменить климатические условия проживания вносит «наибольший вклад» в миграционные настроения населения ГО Воркута (66,5 %) и ГО Усинск (71 %). Неожиданно малозначимыми для населения большинства территорий оказались экологические причины, в то время как для арктических территорий Архангельской области и ряда территорий Арктической Карелии они среди доминирующих (Волков и др., 2022, с. 175).

Дифференцированы причины желания уехать из региона проживания и в разрезе возрастных групп (рис. 4). Для молодежи 16–20 лет доминирующими мотивами является стремление повысить образовательный уровень, добиться служебного/карьерного роста и обеспечить будущее детей. Высокая значимость необходимости мигрировать для повышения образовательного уровня определяется в первую очередь недостаточностью учреждений высшего образования на территории арктического субрегиона Республики Коми (присутствуют только филиалы вузов с ограниченным перечнем образовательных услуг).

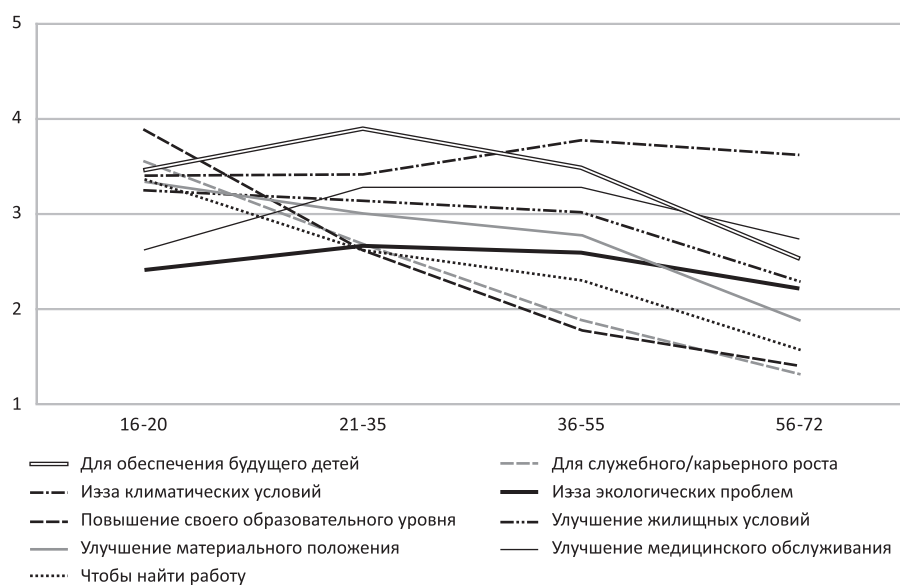
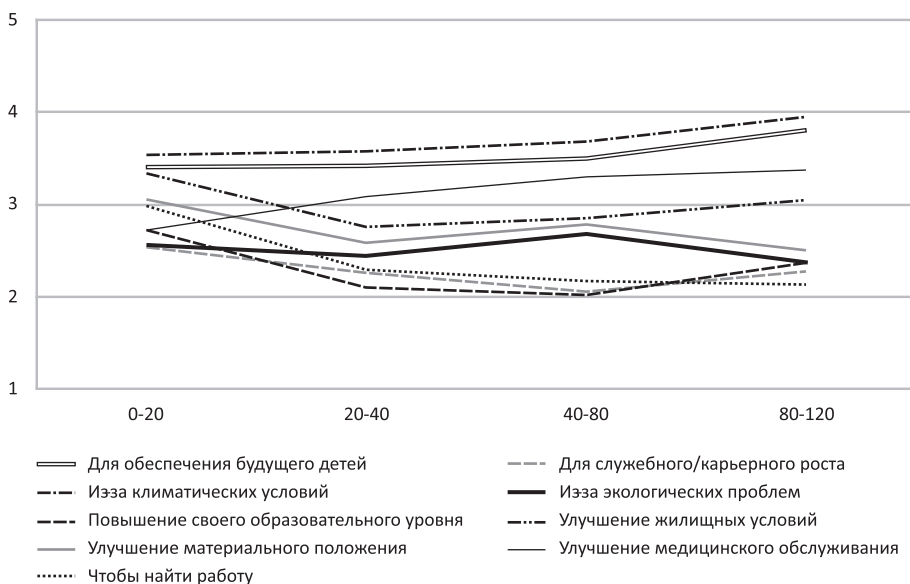
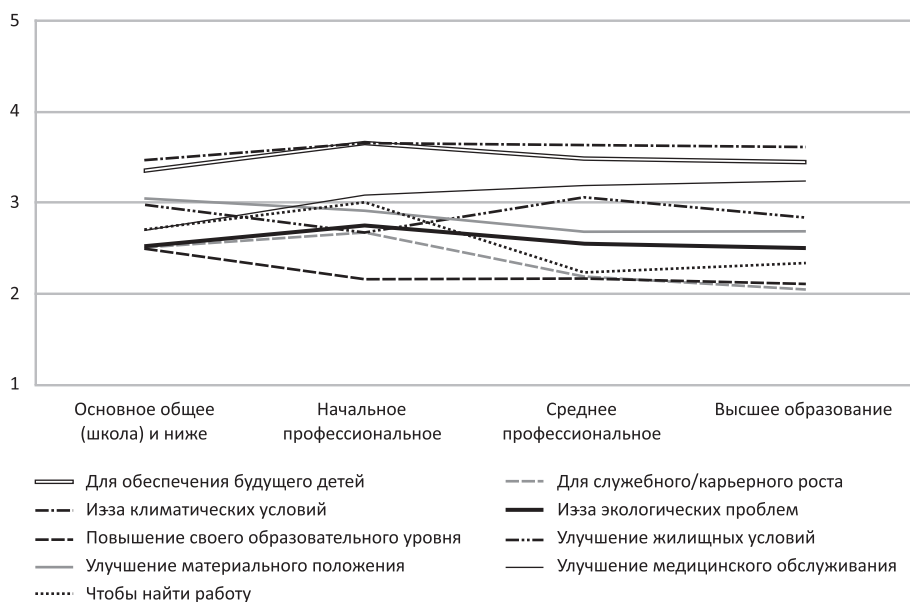

Рис. 4. Оценки причин переехать из региона проживания в разрезе возрастных групп /
Fig. 4. Estimates of the reasons to move from the region of residence, by age groups

Для взрослой молодежи в возрасте 21–35 лет наиболее значимы мотивы обеспечения будущего детей, необходимости сменить климатические условия проживания и улучшить медицинское обслуживание. Для лиц среднего возраста (36–55 лет) наиболее значимыми причинами являются те же, что и для предыдущей возрастной группы, однако доминирует стремление сменить климатические условия, оставляя на втором месте необходимость обеспечения будущего детей. Респонденты старших возрастных групп стремятся уехать по тем же основным причинам, однако необходимость улучшения медицинского обслуживания находится уже на втором, а забота о детях – на третьем по значимости месте. Важность причин повышения образовательного уровня, служебного/карьерного роста, материального благосостояния и нахождения работы устойчиво снижается при переходе от младших к старшим возрастным группам населения арктических территорий Республики Коми.

Рассмотрение миграционных установок в разрезе образовательных и доходных групп не выявляет какой-либо выраженной специфики причин желания мигрировать (рис. 5 и 6).

Ключевыми причинами желания уехать для большинства доходных и образовательных групп остаются стремление изменить климатические условия проживания, забота о будущем детей и улучшение медицинского обслуживания.

Рассмотренная специфика миграционных установок населения арктических территорий Республики Коми позволяет сделать ряд выводов и перейти к обобщению итогов исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Миграционный отток населения арктических территорий и обусловленное им суженное воспроизводство человеческого капитала являются одними из ключевых проблем развития Российской Арктики в долгосрочной перспективе. Значимое снижение этого оттока требует комплекса масштабных мероприятий, а также осуществления связанных с ними бюджетных и коммерческих инвестиций. В то же время в текущий период развития страны, в условиях санкционного давления и угрозы социальной нестабильности, а также экономических потрясений, реализовать новые программы комплексного переосвоения Арктики и обновления социальной инфраструктуры представляется крайне затруднительным. В связи с этим автором предлагаются аналитические основы точечного, пространственно дифференцированного воздействия на наиболее важные причины миграции населения арктических территорий Республики Коми. Факторы, оказывающие самое сильное влияние на отток населения на тех или иных территориях и требующие относительно небольших организационных и финансовых затрат для их преодоления, должны быть нивелированы в первую очередь. Они соответствуют доминирующим причинам формирования установок на миграцию в разрезе муниципальных образований, а также в разрезе целевых социальных групп.

Так, для периферийных территорий (в первую очередь Усть-Цилемского муниципального района) приоритетными мерами являются создание дополнительных ФАПов и районных больниц и формирование на их основе расширенных возможностей применения дистанционных услуг по диагностике и консультированию населения в случае отсутствия профильных специалистов. Для ГО Усинск необходимы дополнительные инвестиции в обновление и капитальный ремонт жилья. С учетом общей экономической перспективности данного муниципалитета и наличия в нем устойчиво работающих предприятий, а также существования проблем с жильем в других экономически перспективных городах Арктики (например, в Северодвинске) следует разработать федеральные меры по адресной поддержке программ застройки и реновации в опорных поселениях, имеющих приоритетное экономическое значение. Для всех арктических территорий Республики Коми актуально расширение перечня оказываемых медицинских услуг в местных учреждениях здравоохранения, однако данная мера сталкивается с противоречиями, обусловленными малочисленностью населения. В частности, врачам узких специальностей для поддержания квалификации необходима постоянная врачебная нагрузка, в то время как при работе на периферийных территориях она носит спорадический характер.

Общей для управления всеми арктическими территориями рекомендацией является создание фонда резервного софинансирования арктических проектов резидентов АЗРФ, призванного компенсировать рост издержек

инвесторов, обусловленный санкциями и экономической нестабильностью. Это повысит выживаемость таких проектов, что, в свою очередь, приведет к созданию дополнительных рабочих мест и повышению налоговых поступлений в местные и региональные бюджеты. В совокупности указанные меры позволят сформировать более благоприятные перспективы развития арктических территорий, а это повысит уверенность людей не только в своем будущем, но и в будущем своих детей на территориях проживания и сдержит дальнейший миграционный отток населения, имеющий воспроизводящийся характер.

Перспективой исследований является определение пространственной дифференциации причин миграции в других регионах АЗРФ и дальнейшее фактологическое и аналитическое наполнение научных основ управления арктическим макрорегионом. В том числе углубленный анализ актуальных нормативно-правовых основ регулирования в приоритетных для устойчивого развития человеческого капитала сферах общественного воспроизводства арктических территорий Республики Коми, сопоставление выявленных «узких» мест в воспроизводстве человеческого капитала с экономическими и материально-техническими возможностями их нивелирования.

Список источников

Блинова М. С. Современные социологические теории миграции населения. М.: КДУ, 2009. 160 с.

Волков А. Д., Симакова А. В. Арктический моногород: восприятие населением своего будущего в перспективах его развития // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 4. С. 851–881. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.121.030.202204.851-881>.

Волков А. Д., Симакова А. В., Тишков С. В. Пространственная дифференциация факторов миграции населения арктического региона (на примере Карельской Арктики) // Регион: экономика и социология. 2022. № 3. С. 155–186. <https://doi.org/10.15372/REG20220307>.

Волков А. Д., Тишков С. В., Каргинова-Губинова В. В. и др. Экологическое благополучие арктических территорий: соотношение официальных данных и оценок населения (на примере Республики Коми и Архангельской области) // Регион: экономика и социология. 2023. № 2. С. 264–301. <https://doi.org/10.15372/REG20230211>.

Дружинин П. В. Особенности расселения населения в РФ и Финляндии: влияние географических факторов и университетов // Регион: экономика и социология. 2020. № 3. С. 165–189. <https://doi.org/10.15372/REG20200307>.

Иванова М. В., Ключкина Э. С. Современные предпосылки будущего арктических трудовых ресурсов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 180–198. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.08>.

Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Межрегиональная миграция молодежи в России и выстраивание жизненных стратегий // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 4. С. 162–180. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-52-4-7>.

Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Новое обустройство Арктики: вызов и социально-экономический ресурс будущего России // Реструктуризация экономики и инженерное образование: проблемы и перспективы развития: сб. тр. науч.-практ. конф. с междунар. участием / Отв. ред. В. А. Левенцов, О. В. Калинина, С. В. Широкова. СПб.: Санкт-Петербург. политехн. ун-т Петра Великого, 2015. С. 273–280.

Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Экономическая наука современной России. 2010. № 3. С. 7–25.

Петров Ю. В. Демографическая оценка развития населенных пунктов в азиатской части Арктической зоны Российской Федерации // Арктика: экология и экономика. 2022. Т. 12, № 3. С. 387–399. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2022-3-387-399>.

Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 199 с.

Рыбаковский Л. Л. Факторы и причины миграции населения, механизм, их взаимосвязи // Народонаселение. 2017. Т. 20, № 2. С. 51–61.

Симакова А. В. Миграционные намерения молодежи (пост)промышленных моногородов Арктической зоны России: остаться или уехать? // Социальная политика и социология. 2019. Т. 18, № 2. С. 134–144. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144>.

Скуфьина Т. П., Баранов С. В. Специфика потребления населения: след жителей Арктики в больших данных Сбербанка // Проблемы развития территории. 2020. № 6. С. 21–34. <https://doi.org/10.15838/ptd.2020.6.110.2>.

Скуфьина Т. П., Баранов С. В., Самарина В. П. Анализ документов прогнозирования социально-экономического развития российской Арктики // Арктика и Север. 2022. № 48. С. 57–74. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.48.57>.

Соколова Ф. Х. Миграционные процессы в Российской Арктике // Арктика и Север. 2016. № 25. С. 158–172.

Степуть И. С., Симакова А. В., Гуртов В. А. и др. Миграционные потоки выпускников школ и вузов в регионах Российской Арктики: объемы, вектора и оценка соразмерности // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. Т. 26, № 1. С. 80–94. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2023.79.005>.

Уханова А. В., Смиреникова Е. В., Воронина Л. В. Классификация факторов миграции населения Российской Арктики // Фундаментальные исследования. 2021. № 4. С. 123–129. <https://doi.org/10.17513/fr.43011>.

Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Смирнов А. В. Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 3. С. 158–174. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.11>.

Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Особенности расселения населения в Арктической зоне России // Арктика: экология и экономика. 2016. № 2. С. 40–50.

Фаузер В. В., Смирнов А. В. Миграции населения российской Арктики: модели, маршруты, результаты // Арктика: экология и экономика. 2020. № 4. С. 4–18. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-4-4-18>.

Фаузер В. В., Смирнов А. В., Фаузер Г. Н. Демографическая оценка устойчивого развития малых и средних городов российского Севера // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 2. С. 552–569. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14>.

Цветков В. А., Дудин М. Н., Юрьева А. А. Стратегическое развитие арктического региона в условиях больших вызовов и угроз // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 3. С. 681–695. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-1>.

Шеломенцев А. Г., Воронина Л. В., Смиреникова Е. В. и др. Факторы миграции в арктической зоне Российской Федерации // Ars Administrandi (Искусство управления). 2018. Т. 10, № 3. С. 396–418. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-3-396-418>.

Bjerke L., Mellander C. Moving home again? Never! The locational choices of graduates in Sweden // The Annals of Regional Science. 2017. № 59. P. 707–729. <https://doi.org/10.1007/s00168-016-0777-2>.

Bogdanova E., Filant K., Sukhova E. et al. The impact of environmental and anthropogenic factors on the migration of the rural Arctic population of Western Siberia // Sustainability. 2022. Vol. 14, № 12. Art. № 7436. <https://doi.org/10.3390/su14127436>.

Chakraborty I., Maity P. COVID-19 outbreak: Migration, effects on society, global environment and prevention // Science of the Total Environment. 2020. Vol. 728. Art. № 138882. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.138882>.

Chanysheva A., Kopp P., Romasheva N. et al. Migration Attractiveness as a factor in the development of the Russian Arctic mineral resource potential // Resources. 2021. Vol. 10, № 6. Art. № 65. <https://doi.org/10.3390/resources10060065>.

Heleniak T. The future of the Arctic populations // Polar Geography. 2021. Vol. 44, № 2. P. 136–152. <https://doi.org/10.1080/1088937X.2019.1707316>.

Krasnoshtanova N. Sustainability of local communities in a new oil and gas region: The case of Eastern Siberia // Sustainability. 2023. Vol. 15, № 12. Art. № 9293. <https://doi.org/10.3390/su15129293>.

Kumo K., Litvinenko T. Post-Soviet population dynamics in the Russian Extreme North: A case of Chukotka // Polar Science. 2019. Vol. 21. P. 58–67. <https://doi.org/10.1016/j.polar.2018.11.002>.

Lee E. S. A theory of migration // Demography. 1966. № 3. P. 47–57.

Määttä K., Uusiautti S. Arctic education in the future // Human migration in the Arctic: The past, present, and future / Ed. by S. Uusiautti, N. Yeasmin. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. P. 213–238. https://doi.org/10.1007/978-981-13-6561-4_9.

Schmidt J., Aanesen M., Klovov K. B. et al. Demographic and economic disparities among Arctic regions // Polar Geography. 2015. Vol. 38, № 4 P. 251–270. <https://doi.org/10.1080/1088937X.2015.1065926>.

Zamyatina N., Yashunsky A. Migration cycles, social capital and networks. A new way to look at Arctic mobility // New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions / Ed. by M. Laruelle. London, New York: Routledge, 2017. P. 59–84.

Информация об авторе

А. Д. Волков – кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела институционального развития регионов Института экономики – обособленного подразделения ФГБУН Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук», 185030, Россия, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50

SPIN-код (РИНЦ): 2133-8597

AuthorID (РИНЦ): 78571

Web of Science ResearcherID: AAF-8665-2020

Scopus Author ID: 57211205634

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 26.06.2023; одобрена после рецензирования 28.08.2023; принята к публикации 28.08.2023.

References

Blinova, M. S. (2009), *Sovremennye sotsiologicheskie teorii migratsii naseleniya* [Modern sociological theories of human migration], KDU, Moscow, Russia.

Volkov, A. D. and Simakova, A. V. (2022), “Arctic single-industry city: The population’s perception of their future in the prospects for its development”, *Russian Journal of Regional Studies*, vol. 30, no. 4, pp. 851–881, <https://doi.org/10.15507/2413-1407.121.030.202204.851-881>.

Volkov, A. D., Simakova, A. V. and Tishkov, S. V. (2022), “Spatial differentiation of migration factors in the Arctic region (case study of the Karelian Arctic)”, *Region: Economics and Sociology*, no. 3, pp. 155–186, <https://doi.org/10.15372/REG20220307>.

Volkov, A. D. Tishkov, S. V., Karginova-Gubinova, V. V. et al. (2023), “Environmental well-being of the arctic territories: Official data vs the public’s views (the Komi Republic and Arkhangelsk Oblast case study)”, *Region: Economics and Sociology*, no. 2, pp. 264–301, <https://doi.org/10.15372/REG20230211>.

Druzhinin, P. V. (2020), “Features of population distribution in Russia and Finland: Impact of geographical factors and universities”, *Region: Economics and Sociology*, no. 3, pp. 165–189, <https://doi.org/10.15372/REG20200307>.

Ivanova, M. V. and Klyukina, E. S. (2017), Contemporary preconditions for the future of the Arctic labor resources, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, no. 6, pp. 180–198, <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.08>.

Kartseva, M. A., Mkrtchyan, N. V. and Florinskaya, Yu. F. (2021), “Interregional migration and life strategies of the Russian youth”, *The Journal of the New Economic Association*, no. 4, pp. 162–180, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-52-4-7>.

Leksin, V. N. and Porfiriev, B. N. (2015), “New development of the Arctic area: A challenge and socioeconomic resource for Russia’s future”, in Leventsov, V. A., Kalinina, O. V. and Shirokova, S. V. (eds.), *Restrukturizatsiya ekonomiki i inzhenernoe obrazovanie: problemy i perspektivy razvitiya: sbornik trudov nauchno-prakticheskoi*

konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Economic restructuring and engineering education: Problems and development prospects: Collection of proceedings of the scientific and practical conference with international participation], Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, pp. 273–280.

Minakir, P. A. and Dem'yanenko, A. N. (2010), "Spatial economics: Evolution of approaches and methodology", *Economics of Contemporary Russia*, no. 3, pp. 7–32.

Petrov, Yu. V. (2022), "Demographic assessment of the development of settlements in the Asian part of the Arctic zone of the Russian Federation", *Arctic: Ecology and Economy*, vol. 12, no. 3, pp. 387–399, <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2022-3-387-399>.

Rybakovsky, L. L. (1987), *Migratsiya naseleniya: prognozy, faktory, politika* [Human migration: Forecasts, factors, policies], Nauka, Moscow, Russia.

Rybakovsky, L. L. (2017), "Factors and causes of migration, mechanism of their relationship", *Population*, no. 2, pp. 51–61.

Simakova, A. V. (2019), "Youth migratory intentions at (post) extractive Arctic mono-industrial cities: Live or leave?", *Social Policy and Sociology*, vol. 18, no. 2, pp. 134–144, <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2019-18-2-134-144>.

Skufina, T. P. and Baranov, S. V. (2020), "Specific of population's consumption: The trail of Arctic residents in Sberbank big data", *Problems of Territory's Development*, no. 6, pp. 21–34, <https://doi.org/10.15838/ptd.2020.6.110.2>.

Skufina, T. P., Baranov, S. V. and Samarina, V. P. (2022), "Analysis of forecasting documents for the socio-economic development of the Russian Arctic", *Arctic and North*, no. 48, pp. 57–74, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.48.57>.

Sokolova, F. H. (2016), "Migration processes in the Russian Arctic", *Arctic and North*, no. 25, pp. 158–172.

Stepus, I. S., Simakova, A. V., Gurtov, V. A. et al. (2023), "Migration flows of school and university graduates in the Russian Arctic regions: Volume, vectors, and proportionality assessment", *The North and the Market: Forming the Economic Order*, vol. 26, no. 1, pp. 80–94, <https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2023.79.005>.

Ukhanova, A. V., Smirennikova, E. V. and Voronina, L. V. (2021), "Classification of migration factors of the Russian Arctic population", *Fundamental Research*, no. 4, pp. 123–129, <https://doi.org/10.17513/fr.43011>.

Fauzer, V. V., Lytkina, T. S. and Smirnov, A. V. (2020), "Population of the world Arctic: Russian and foreign approaches to studying demographic problems and settlement of territories", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 13, no. 3, pp. 158–174, <https://doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.11>.

Fauzer, V. V., Lytkina, T. S. and Fauzer, G. N. (2016), "Features of population settlement in the Arctic zone of Russia", *Arctic: Ecology and Economy*, no. 2, pp. 40–50.

Fauzer, V. V. and Smirnov, A. V. (2020b), "Migration of the Russian Arctic population: Models, routes, results", *Arctic: Ecology and Economy*, no. 4, pp. 4–18, <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-4-4-18>.

Fauzer, V. V., Smirnov, A. V. and Fauzer, G. N. (2021), "Demographic assessment of the sustainability of small and medium-sized cities in the Russian North", *Economy of Regions*, vol. 17, no. 2, pp. 552–569, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14>.

Tsvetkov, V. A., Dudin, M. N. and Yuryeva, A. A. (2020), "Strategic development of the Arctic region in the context of great challenges and threats", *Economy of Regions*, vol. 16, no. 3, pp. 681–695, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-1>.

Shelomentsev, A. G., Voronina, L. V., Smirennikova, E. V. et al. (2018), "Migration factors in the arctic zone of the Russian Federation", *Ars Administrandi*, vol. 10, no. 3, pp. 396–418, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-3-396-418>.

Bjerke, L. and Mellander, C. (2017), "Moving home again? Never! The locational choices of graduates in Sweden", *The Annals of Regional Science*, vol. 59, pp. 707–729, <https://doi.org/10.1007/s00168-016-0777-2>.

Bogdanova, E., Filant, K., Sukhova, E. et al. (2022), "The impact of environmental and anthropogenic factors on the migration of the rural Arctic population of Western Siberia", *Sustainability*, vol. 14, no. 12, art. no. 7436, <https://doi.org/10.3390/su14127436>.

Chakraborty, I. and Maity, P. (2020), "COVID-19 outbreak: Migration, effects on society, global environment and prevention", *Science of the Total Environment*, vol. 728, art. no. 138882, <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.138882>.

Chanysheva, A., Kopp, P., Romasheva, N. et al. (2021), "Migration attractiveness as a factor in the development of the Russian Arctic mineral resource potential", *Resources*, vol. 10, no. 6, art. no. 65, <https://doi.org/10.3390/resources10060065>.

Heleniak, T. (2021), "The future of the Arctic populations", *Polar Geography*, vol. 44, no. 2, pp. 136–152, <https://doi.org/10.1080/1088937X.2019.1707316>.

Krasnoshtanova, N. (2023), "Sustainability of local communities in a new oil and gas region: The case of Eastern Siberia", *Sustainability*, vol. 15, no. 12, art. no. 9293, <https://doi.org/10.3390/su15129293>.

Kumo, K. and Litvinenko, T. (2019), "Post-Soviet population dynamics in the Russian Extreme North: A case of Chukotka", *Polar Science*, vol. 21, pp. 58–67, <https://doi.org/10.1016/j.polar.2018.11.002>.

Lee, E. S. (1966), "A theory of migration", *Demography*, no. 3, pp. 47–57.

Määttä, K. and Uusiantti, S. (2019), "Arctic education in the future", in Uusiantti, S. and Yeasmin, N. (eds.), *Human migration in the Arctic: The past, present, and future*, Palgrave Macmillan, Singapore, pp. 213–238, https://doi.org/10.1007/978-981-13-6561-4_9.

Schmidt, J., Aanesen, M., Klovov, K. B. et al. (2015), "Demographic and economic disparities among Arctic regions", *Polar Geography*, vol. 38, no. 4, pp. 251–270, <https://doi.org/10.1080/1088937X.2015.1065926>.

Zamyatina, N. and Yashunsky, A. (2017), "Migration cycles, social capital and networks", in Laruelle, M. (ed.), *A new way to look at Arctic mobility. New mobilities and social changes in Russia's Arctic regions*, Routledge, London, UK, NY, US, pp. 59–84.

Information about the author

A. D. Volkov – Candidate of Economics, Researcher at the Department of Regional Institutions Development, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 50 A. Nevsky Ave., Petrozavodsk, 185030, Russia

SPIN-code (RSCI): 2133-8597

AuthorID (RSCI): 78571

Web of Science ResearcherID: AAF-8665-2020

Scopus Author ID: 57211205634

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 26.06.2023; approved after reviewing 28.08.2023; accepted for publication 28.08.2023.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 622–651.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 4, pp. 622–651.

Научная статья

УДК 504:330.15

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-622-651>

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕФОРМА ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОЖИДАНИЙ

Юлия Юрьевна Лекторова¹✉, Андрей Юрьевич Прудников²,
Вера Павловна Колкутина³, Наталья Николаевна Слюсарь⁴

^{1,3,4} Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

² Евразийский технологический университет, Алматы, Республика Казахстан

¹ Lektorova2015@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-6869-1923>

² prudnikow@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8199-1736>

³ vera_kolkutina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1885-371X>

⁴ nnslusar@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0123-6907>

Аннотация. Введение: одним из актуальных направлений изучения экологической политики и реформ в сфере оборота твердых коммунальных отходов (ТКО) на национальном и локальном уровнях является анализ общественных ожиданий и прогнозируемое на его основе управление полученными данными. **Цель:** выявление общественных настроений и ожиданий населения, испытывающего интенсивное негативное воздействие в результате соседства с объектами размещения и утилизации отходов. **Методы:** социологический (анкетный) опрос и мониторинг средств массовой информации на базе системы медиаметрии «Медиалогия». **Результаты:** респонденты, проживающие рядом с объектами захоронения отходов, проявляют высокий уровень тревожности относительно экологического благополучия своего места жительства. Тем не менее большинство участников опроса не расценивает вероятность перспективы расширения полигонов как высокую: среди наиболее опасных источников экологического неблагополучия в первую очередь они отмечают не мусорные полигоны, а выбросы промышленных предприятий, а также несанкционированные свалки и выбросы от автотранспорта. 65 % респондентов видят в «мусорной» реформе угрозу личному экономическому благополучию и оценивают реформу через призму тарифов по обслуживанию коммунального сектора, но не через призму экологической пользы и целесообразности. Выявленное противоречие между фактическими целями реформы и ее отражением в социальной сфере возможно скорректировать «предупредительным» подходом в обращении с общественным мнением. **Выводы:** государственная политика по рекультивации полигонов работает, скорее, как реактивная и упреждающая потенциальную напряженность в районах проживания рядом с объектами такого рода. Респонденты потенциально готовы принимать меры в случае ухудшения ситуации, включая жалобы в уполномоченные органы, но при этом не осведомлены, какие именно организации несут ответственность за состояние полигонов. Значительная часть опрошенных низко оценивает качество «мусорной» реформы, проведенной в том числе под влиянием ряда нашумевших экологических протестных акций. Одновременно меньше всего люди готовы взяться за эффективное решение вопроса самостоятельно.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: система управления отходами, экологическое поведение, экологический активизм, экологические конфликты, экологический медиадискурс, устойчивое развитие, экосоциальный менеджмент

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта № FSNM-2020-0024.

Для цитирования: Лекторова Ю. Ю., Прудников А. Ю., Колкутина В. П., Слюсарь Н. Н. Государственная реформа обращения с отходами производства и потребления в контексте общественных ожиданий // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 622–651. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-622-651>.

Original article

GOVERNMENT REFORM OF PRODUCTION AND CONSUMPTION WASTE MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF PUBLIC EXPECTATIONS

Julia Iu. Lektorova¹✉, Andrei Iu. Prudnikov², Vera P. Kolkutina³, Natalia N. Sliusar⁴

^{1,3,4} Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

² Eurasian Technological University, Almaty, Republic of Kazakhstan

¹ Lektorova2015@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-6869-1923>

² prudnikow@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8199-1736>

³ vera_kolkutina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1885-371X>

⁴ nnslusar@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0123-6907>

Abstract. Introduction: one of the topical directions of the study of environmental policy and reforms in the sphere of municipal solid waste (MSW) turnover at national and local levels is the analysis of public expectations and the expected management of the resulting data. **Objectives:** to identify the sentiments and expectations of the population experiencing intense negative impact as a result of proximity to waste layout and disposal facilities. **Methods:** sociological (questionnaire) survey and mass media monitoring based on “Medialogy” system. **Results:** respondents living near landfills show a high level of anxiety about environmental well-being of their place of residence. Nevertheless, most respondents do not consider the prospect of landfills expansion to be high: of all the most dangerous sources of environmental distress, rather than landfills, they are most focused on industrial emissions, unauthorized garbage dumps and emissions from motor vehicles. The majority of respondents (65%) see the “garbage” reform as a threat to personal economic well-being and assess the reform in terms of utility tariffs, but not in terms of benefits and feasibility. The revealed contradiction between the actual goals of the reform and its impact in social sphere can be adjusted using the «preventive» approach in treatment of public opinion. **Conclusions:** government policy on landfills remediation is rather reactive and pre-emptive to potential tensions in residential areas neighboring such sites. Respondents are potentially willing to take action in the event of a deteriorating situation, including complaints to authorized bodies, but are not aware of organizations responsible for landfill maintenance. The “garbage” reform pushed by a number of well-known environmental protest actions, is valued at a low rate by a significant part of respondents. At the same time, people are least prepared to tackle the issue effectively on their own, resorting to radical changes in their lives to reduce environmental damage.

Keywords: waste management system, ecological behavior, environmental activism, environmental conflicts, environmental media enterprises, sustainable development, eco-social management

Acknowledgements: the study was carried out with the financial support from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the FSNM-2020-0024 project.

For citation: Lektorova, Ju. Ju., Prudnikov, A. Ju., Kolkutina, V. P. and Sliusar, N. N. (2023), "Government reform of production and consumption waste management in the context of public expectations", *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 4, pp. 622–651, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-622-651>.

ВВЕДЕНИЕ

Во времена СССР система сбора отходов была ориентирована, с одной стороны, на их вывоз за пределы города и захоронение на свалках и полигонах, а с другой стороны, на внедрение отдельных общественных экологических практик (например, сбор школьниками вторичного сырья: стекла, металлического лома и бумажной макулатуры)¹. Последующая модернизация экономики в логике рыночных механизмов, стремительное развитие сферы услуг, увеличение оборота пластиковой одноразовой тары начиная с 1990-х годов актуализировали вопросы изменения природоохранного и природоресурсного законодательства в целом и механизмов обращения с отходами в частности.

Реформирование отрасли обращения с отходами производства и потребления началось в 2010-х годах с разработки комплекса мер по изменению самой системы обращения с отходами. Наступлением активной фазы государственной экологической дискуссии можно считать поручение президента страны, в котором главам регионов предписывалось подготовить долгосрочные инвестиционные программы обращения с твердыми коммунальными и промышленными отходами².

Утвержденные в 2012 году Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года³ диагностировали «высокий уровень антропогенного воздействия на природную среду» как общее состояние экологической ситуации в стране. В указе Президента Российской Федерации утверждалось, что «в 40 субъектах РФ более 54 % городского населения находится под воздействием высокого и очень высокого загрязнения

¹ «Мусорная» история. Как на Руси и в период СССР обращались с отходами [Электронный ресурс] // Лента.ру. 2020. 7 авг. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/08/07/musor/> (дата обращения: 09.01.2023).

² Об исполнении поручения Президента о подготовке долгосрочных целевых инвестиционных программ обращения с твердыми бытовыми и промышленными отходами [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 2011. 25 апр. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/execution/11694> (дата обращения: 09.01.2023).

³ Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: утв. Президентом Российской Федерации 30.04.2012. URL: <https://base.garant.ru/70169264/> (дата обращения: 09.01.2023).

атмосферного воздуха». Соответственно, в целях соблюдения «права каждого человека на благоприятную экологическую среду» были определены механизмы обеспечения экологической безопасности, в том числе безопасного обращения с отходами. На уровне государственной политики были сформулированы принципы безопасного обращения с отходами, среди которых раздельный сбор отходов, поэтапное введение запрета на захоронение отходов, не прошедших сортировку, социально-экологическая ответственность производственных компаний и экологическое восстановление территорий после завершения эксплуатации полигонов.

В 2013 году на совещании по вопросу стимулирования переработки отходов⁴ руководство страны заявило о необходимости создания системы регулирования сбора и утилизации отходов, формирования рыночных инструментов эффективного обращения с отходами. В этом же году приказом Минприроды России была разработана комплексная Стратегия обращения с твердыми коммунальными (бытовыми) отходами в Российской Федерации⁵. Основная проблема обращения с отходами была сформулирована следующим образом: «В хозяйственный оборот вовлекается только около 7–8 % собираемых ТКО, остальной их объем направляется на захоронение; низкий процент утилизации (использования) ТКО связан с недостаточным развитием инфраструктуры: в настоящее время в России функционирует 243 комплекса по утилизации (использованию) отходов, 53 комплекса по сортировке отходов, около 40 мусоросжигающих заводов».

Основное содержание реформы обращения с отходами включало:

- установление новой системы обращения с отходами⁶;
- актуализацию нового порядка определения нормативов накопления ТКО с учетом сезонности⁷;
- разработку алгоритмов создания территориальных схем обращения с отходами⁸;
- подготовку форм типового договора на оказание услуг по обращению с ТКО для заключения с региональным оператором⁹;

⁴ *Совещание по вопросу стимулирования переработки отходов* [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Президента Рос. Федерации. 2013. 10 апр. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17869> (дата обращения: 07.01.2023).

⁵ *Об утверждении комплексной стратегии обращения с твердыми коммунальными (бытовыми) отходами в РФ* [Электронный ресурс]: Приказ М-ва природ. ресурсов и экологии Рос. Федерации от 14.08.2013 № 298. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70345114/> (дата обращения: 01.01.2023).

⁶ *О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации* [Электронный ресурс]: Федер. закон от 29.12.2014 № 458-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/70831116/> (дата обращения: 31.12.2022).

⁷ *Об определении нормативов накопления твердых коммунальных отходов* [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 04.04.2016 № 269. URL: <https://base.garant.ru/71368740/> (дата обращения: 02.01.2023).

⁸ *Об обращении с твердыми коммунальными отходами и внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2008 г. № 641* [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 12.11.2016 № 1156. URL: <https://base.garant.ru/71540160/> (дата обращения: 31.12.2022).

⁹ Там же.

- принятие правил коммерческого учета объема и (или) массы ТКО¹⁰;
- решение вопросов ценообразования в области обращения с отходами¹¹;
- принятие инвестиционных производственных программ в области обращения с отходами¹²,
- установление процедур конкурсного отбора региональных операторов по обращению с ТКО¹³.

В 2016 году экологические вопросы вошли в повестку форума Общероссийского народного фронта. По оценке главы государства, «это очень важная тема, которая беспокоит огромное количество граждан. Это не менее важно, чем борьба за сохранение лесов и городские парки»¹⁴. В том же году с похожей формулировкой «Экологическое развитие Российской Федерации в интересах будущих поколений» прошло заседание Государственного совета Российской Федерации, на котором обсуждались промежуточные результаты введения новой системы обращения с отходами и перспективы вторичной переработки мусора.

В период с 2017 по 2019 год в регионах началось активное внедрение обновленного комплекса мер по обращению с отходами. Правовым основанием реализации новой системы оставался Федеральный закон «Об отходах производства и потребления»¹⁵, принятый еще в 1998 году. В соответствии с ним и внесенными в него поправками определялся правовой статус основных терминов: «отходы потребления и производства», «обращение с отходами», «хранение отходов», «захоронение отходов», «утилизация отходов», «обезвреживание отходов».

В 2018 году Президентом Российской Федерации был подписан Указ¹⁶, направленный на разработку национальных проектов для развития и модер-

¹⁰ *Об утверждении Правил коммерческого учета объема и (или) массы твердых коммунальных отходов* [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 03.06.2016 № 505. URL: <https://base.garant.ru/71416736/> (дата обращения: 31.12.2022).

¹¹ *О ценообразовании в области обращения с твердыми коммунальными отходами* [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 30.05.2016 № 484. URL: <https://base.garant.ru/71412744/> (дата обращения: 31.12.2022).

¹² *Об утверждении порядка разработки, утверждения и корректировки инвестиционных и производственных программ в области обращения с твердыми коммунальными отходами, в том числе порядка определения плановых и фактических значений показателей эффективности объектов обработки, обезвреживания, захоронения твердых коммунальных отходов, а также осуществления контроля за реализацией инвестиционных и производственных программ* [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 16.05.2016 № 424. URL: <https://base.garant.ru/71401174/> (дата обращения: 04.01.2023).

¹³ *О проведении уполномоченными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации конкурсного отбора региональных операторов по обращению с твердыми коммунальными отходами* [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 05.09.2016 № 881. URL: <https://base.garant.ru/71483832/> (дата обращения: 03.01.2023).

¹⁴ *Путин: Проблема утилизации мусора является важнейшей – это волнует большинство наших граждан* [Электронный ресурс] // Официальный сайт Общероссийского народного фронта. 2016. 22 ноября. URL: <https://onf.ru/2016/11/22/putin-problema-utilizacii-musora-yavlyaetsya-vazhneyshey-eto-volnuet-bolshinstvo-nashih> (дата обращения: 20.12.2022).

¹⁵ *Об отходах производства и потребления* [Электронный ресурс]: Федер. закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12112084/> (дата обращения: 31.12.2022).

¹⁶ *О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года* [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 07.05.2018 № 204. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (дата обращения: 05.01.2023).

низации страны. Решение актуальных экологических вызовов и проблем было выделено в самостоятельный проект «Экология», ставший частью масштабного пакета проектов «Комфортная среда для жизни».

Принятый национальный проект «Экология» включает три самостоятельных федеральных проекта:

1) «Чистая страна». Цели: а) ликвидация наиболее опасных объектов накопления вреда окружающей среде; б) ликвидация несанкционированных свалок;

2) «Комплексная система обращения с ТКО». Цели: а) снижение экологической нагрузки на население за счет сокращения захоронений ТКО, в том числе прошедших обработку (сортировку); б) создание комплексной системы обращения с ТКО;

3) «Инфраструктура для обращения с отходами I–II классов опасности». Цель: создание современной инфраструктуры для безопасного обращения с отходами I–II классов опасности.

В паспорте национального проекта говорится о задачах к 2024 году достичь 100 % сортировки отходов и сократить в два раза объем отходов, направляемых на полигоны¹⁷. Дополнительно были запланированы следующие показатели: ликвидация 191 несанкционированной свалки и 88 наиболее опасных объектов накопленного вреда окружающей среде, создание 7 производственно-технических комплексов по обработке отходов I–II классов опасности и обезвреживание 65 % данного вида отходов в общем объеме отходов данного класса опасности, переданных региональному оператору.

Де-юре реформа обращения с отходами регламентируется пакетом федеральных законов и указов Президента Российской Федерации, национальными проектами, а также территориальными схемами, принимаемыми на региональном уровне, в которых детально прописан алгоритм обращения с ТКО. Де-факто основным способом обращения с отходами в большей степени остается вывоз на полигоны, в меньшей степени – на комплексные мусороперерабатывающие и мусоросжигающие заводы. Рынок переработки отходов находится в стадии становления. Основными препятствиями остаются отсутствие в стране повсеместной, на уровне отдельного домохозяйства, практики раздельного сбора мусора, пригодного для вторичного использования, технологическая зависимость от иностранных комплектующих для перерабатывающих комплексов и большой срок окупаемости затрат на строительство объектов индустрии переработки.

Несмотря на детальную проработку законодательной базы реформы, территории, расположенные по соседству с действующими полигонами, потенциально остаются очагами социального напряжения. По сообщению Счетной палаты Российской Федерации, за 2019 год в стране «было образовано 65 млн тонн ТКО (это около 450 килограммов на человека), при этом более 90 % отходов отправляются на полигоны и свалки, в отличие от остального мира»¹⁸.

¹⁷ Паспорт национального проекта «Экология» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минприроды России. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/pr_ecology/passport_ecology.pdf (дата обращения: 05.01.2023).

¹⁸ Счетная палата оценила результаты мусорной реформы [Электронный ресурс] // Лента.ру. 2020. 29 сент. URL: <https://lenta.ru/news/2020/09/29/sp/> (дата обращения: 09.01.2023).

На основании приведенных данных в ведомстве ситуацию с размещением отходов оценили как критическую и неблагополучную.

По оценкам экспертов, ежегодно на полигоны Подмосковья вывозится 12 млн тонн твердых коммунальных отходов (ТКО)¹⁹, а общая площадь свалок и полигонов составляет 608 га, включая 114 га, которые занимает полигон «Тимохово», «одна из самых больших свалок в мире и самая большая из действующих в Европе»²⁰. Портал «Российская общественная инициатива»²¹ фиксирует многократные протесты населения жилых зон Московской области, расположенных вблизи полигонов захоронения отходов. Так, жители Балашихи в 2017 году в прямом эфире обратились к Президенту Российской Федерации с жалобами в адрес полигона «Кучино»²². После обращения общественности полигон закрыли и начались работы по дегазации. Однако, несмотря на закрытие свалки, жители продолжали чувствовать неприятный запах сероводорода²³. В зависимости от скорости и направления ветра этот запах распространялся в радиусе до 15 км, доходя до Реутова, Железнодорожного, Некрасовки и западных районов Москвы²⁴. В 2018 году в Волоколамске начались протесты местных жителей против свалки, вызванные выбросом свалочного газа на полигоне «Ядрово».

Цель данного исследования – выявить общественное отношение к проблеме территориальной близости проживания с полигонами захоронения отходов. Для достижения цели выполнены следующие задачи: 1) проанализирована нормативно-правовая база реформы обращения с ТКО; 2) выполнен обзор литературы по теме исследования; 3) изучены кейсы социального напряжения в локациях, граничащих с полигонами; 4) проведен социологический опрос среди жителей территорий, расположенных вблизи полигонов; 5) выполнен мониторинг СМИ по запросу «полигоны ТКО»; 6) обобщены результаты исследования, которые могут быть использованы для решения вопросов дальнейшего управления отходами как на региональном, так и на федеральном уровне.

¹⁹ 11 проблемных свалок, куда везут столичный мусор [Электронный ресурс] // Коммуникац. проект «Плюс один». 2022. 18 авг. URL: <https://plus-one.ru/ecology/2022/08/18/11-problemnyh-svalok-kuda-vezut-stolichnyy-musor> (дата обращения: 10.01.2023).

²⁰ Масштаб загрязнений: как росли подмосковные свалки. Спецпроект РБК [Электронный ресурс] // РБК. 2019. 13 мая. URL: <https://www.rbc.ru/society/13/05/2019/5ca1d0229a7947593d373650> (дата обращения: 10.01.2023).

²¹ Отказ от мусорных свалок и полигонов [Электронный ресурс] // Портал «Российская общественная инициатива». 2022. URL: <https://www.roi.ru/80855/> (дата обращения: 09.01.2023).

²² Губернатор Подмосковья отправился на свалку после прямой линии с президентом [Электронный ресурс] // НТВ. 2017. 15 июня. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1820641/> (дата обращения: 09.01.2023).

²³ Президентский объект. Как рекультивируют полигон «Кучино»: опыт для сибирских городов [Электронный ресурс] // Тайга-Инфо. 2019. 9 окт. URL: <https://tayga.info/149295> (дата обращения: 11.01.2023).

²⁴ Рекультивация полигона Кучино: уйдет ли вонь? [Электронный ресурс] // Портал строящейся недвижимости «Новострой». 2020. 17 февр. URL: <https://www.novostroy.ru/articles/large-projects/rekultivatsiya-poligona-kuchino-uydet-li-von/> (дата обращения: 11.01.2023).

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретической и методологической базой для настоящей статьи послужили отечественные и зарубежные фундаментальные и прикладные исследования, затрагивающие проблематику обеспечения устойчивости экологического благополучия в сфере обращения с ТКО на разных циклах менеджмента в данной сфере. Поскольку вопросы сбора и переработки отходов включают широкий круг акторов, целесообразно подразделять работы по данному критерию. В этой связи можно выделить исследования, сосредоточенные, во-первых, на роли государственных и муниципальных органов в процессе формирования и реализации политики в сфере обращения с ТКО и, во-вторых, на роли граждан, в немалой степени являющихся «производителями» мусора, и, наконец, на проблематике взаимодействия (в том числе конфликтного характера) власти и общества в свете необходимости поддержания экологического благополучия в регионах, испытывающих острые проблемы в данной сфере.

К первой группе относятся работы, посвященные государственной и локальной экологической политике в сфере размещения и утилизации ТКО и других отходов в России (Порошин, 2020; Потапова и др., 2019; Семернин и Акимова, 2020) и за рубежом (Ananna et al., 2022; Anggarda et al., 2021; Chin et al., 2022; Du et al., 2023; Du, 2022; Edi et al., 2022; Illiash and Smoliar, 2022; Kumar and Bhati, 2022; Muzakki and Mursyidah, 2022; Ridho et al., 2023; Shahsavari et al., 2022; Tan et al., 2021; Williams et al., 2023; Xu et al., 2023). Перечисленные исследования последних лет охватывают прежде всего такие географические регионы, как Юго-Восточная Азия (Индонезия, Малайзия), Глобальный Юг (Бангладеш, Индия, страны Африки) и постсоветское пространство (Россия, Украина). Во всех работах внимание авторов фокусируется на проблемах реформирования и совершенствования государственного и муниципального менеджмента в сфере хранения и утилизации ТКО при постулировании в качестве императивной цели максимальную степень переработки мусора для стабилизации экологического благополучия отдельных густонаселенных регионов и стран.

Вторая группа исследований, представляющих интерес в рамках настоящей статьи, – научные публикации, освещающие вопросы экологического сознания различных групп социума и их поведения (Ермолаева и Ермолаева, 2019; Зайцева, 2020; Крешталь, 2022) экологического активизма (Бубнов и Козлов, 2021; Ермолаева и др., 2020; Каминская и др., 2019; Цепилова, 2020).

Третья группа исследований касается проблематики экологических конфликтов и связанной с ними протестной активности в российском (Алымова и Рогова, 2021; Богданова и др., 2017; Ежов, 2019; Косов и др., 2019; Фролов и Миронова, 2019; Шаматонова и Майоров, 2019) и зарубежном (Andersson and Westholm, 2019; Bavadekar, 2022; Barak, 2023; Beck, 2023; Dhiaulhaq, 2019; Eskjær and Horsbøl, 2023; Feeney, 2023; González-Hidalgo and Zografos, 2019; Grishin et al., 2021; Hernández, 2023; Liu and Zhang, 2022; Sivaramanan, 2022; Suša, 2018; Thiri, 2022) контексте. К этой же группе следует отнести также работы, сфокусированные на общественном восприятии процессов строительства и содержания мусорных полигонов в России (Гольбрайх, 2020; Михайлов, 2021; Никитина, 2019; Собянина, 2022; Стешенко, 2018; Чмель

и др., 2020), наряду с исследованиями, сосредоточенными на специфике медиатизации конфликтных ситуаций в данной сфере (Бешкарев, 2020; Гольбрайх, 2021; Климова и др., 2021; Расторгуев и Тянь, 2021). Последняя подгруппа исследований представляет особый интерес ввиду того, что они в значительной степени нацелены на выяснение общественного отношения к результатам мусорной реформы в России в свете ряда острых конфликтов между властями регионального и муниципального уровней и населением на фоне обострения проблем, связанных с необходимостью обеспечения экологического благополучия граждан.

Среди методов исследования были задействованы анкетный опрос (заочный опрос – анкета на самозаполнение с помощью «Google Форм») и социологический опрос в таргетированной рекламе. В соответствии с методикой исследования респондентам предлагалось ответить на вопросы, связанные с их отношением к условиям проживания рядом с полигонами захоронения отходов, оценкой деятельности органов власти, ответственных за рекультивацию полигонов, оценкой природных и социальных рисков для территорий, расположенных рядом с полигонами, и видением способов решения данной проблемы.

Для обоснования выборки использовался квотный отбор (выборка с предварительно заданными значениями: жители разных территорий). Среди видов выборки применялись разовая, одноступенчатая (квотный отбор из генеральной совокупности). Совокупная выборка составила 174 респондента, все они – жители российских городов. Возрастной портрет респондентов: больше половины опрошиваемых – это активная взрослая категория российских граждан в возрасте 25–44 года (48 % респондентов) и 44–59 лет (21 %). Молодежная аудитория представлена двумя возрастными группами: граждане до 18 лет (12 % респондентов) и 19–24 лет (13 %). Самой малочисленной группой респондентов оказались лица старше 60 лет (6 %). Гендерный состав респондентов: в опросе с большей активностью участие принимали женщины (65 %), нежели мужчины (35 %).

Социологический опрос проводился в разных городах Российской Федерации. Непременным условием выбора территории для проведения анкетирования являлась территориальная близость с полигоном захоронения отходов. Для репрезентативности результатов исследования были опрошены респонденты со сходными проблемами, проживающие в городе Москве, в Московской области, городах Челябинске и Нижнем Новгороде.

В качестве приоритетных в рамках социологического исследования были выделены конкретные зоны экологической проблемы (полигоны захоронения отходов): Рузский городской округ – полигон ТБО «Аннино»²⁵, городской округ Балашиха – полигон ТБО «Кучино», Волоколамский городской округ – полигон ТБО «Ядрово», город Дзержинск Нижегородской области – полигон ТБО «Игумновский», городская свалка в Челябинске²⁶.

²⁵ Полигон «Аннино» в Подмоскovie рекультивировали [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2020. 24 июля. URL: <https://ria.ru/20200724/1574877432.html> (дата обращения: 06.12.2021).

²⁶ Помните, как челябинскую свалку обещали превратить в зеленый холм. Посмотрите с высоты – уже все почти готово [Электронный ресурс] // Портал 74.ru. 2021. 15 июля. URL: <https://74.ru/text/ecology/2021/07/15/70024196/> (дата обращения: 06.12.2021).

В соответствии с выбранными полигонами были определены локации для проведения социологического исследования:

1) территории, соседствующие с полигонами ТБО «Аннино», «Кучино», «Ядрово»: Руза, Балашиха, Волоколамск, Звенигород, Истра, Клин, Кучино, Реутов, Люберцы;

2) территория, соседствующая с полигоном ТБО «Игумновский»: Нижний Новгород;

3) территория городской свалки: Челябинск.

Территориальный портрет респондентов представляет собой пропорциональное распределение участников опроса по выбранным локациям: Московская область (41 % респондентов), Нижний Новгород (27 %) и Челябинск (32 %).

Временной интервал социологического опроса: 20 октября – 5 декабря 2021 года.

Изучение проблемы территориальной близости проживания населения с полигонами захоронения ТБО позволило сформулировать следующие гипотезы исследования, отражающие степень общественной реакции на проблему, от радикально негативной до одобрительно активной:

1. Проживание на территориях, расположенных рядом с полигонами захоронения отходов, это прямая угроза жизни и здоровью населения. Единственным выходом для населения становится переезд на новую территорию.

2. Государственная политика рекультивации полигонов работает с переменным успехом, частично сохраняются экологические проблемы. Жители городов выражают озабоченность экологической обстановкой и готовы принять участие в мероприятиях, направленных на сокращение объемов образования и захоронения ТКО.

3. Жизни и здоровью населения прямой угрозы нет. Вопрос рекультивации полигонов находится на контроле муниципальных и государственных органов власти. Жители оценивают ситуацию как удовлетворительную.

4. Курс на рекультивацию полигонов ТБО представляет собой дополнительные возможности для развития близлежащей территории и новые рабочие места для жителей.

Дополнительно контекст общественных ожиданий изучается с помощью мониторинга средств массовой информации. Цель использования данного метода – определить частотность и тональность упоминаемости темы рекультивации полигонов захоронения отходов в СМИ. Мониторинг осуществлялся с помощью специализированной аналитической системы медиаметрии «Медиаалогия». Для отслеживания запрашивались следующие лексические единицы: «мусорные полигоны», «полигоны ТБО», «рекультивация полигонов». Категории анализируемых СМИ: газеты, журналы, Интернет, информагентства, радио, телевидение. Временной период: 4 сентября 2017 года – 5 октября 2021 года. Общее количество проанализированных сообщений – 215 731.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

По данным опроса, респонденты, проживающие на территориях, соседствующих с активно действующими и рекультивируемыми объектами захоронения отходов, выражают озабоченность экологической ситуацией в своем городе (рис. 1). Так, 26 % опрошенных признают, что экологическая ситуация близка к «катастрофической»; еще 40 % респондентов называют обстановку неудовлетворительной, признавая множество нерешенных экологических проблем. Благополучной ситуацию считают 2 % опрошенных; 31 % респондентов оценивают ее как удовлетворительную, но признают наличие некоторых экологических вопросов.

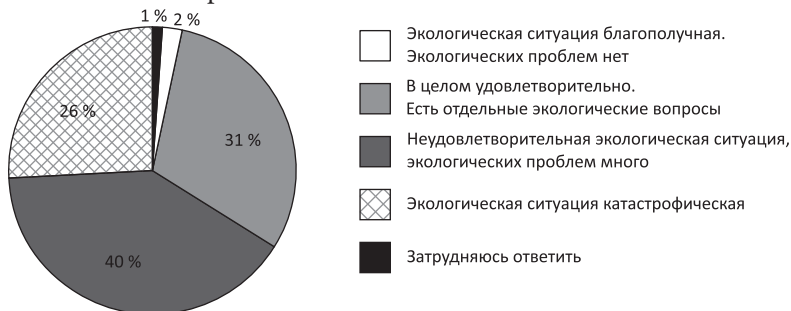

Рис. 1. Отношение респондентов к экологической ситуации /
Fig. 1. Respondents attitude to environment situation

Источник: здесь и ниже составлено авторами по результатам собственного исследования.

С точки зрения респондентов, угрозу для экологического благополучия представляют множество факторов, среди которых промышленные предприятия (26 %), несанкционированные свалки (20 %) и автомобильный транспорт (20 %).

Из-за территориальной близости к полигону захоронения отходов город оказывается в условиях экологического риска – к такому выводу пришли 70 % опрошенных. Еще 24 % начинают склоняться к этому мнению – отвечают «скорее да» (рис. 2).

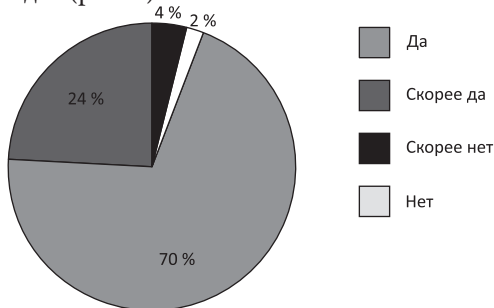

Рис. 2. Оценка экологических рисков территориальной близости проживания с полигонами захоронения отходов / Fig. 2. Ecology risks evaluation of residence in landfill neighborhood areas

При этом 89 % респондентов признают ухудшение экологической обстановки в целом в связи с территориальной близостью проживания с полигоном захоронения отходов. И только 11 % респондентов считают, что никакого вреда от подобного соседства нет.

Рейтинг негативных последствий территориальной близости с полигонами: загрязнение грунтовых и поверхностных вод (в том числе из-за фильтрации, просачивающегося с полигонов); сохраняющийся неприятный запах; появление грызунов, бродячих собак и птиц на территориях, граничащих с полигонами; распространение мусора по пути следования мусоровозов. Рост заболеваемости среди жителей, по данным респондентов, оказывается на последнем месте.

Около 70 % всех опрошенных респондентов осведомлены о территориальном местоположении ближайшего полигона захоронения отходов. Так, в непосредственной близости с полигоном проживают 11 % участников опроса. При этом, по оценке 39 % респондентов, полигон расположен вблизи соседнего населенного пункта; 22 % опрошенных придерживаются мнения, что полигон располагается где-то в муниципальном районе. Почти четверть опрошиваемых (26 %) не знают, где расположен полигон.

Важным вопросом исследования было отношение респондентов к «мусорной» реформе (рис. 3).

Рис. 3. Отношение жителей к «мусорной» реформе /
Fig. 3. Residents evaluation of "garbage" reform

Данные социологического опроса фиксируют высокий показатель осведомленности респондентов о реформе обращения с отходами производства и потребления («мусорной» реформе): только 8 % опрошиваемых ничего о реформе не слышали, оставшиеся 92 % респондентов о ней осведомлены. При анализе тональности общественного отношения к реформе наблюдается в массе негативное мнение. Лишь 3 % респондентов в качестве последствий реформы признают, что город стал чище, в то время как 27 % связывают с реформой увеличение платы за ЖКХ и еще 38 % называют реформу очередной «обдираловкой» для населения. Несмотря на высокий показатель негативного восприятия реформы, сохраняется 23 % респондентов, которые выражают надежду, что благодаря ей улучшится экологическая обстановка.

На фоне общей осведомленности о «мусорной» реформе 92 % респондентов не знают о деятельности организации, ответственной за захороне-

ние отходов на близлежащем полигоне. При этом на вопрос *«Согласны ли вы со следующим утверждением: организация, осуществляющая захоронение отходов на близлежащем полигоне, принимает достаточные и необходимые меры по поддержанию экологического благополучия»* однозначно «нет» ответили 40 % и «скорее нет» – 41 % опрошенных. Только 3 % респондентов признали, что ответственная организация принимает достаточные и необходимые меры по поддержанию экологического благополучия; еще 13 % опрошенных склоняются к положительной оценке и ответили «скорее да».

Отношение к реформе можно проследить через анализ отношения жителей российских городов к организации сбора и вывоза мусора в месте проживания (вопрос из анкеты: *«Оцените организацию сбора и вывоза отходов в вашем доме»*). Высокие оценки ставят 10 % респондентов и признают организацию сбора и вывоза мусора безупречной. При этом большая часть опрошенных фиксирует сохранение проблем: 53 % респондентов признают ситуацию удовлетворительной на фоне отдельных нерешенных проблем. По мнению 34 % респондентов, отходы по-прежнему копятя возле мусорных контейнеров.

Любая реформа может быть по-настоящему успешной при активном участии граждан и осознании ими значимости самостоятельных действий. Исходя из этого тезиса, важно было узнать, что лично готов предпринять каждый респондент, чтобы количество отходов сократилось. Среди основных видов активностей респонденты в меньшей степени готовы выполнять действия, которые требуют финансовых вложений: сделать денежный взнос в пользу экологических организаций, борющихся за сохранность природы, и купить на кухню диспозер (измельчитель органических отходов), чтобы облегчить переработку остальных неорганических отходов, согласны 11 и 15 % респондентов соответственно.

Первая группа наиболее востребованных (по числу сторонников – 56 %) действий, на которые готовы жители российских городов, включает следующие практики: убирать за собой мусор на природе, выкидывать его в городе только в урны и контейнеры, а также не мусорить на улице и своих детей научить тому же.

Вторая группа действий (уступает первой группе по числу сторонников – 32 %) включает: а) готовность убирать мусор, оставленный другими, в лесах и парках во время прогулок и занятий спортом; б) стремление использовать вещи как можно дольше, тем самым покупая новые как можно реже; в) желание сдавать старые бытовые приборы, батарейки, иные опасные отходы на переработку; г) готовность приучить к раздельному сбору отходов себя и членов семьи; д) отказ от покупки всего, что упаковано в пластик, и готовность использовать для покупок собственную многоразовую тару/упаковку («авоськи» и экосумки для продуктов, мешки-сетки вместо полиэтиленовых пакетов и т. п.).

В меньшей степени (12 %) российские респонденты готовы к серьезным изменениям своей жизни. Третья и самая малочисленная по количеству сторонников группа возможных действий – это практики, направленные на сокращение избыточного потребления, незапланированных покупок; постепенный

переход к образу жизни в стиле zero waste (максимально безотходный способ ведения домашнего хозяйства за счет отказа от покупки всего, что упаковано, и установки дома компостных мини-устройств, перерабатывающих органические отходы), участие в экологических волонтерских инициативах (расчистка водоемов, лесов, парков от мусора, посадка деревьев и т. п.). Последняя группа действий являет собой формат осознанного потребления и экологически ответственное поведение. По данным опроса, жители российских городов в меньшей степени готовы использовать подобные практики.

Реализация реформы – это вопрос и об разграничении степени ответственности (рис. 4).

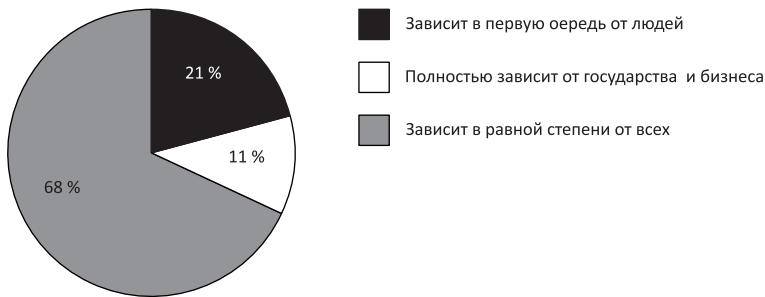

Рис. 4. Отношение респондентов к основным участникам, ответственным за сокращение отходов /Fig. 4. Respondents attitude to basic actors responsible for waste reduction

По мнению большинства респондентов (68 %), сокращение отходов зависит в равной степени как от эффективности государства, участия бизнеса в решении данной проблемы, так и от каждого человека, который хотя бы убирает за собой мусор на природе и в общественном месте. При этом 21 % опрошенных считают, что решение проблемы зависит в первую очередь от людей, ведь чисто там, где не мусорят, и лишь в остальном – от властей и бизнеса. И только 11 % полагают, что вопрос полностью зависит от государства и бизнеса, которые должны заниматься этой проблемой, не ожидая встречных действий со стороны активистов и населения.

Общественный рецепт решения проблемы огромного количества мусора в современном мире выглядит следующим образом: больше всего надежд респонденты возлагают на синтез карательных мер, самосознания граждан и оптимизации инфраструктуры. Быстрее всего решить проблему, по мнению респондентов, возможно при условии строительства перерабатывающих заводов, ужесточения ответственности за несанкционированные свалки, внедрения повсеместной практики раздельного сбора мусора и повышения экологической грамотности населения. Стимулирование граждан к участию в экопроектах, волонтерской деятельности по ликвидации несанкционированных свалок, уборке мусора в городе и в пределах природных массивов, по оценке опрошенных, оказалось самым малопродуктивным способом решения данной проблемы.

В случае расширения полигона по захоронению отходов, который находится вблизи места проживания, респонденты заявляют о следующих возможных действиях (рис. 5): 48 % выбирают жалобы в уполномоченные органы, 18 % – участие в митинге и 17 % – переезд в другой город. Отметим, что большинство выражает готовность действовать, о бездействии высказались только 17 % респондентов.

Рис. 5. Ответные действия респондентов на расширение полигона по захоронению отходов /Fig. 5. Respondents response actions to landfill expansion

В рамках социологического исследования респондентам было предложено написать, какие конкретные действия следует предпринять властям, чтобы повысить уровень экологического благополучия именно в городе их проживания. Все предложенные рекомендации можно сгруппировать по смысловым категориям: 1) искоренить коррупцию в органах власти; 2) ужесточить наказание за правонарушения в области охраны окружающей среды; 3) увеличить финансирование строительства мусороперерабатывающих заводов.

Помимо социологических замеров, общественное отношение к «мусорной» реформе реконструируется с помощью данных мониторинга СМИ, транслирующих публичную повестку по данному вопросу. Так, в медийном поле по теме «полигоны ТБО» за период с 2017 по 2021 год было создано 215 731 сообщение (текст) (рис. 6).

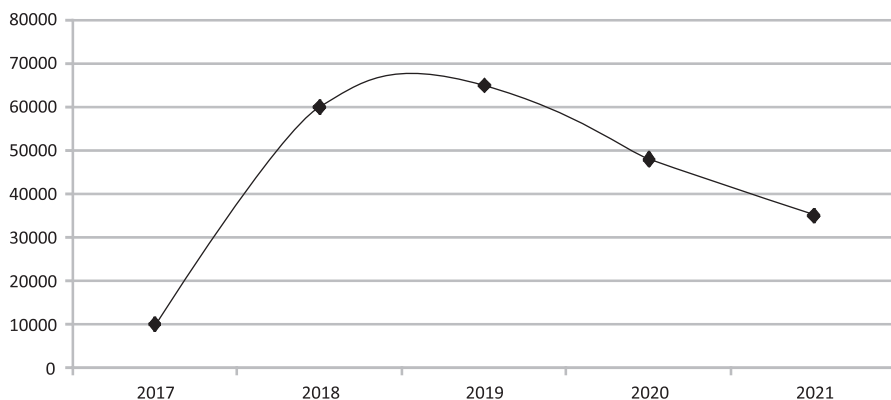

Рис. 6. Количество упоминаний темы «полигоны ТБО» в СМИ с 2017 по 2021 год / Fig. 6. Media hits for "MSW landfills", 2017–2021

Среди указанного количества сообщений 100 282 составляют оригинальные тексты, 115 449 – перепечатки (рис. 7).

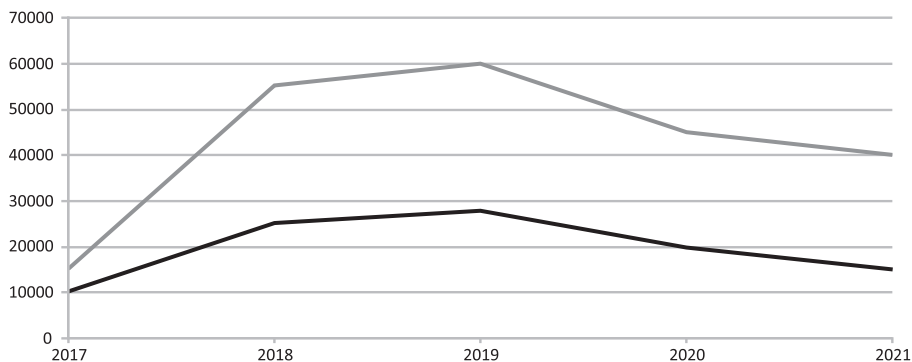

Рис. 7. Соотношение оригинальных сообщений на тему «Полигоны ТБО» и перепечаток этих сообщений в СМИ / Fig. 7. Ratio of original and re-printed press releases on “MSW landfills”

Важно отметить, что публикации на данную тему 81 раз за анализируемый период попадали в топ-5 новостей «Яндекса», что соответствует в среднем 1,3 новости о системе обращения с отходами в месяц.

Наблюдается стабильно высокое внимание СМИ к проблеме полигонов захоронения отходов: 2017 год – 12 071 сообщение; 2018-й – 57 096; 2019-й – 63 012; 2020-й – 47 561; 2021 год (до 5 октября) – 35 991 сообщение. Максимальное количество сообщений приходится на 2018–2019 годы.

Среди самых цитируемых и обсуждаемых тем мониторинг выделяет следующие: утверждение паспорта национального проекта «Экология»; протестный экоактивизм, направленный против строительства мусорного полигона вблизи железнодорожной станции Шиес в Ленском районе Архангельской области; аналогичный протест жителей Волоколамска в связи с ситуацией на полигоне «Ядрово».

Выполненный мониторинг СМИ позволяет выделить три ключевых информационных повода по количеству сообщений, охвату из открытых источников и заметности сообщений:

1. «Ядрово» вышло (1899 сообщений / 142,2 млн охват из открытых источников / заметность сообщения – 581,2): *Жители Волоколамска атаковали чиновников, требуя закрытия свалки. 21 марта днем несколько сот жителей Волоколамска вышли к Центральной районной больнице после сообщений о госпитализации школьников с признаками отравления. По данным администрации района, всего за медицинской помощью обратились 57 детей. Их родители связывали симптомы отравления с выбросом газа на мусорном полигоне «Ядрово» в нескольких километрах восточнее Волоколамска*²⁷.

2. Администрация Волоколамского района прислушается к просьбам пикетчиков по проблеме свалки (1442 сообщения / 95,2 млн охват из открытых источников / заметность сообщения – 374,98): *Местные жители требуют*

²⁷ «Ядрово» вышло [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2018. 22 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3579754> (дата обращения: 06.12.2021).

закрывать и рекультивировать мусорный полигон, а также не строить новый даже по современным технологиям. Врио главы Волоколамского района Андрей Вихарев пообещал учесть просьбы, которые озвучивали жители Волоколамского района на очередном пикете по проблеме мусорного полигона «Ядрово». Об этом он сообщил журналистам, отвечая на вопрос ТАСС²⁸.

3. Жителям Волоколамска начали выдавать маски и респираторы (1149 сообщений / 82 млн охват из открытых источников / заметность сообщения – 287,23): Жителям Волоколамска, где местные власти ввели режим повышенной готовности к ЧС, раздают индивидуальные средства защиты – респираторы и маски, первая партия уже выдана, сообщает «Интерфакс» со ссылкой на информацию регионального главка МЧС²⁹.

Все три инфоповода с максимальными показателями по количеству сообщений, охвату из открытых источников и заметности сообщений связаны с протестными действиями жителей Волоколамска, вызванными обстановкой на полигоне «Ядрово».

«Мусорная» реформа преимущественно освещалась в региональных СМИ (рис. 8). Так, 53 % всего информационного контента (114 226 сообщений) приходится на региональные СМИ; далее по частотности федеральные СМИ – 38 % контента (81 175 сообщений) и зарубежные СМИ – 9 % (20 330 сообщений).

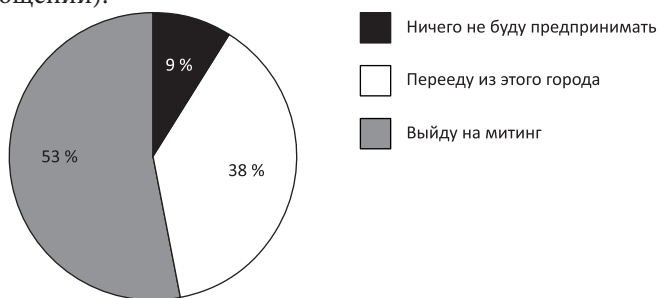

Рис. 8. Упоминания «мусорной» реформы по уровням СМИ /
Fig. 8. Mentions of “garbage” reform by media levels

Преимущественно (84 % контента) дискуссия вокруг реформы формировалась в интернет-пространстве, в незначительной степени – на страницах информагентств (9 %), газет (5 %), в телевизионных передачах (2 %) (3394 сообщения). Среди интернет-изданий более 1 тыс. сообщений за указанный временной интервал были опубликованы на таких онлайн-ресурсах, как 123ru.net, news.rambler.ru, News-Life.pro, news.myseldon.com, regnum.ru/news, MosDay.ru, podmoskovye.bezformata.com, Russia24.pro, theworldnews.net, Gorodskoyportal.ru/ekaterinburg, FromUA.News.

²⁸ Администрация Волоколамского района прислушается к просьбам пикетчиков по проблеме свалки [Электронный ресурс] // ТАСС. 2018. 24 марта. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5063140> (дата обращения: 06.12.2021).

²⁹ Жителям Волоколамского района начали выдавать маски и респираторы [Электронный ресурс] // РБК. 2018. 30 марта. URL: <https://www.rbc.ru/society/30/03/2018/5abddbbc9a79476c87f38d74> (дата обращения: 06.12.2021).

География СМИ коррелирует с локациями социальной напряженности: больше всего сообщений приходится на столичный регион – город Москву (87 037) и Московскую область (14 501). Вторая крупная группа географических объектов – территории Санкт-Петербурга (8552 сообщения) и Свердловской области (6080). Одновременно данная проблематика получила освещение в СМИ Архангельской (4474 сообщения), Новосибирской (4172), Владимирской (3846) областей, Краснодарском крае (2640), Ростовской области (2584) и Республики Коми (2515).

Освещаемая в СМИ проблематика «полигонов захоронения отходов» транслировалась в определенной системе смысловых координат. Основные лексические единицы в этом контексте следующие (от большего к меньшему в упоминаниях): *полигон, отход, свалки, мусор, мусорный, переработка, рекультивация, ТКО, Шиес, Архангельск*.

Выполненный мониторинг СМИ позволил реконструировать смысловое поле ключевых лексических координат, сопряженных с данной проблематикой. Так, большинство лексических единиц имеют нейтральную коннотацию: полигон (71 054 сообщения), отход (45 372), переработка (11 970), рекультивация (11 581), твердые коммунальные отходы (10 239). При этом в смысловом поле присутствуют лексические единицы, отражающие географию проблемы, – Шиес (11 282 сообщения) и Архангельская область (10 257), а также передающие негативную тональность – мусорный (42 661 сообщение), мусор (31 356), свалка (26 555).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Способом упреждения и реагирования на рост социальной напряженности вследствие усугубления проблем, связанных с экологическим неблагополучием, является разработка системы мер повышения эффективности, с одной стороны, управления отходами, с другой – управления социальными рисками в области экосоциальных взаимодействий на государственном, региональном и местном уровнях, включая реформирование всей системы обращения с ТКО. Однако эффективность этих мер зависит от учета настроений и ожиданий широких групп общественности, особенно тех, кто испытывает наиболее серьезное негативное влияние со стороны объектов захоронения и утилизации отходов. Кроме того, общественность может оказывать давление на государственные и муниципальные органы власти для внедрения новых методов обращения с отходами, повышения экологических стандартов и создания более безопасных и устойчивых систем управления отходами. В связи с этим формируется необходимость проводить эффективный экосоциальный менеджмент и взаимодействовать с населением на разных уровнях, чтобы убедиться в том, что система вышеперечисленных комплексных мер полезна для всех заинтересованных сторон и приведет к уменьшению как экологических проблем, так и социальной напряженности в обществе.

Из данных медиаметрического исследования и социологического опроса следует, что государственная политика по рекультивации полигонов работает с переменным успехом, отчасти сглаживая градус протестных настроений,

связанных с экологическим неблагополучием территорий, которые остро испытывают негативное влияние мусорных полигонов, обслуживающих близлежащие крупные города с населением свыше 1 млн человек. Территориальная близость проживания с полигоном захоронения отходов в отсутствие доступной информации о работе данного типа объектов формирует у респондентов ассоциативный ряд, связанный с экологической угрозой. К тому же профессиональная терминология сферы обращения с отходами в части таких лексических единиц, как «захоронение», «утилизация», «мусор», способствует распространению ассоциации «угроза», которую респонденты соединяют и с явлениями, не связанными напрямую с полигоном ТКО, например, с загрязнением вод, появлением неприятных запахов, бродячих животных, а также с распространением мусора по территории.

Респонденты готовы принимать меры в случае расширения полигона по захоронению отходов, в том числе писать жалобы в уполномоченные органы. Однако большинство опрошенных не знают, какая организация несет ответственность за захоронение отходов на близлежащем полигоне, но считают, что эта организация не принимает достаточных и необходимых мер.

Полученные в ходе проведенного исследования результаты подтверждают исследовательские гипотезы 2 и 3:

- государственная политика рекультивации полигонов работает с переменным успехом, частично сохраняются экологические проблемы. Жители городов выражают озабоченность экологической обстановкой и готовы принять участие в мероприятиях, направленных на сокращение объемов образования и захоронения ТКО;

- жизни и здоровью населения прямой угрозы нет. Вопрос рекультивации полигонов находится на контроле муниципальных и государственных органов власти. Жители оценивают ситуацию как удовлетворительную.

При этом в целом респонденты низко оценивают качество «мусорной» реформы, проведенной после волны экологических протестов, охвативших некоторые регионы России именно на фоне сообщений СМИ о серьезной угрозе компонентам окружающей среды и здоровью населения муниципалитетов, максимально приближенных к объектам захоронения отходов. Большинство респондентов расценили реформу как повод для повышения тарифов и взимания дополнительных платежей в бюджет без достаточных на то оснований.

Проведенное исследование указывает также на то, что экологическая ответственность населения находится в стадии формирования и становления, в чем убеждают полярные высказывания, такие как «Готовы принимать участие в мероприятиях по сокращению мусора» и «Вопрос полностью зависит от государства и бизнеса, которые должны заниматься этой проблемой», выбираемые респондентами в пределах одного интервью.

Одновременно российские респонденты менее всего готовы к радикальным изменениям своей жизни для снижения экологического ущерба, наносимого в результате накопления бытовых отходов. Только треть опрошенных поддерживает практики, направленные на сокращение избыточного потребления и незапланированных покупок, переход к безотходному образу

жизни и участие в экологических волонтерских инициативах. Эти действия тем не менее свидетельствуют об имеющемся среди части населения спросе на идеи экологически ответственного поведения и осознанного потребления. В свою очередь, модель социально-экологического поведения граждан формируется не только государством, но и бизнесом, который представлен предприятиями по переработке и утилизации отходов, и набором профессий, связанных с данной сферой. Популяризация профессиональной сферы обращения с отходами и формирование привлекательного имиджа сотрудников данного направления – это поддерживающая стратегия как федерального законодательства, так и социального капитала концепции устойчивого развития.

Полученные данные свидетельствуют о том, что при регулировании проблемы близости полигонов захоронения отходов к жилому сектору менеджмент сталкивается напрямую с отрицательной реакцией населения – «отрицанием события», тогда как именно этого возможно избежать, предупредив фазу «отрицания» фазой «информирования и вовлечения» населения в решение вопроса. Для минимизации социальных рисков в случае расширения полигона по захоронению отходов и иных действий с объектом необходимо обеспечить прозрачность, доступность информации о планируемом событии, его возможных последствиях и степени свободы граждан внести вклад и/или повлиять на событие. Данная тактика менеджмента призвана уменьшить недоверие и неопределенность среди населения. В связи с этим в арсенале специалистов обязательно должен быть такой инструмент, как консультации с населением. Органы власти совместно с инженерами-экологами должны консультировать граждан, выслушивать их мнения и опасения. Такой «предупредительный» подход позволит населению чувствовать себя субъектом влияния на принятие решений и способен помочь в разработке более эффективной стратегии при расширении полигона.

Список источников

Алымова Н. И., Рогова А. В. Экологические проблемы в современном мире: конфликты и протестные движения // Новейшие исследования в области истории и педагогики: материалы Всерос. науч. конф. / Под ред. И. Е. Воронковой и др. Орел: Орлов. гос. ун-т имени И. С. Тургенева, 2021. С. 56–66.

Бешкарев А. А. Фейковые новости как метод информационной войны (на примере конфликта вокруг строительства мусорного полигона на станции Шиес) // Вопросы журналистики. 2020. № 8. С. 5–15. <https://doi.org/10.17223/26188422/8/1>.

Богданова Е. М., Есиев Э. Т., Кравцев Е. В. Экологические конфликты России в 2017 году: анализ, решение и предупреждение // Русская политология. 2017. № 3. С. 78–86.

Бубнов А. Ю., Козлов С. Е. Политический активизм в социальных сетях (на примерах Москвы, Екатеринбургa и Шиеса) // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5, № 1. С. 54–64. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-1-54-64>.

Гольбрайх В. Б. Социальные сети как ресурс для институционализации общественного движения (на примере конфликтов вокруг строительства

мусорных полигонов в Архангельской области) // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 183–203. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.7>.

Гольбрайх В. Б. Экологический конфликт в повестке дня социальной сети // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 2. С. 102–115. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-8>.

Ежов Д. А. Экологические протесты: реконструкция проблемного поля // Власть. 2019. Т. 27, № 6. С. 157–160. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6844>.

Ермолаева П. О., Ермолаева Ю. В. Критический анализ зарубежных теорий экологического поведения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 323–346. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.16>.

Ермолаева П. О., Ермолаева Ю. В., Башева О. А. Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 3. С. 376–408. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-376-408>.

Зайцева Л. В. Формирование экологического сознания населения региональными СМИ Архангельской области // Медиаисследования 2020 / Под ред. Т. А. Семилет, И. В. Фотиевой. Барнаул: Алтайс. гос. ун-т, 2020. С. 348–354.

Каминская Т. Л., Помигуев И. А., Назарова Н. А. Экологический активизм в цифровой среде как инструмент влияния на государственные решения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 382–407. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.18>.

Климова А. М., Куликов С. П., Чмель К. III. Роль социальных медиа в формировании регионального экологического протеста в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 28–52. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2024>.

Косов Г. В., Гапич А. Э., Минкина О. В. и др. Протестный потенциал экологических проблем: сетевые детерминанты политизация экологии // Современная наука и инновации. 2019. № 4. С. 200–205.

Крешталь В. А. Проблемы осуществления экологических прав граждан в процессе реализации «мусорной реформы» в России // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. 2022. № 36. С. 488–492.

Михайлов А. В. Политические мотивы в обсуждении проблемы переработки и хранения мусора в СМИ // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения: сб. материалов Междунар. науч. форума. В 2 т. Т. 2 / Отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: ООО «Медиапапир», 2021. С. 216–218.

Никитина Б. А. «Зимняя вишня» и полигон «Ядрово» как две стороны одной медали: сложности осмысления очевидного // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 1. С. 29–61. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.555>.

Порошин О. С., Храпцов А. Б. Проблемы и перспективы реализации мусорной реформы в регионах России // Теория и практика общественного развития. 2020. № 12. С. 51–55. <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.12.9>.

Потапова А. А., Носков И. А., Железцов М. Л. Проблемы состояния окружающей среды и проживания населения в районах мусорных полигонов в современной России // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2019. № 3. С. 74–78.

Расторгуев С. В., Тянь Ю. С. Протестный экоактивизм в цифровой среде (на примере «Красноярского кейса») // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 53–75. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2017>.

Семернин Д. А., Акимов Е. Н. Аспекты развития ЖКХ в России: «мусорная реформа» // Экономика и предпринимательство. 2020. № 12. С. 308–312. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.125.12.059>.

Собянина О. В. Роль общественных движений в борьбе со свалками // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых: сб. науч. ст. 3-й Всерос. науч. конф. перспектив. разраб.: в 4 т. Т. 4. / Под. ред. М. С. Разумова. Курск: Юго-Запад. гос. ун-т, 2022. С. 74–77.

Стещенко А. Ю. Анализ протестной активности местного населения против свалок в экологических конфликтах Московской области // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2018. № 6. С. 15–33.

Фролов А. А., Миронова С. В. Протестные кампании в современной России: региональный аспект на примере Ярославской области // PolitBook. 2019. № 1. С. 6–21.

Цепилова О. Д., Гольбрайх В. Экологический активизм: мобилизация ресурсов «мусорных» протестов в России в 2018–2020 гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 4. С. 136–162. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5>.

Чмель К., Климова А., Митрохина Е. Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18, № 1. С. 83–98. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-1-83-98>.

Шаматонова Г. Л., Майоров В. О. Экологические протесты как форма проявления гражданской активности // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Т. 5, № 3. С. 200–207.

Ananna S. S., Suty N. S., Shorna I. J. et al. A policy framework for improving e-waste management in Bangladesh // Intelligent Computing & Optimization. ICO 2022. Lecture notes in networks and systems. Vol. 569 / Ed. by P. Vasant, G. W. Weber, J. A. Marmolejo-Saucedo et al. Cham: Springer, 2022. P. 1016–1026. https://doi.org/10.1007/978-3-031-19958-5_95.

Andersson J., Westholm E. Closing the future: Environmental research and the management of conflicting future value orders // Science, Technology, & Human Values. 2019. Vol. 44, № 2. P. 237–262. <https://doi.org/10.1177/0162243918791263>.

Anggarda A., Kismartini K., Herawati A. Analysis of waste management policy in Lamongan regency // Budapest International Research and Critics Institute (BIRCI-Journal): Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 4, № 2. P. 2686–2694. <http://doi.org/10.33258/birci.v4i2.1976>.

Barak N. Cities and nature: Conceptualizations, normativity and political analysis // The Palgrave handbook of environmental politics and theory / Ed. By J. J. Kassiola, T. W. Luke. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. P. 385–405. https://doi.org/10.1007/978-3-031-14346-5_17.

Bavadekar R. The sustainable cities and communities – the future we all aspire for // International Journal for Multidisciplinary Research. 2022. Vol. 4, № 5. 6 p. <https://doi.org/10.36948/ijfmr.2022.v04i05.004>.

Beck D. Stakeholder theory for sustainable cities and society: A humanist and environmental approach for integrating people, institutions, and environmental ecosystems // *Studia Ecologiae et Bioethicae*. 2023. Vol. 21, № 1. P. 59–67. <https://doi.org/10.21697/seb.2023.03>.

Chin M. Y., Lee C. T., Woon K. S. Policy-driven municipal solid waste management assessment using relative quadrant eco-efficiency: A case study in Malaysia // *Journal of Environmental Management*. 2022. Vol. 323, № 1. Art. № 116238. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2022.116238>.

Dhiaulhaq A. Environmental justice and the political economy of land conflict resolution in Indonesian forestry and palm oil: PhD thesis. Canberra: Australian National University, 2019. <https://doi.org/10.25911/5ea9580b829b8>.

Du L., Zuo J., Chang R. et al. Effectiveness of solid waste management policies in Australia: An exploratory study // *Environmental Impact Assessment Review*. 2023. Vol. 98. Art. № 106966. <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2022.106966>.

Du W. Policy model of waste management – Modelling of shanghai municipal solid waste management regulations: Master's thesis. Montreal, Quebec: Concordia University, 2022. 133 p.

Edi S., Tjahjanulin D., Mochamad M. et al. Exploring the waste management policy in developing country: Lesson and challenges from Kediri Regency, Indonesia // *Jurnal Ilmiah Administrasi Publik*. 2022. Vol. 8, № 3. P. 304–312. <https://doi.org/10.21776/ub.jiap.2022.008.03.7>.

Eskjær M., Horsbøl A. New environmental controversies: Towards a typology of green conflicts // *Sustainability*. 2023. Vol. 15, № 3. Art. № 1914. <https://doi.org/10.3390/su15031914>.

Feeney J. A dam, a park, and offsets: Analyzing socio-ecological conflict in Santander, Colombia, through political ecology and Galtung's conflict triangle // *Journal of Political Ecology*. 2023. Vol. 30, № 1. P. 166–190. <http://doi.org/10.2458/jpe.4685>.

González-Hidalgo M., Zografos C. Emotions, power, and environmental conflict: Expanding the 'emotional turn' in political ecology // *Progress in Human Geography*. 2019. Vol. 44, № 2. P. 235–255. <https://doi.org/10.1177/0309132518824644>.

Grishin O., Nesterchuk O., Popov S. et al. Smart city technologies in the context of ensuring environmental safety and political stability // *E3S Web of Conferences*. 2021. Vol. 311. Art. № 07004. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202131107004>.

Hernández E. Socio-environmental conflicts and the path to greater environmental justice: interpretations by social work educators // *Social Work Education*. 2023. 19 p. <https://doi.org/10.1080/02615479.2023.2174509>.

Illiash O., Smoliar N. Risk assessment of impact on the environment and public health when planning and implementing the regional waste management plan // *Labour Protection Problems in Ukraine*. 2022. Vol. 38, № 3–4. P. 41–46. <http://doi.org/10.36804/nndipbop.38-3-4.2022.41-46>.

Kumar S., Bhati H. V. Waste management to zero waste: Global perspectives and review of Indian law and policy // *Emerging trends to approaching zero waste environmental and social perspectives* / Ed. by Ch. M. Hussain, S. Singh and L. Goswami. Amsterdam: Elsevier, 2022. P. 79–101. <https://doi.org/10.1016/B978-0-323-85403-0.00013-X>.

Liu Y., Zhang X. Environmental regulation, political incentives, and mortality in China // *European Journal of Political Economy*. 2022. Vol. 78. Art. № 102322. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2022.102322>.

Muzakki A., Mursyidah L. Implementation of waste management policy // *Indonesian Journal of Public Policy Review*. 2022. Vol. 21. Art. № 1302. <https://doi.org/10.21070/ijppr.v21i0.1302>.

Ridho H., Thamrin M. H., Nasution F. A. et al. Disposition of waste management policy implementers through the regional cooperation scheme // *International Journal of Sustainable Development and Planning*. 2023. Vol. 18, № 1. P. 275–282. <https://doi.org/10.18280/ijstdp.180129>.

Shahsavar M., Akrami M., Kian Z. et al. Bio-recovery of municipal plastic waste management based on an integrated decision-making framework // *Journal of Industrial and Engineering Chemistry*. 2022. Vol. 108. P. 215–234. <https://doi.org/10.1016/j.jiec.2022.01.002>.

Sivaramanan S. Environmental conflicts: Ignition point of most of the wars. Independently published, 2022. 92 p.

Suša O. Global risks and conflicts: The social, environmental, and political consequences // *Critical Sociology*. 2018. Vol. 45, № 6. P. 829–843. <https://doi.org/10.1177/0896920518792299>.

Tan Z., Ren Y., Han J. et al. Evolving pattern and improvement path of China's solid waste management policies // *Chinese Journal of Population, Resources and Environment*. 2021. Vol. 19, № 4. P. 358–368. <https://doi.org/10.1016/j.cjpre.2022.01.009>.

Thiri M. A. N. The environmental justice movements: Mapping the ecological conflicts in Myanmar. 2022. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.17888.56328> [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/362965249_The_Environmental_Justice_Movements_Mapping_the_Ecological_Conflicts_in_Myanmar (дата обращения: 26.04.2023).

Williams P., Narra S., Antwi E. et al. Review of barriers to effective implementation of waste and energy management policies in Ghana: Implications for the promotion of waste-to-energy technologies // *Waste*. 2023. Vol. 1, № 2. P. 313–332. <https://doi.org/10.3390/waste1020021>.

Xu J., Zhang Z., Xu Y. et al. Quantitative evaluation of waste sorting management policies in China's major cities based on the PMC index model // *Frontiers in Environmental Science. Sec. Environmental Economics and Management*. 2023. Vol. 11. Art. № 1065900. <https://doi.org/10.3389/fenvs.2023.1065900>.

Информация об авторах

Ю. Ю. Лекторова – кандидат политических наук, доцент кафедры иностранных языков и связей с общественностью ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», 614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр-т, 29

SPIN-код (РИНЦ): 4048-3516

AuthorID (РИНЦ): 830146

Web of Science ResearcherID: AID-6310-2022

А. Ю. Прудников – кандидат политических наук, приглашенный ученый ТОО «Евразийский технологический университет», 050000, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Толе би, 1096

SPIN-код (РИНЦ): 4335-8946

AuthorID (РИНЦ): 874782

Web of Science ResearcherID: B-1202-2019

В. П. Колкутина – кандидат философских наук, магистр-исследователь кафедры «Охрана окружающей среды» ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», 614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр-т, 29

SPIN-код (РИНЦ): 8369-5373

AuthorID (РИНЦ): 610944

Web of Science ResearcherID: JQJ-4376-2023

Н. Н. Слюсарь – доктор технических наук, доцент, профессор кафедры «Охрана окружающей среды» ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», 614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр-т, 29

SPIN-код (РИНЦ): 6624-9670

AuthorID (РИНЦ): 438180

Web of Science ResearcherID: AAI-2114-2021

Scopus Author ID: 56018223300

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 30.04.2023; одобрена после рецензирования 28.09.2023; принята к публикации 28.09.2023.

References

Alymova, N. I. and Rogova, A. V. (2021), "Ecological problems in the modern world: Conflicts and protest digressions", in Voronkova, I. E. et al. (eds.), *Noveishie issledovaniya v oblasti istorii i pedagogiki: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Latest research in the field of history and pedagogy: Proceedings of the All-Russian scientific conference], Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russia, pp. 56–66.

Beshkarev, A. A. (2020), "Fake news as a method of information war (on the example of a conflict over the landfill construction at the Shies station)", *Russian Journal of Media Studies*, no. 8, pp. 5–15, <https://doi.org/10.17223/26188422/8/1>.

Bogdanova, E. M., Esiev, E. T. and Kravtsev, E. V. (2017), "Ecological conflicts in Russia in 2017: Analysis, solution, and prevention", *Russian Political Science*, no. 3, pp. 78–86.

Bubnov, A. Yu. and Kozlov, S. E. (2021), "Political activism in social media (e.g. of Moscow, Ekaterinburg and Shies)", *Journal of Political Research*, vol. 5, no. 1, pp. 54–64, <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-1-54-64>.

Golbraikh, V. B. (2020), "Social networks as a resource for the institutionalization of social movement (on the example of the conflict around garbage conflicts in the Arkhangelsk Region)", *Power and Elites*, vol. 7, no. 1, pp. 183–203, <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.7>.

Golbraikh, V. B. (2021), "Environmental conflict on the agenda of social network", *Research Result. Sociology and Management*, vol. 7, no. 2, pp. 102–115, <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-8>.

Ezhov, D. A. (2019), "Environmental protests: Reconstruction of the problem field", *Vlast'*, vol. 27, no. 6, pp. 157–160, <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6844>.

Ermolaeva, P. O. and Ermolaeva, Yu. V. (2019), "Critical analysis of foreign theories of environmental behavior", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 4, pp. 323–346, <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.16>.

Ermolaeva, P. O., Ermolaeva, Yu. V. and Basheva, O. A. (2020), "Digital environmental activism as the new form of environmental participation", *Russian Sociological Review*, vol. 19, no. 3, pp. 376–408, <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-376-408>.

Zaitseva, L. V. (2020), "Formation of the population environmental consciousness by regional media of the Arkhangelsk region", in Semilet, T. A. and Fotieva, I. V. (eds.), *Mediaissledovaniya 2020* [Media studies 2020], Altai State University, Barnaul, Russia, pp. 348–354.

Kaminskaya, T. L., Pomiguyev, I. A. and Nazarova, N. A. (2019), "Digital environmental activism as an instrument of influence on government decisions", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 5, pp. 382–407, <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.18>

Klimova, A. M., Kulikov, S. P. and Chmel, K. S. (2021), "The role of social media in shaping regional ecological protest in Russia", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 6, pp. 28–52, <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2024>.

Kosov, G. V., Gapich, A. E., Minkina, O. V. et al. (2019), "The protest potential of environmental issues: Network determinants of the politicization of ecology", *Modern Science and Innovations*, no. 4, pp. 200–205.

Kreshtal, V. A. (2022), "Problems of implementing citizens' environmental rights in the implementation of the "garbage reform" in Russia", *Sovremennye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya russkogo yazyka v VUZe i shkole*, no. 36, pp. 488–492.

Mikhailov, A. V. (2021), "Political motives in the discussion of the problem of waste recycling and storage in the media", in Malyshev, A. A. (ed.), *Media v sovremennom mire. 60-e Peterburgskie chteniya: sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma* [Media in the modern world, 60th St. Petersburg readings: Collection of materials of the International scientific forum], in 2 vol., vol. 2, LLC "Mediapapir", St. Petersburg, Russia, pp. 216–218.

Nikitina, B. A. (2019), "Zimnyaya Vishnya" and the "Yardovo" landfill as two sides of the same coin: Difficulties in comprehending the obvious", *Bulletin*

of the Institute of Sociology (*Vestnik instituta sotziologii*), vol. 10, no. 1, pp. 29–61, <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.555>.

Poroshin, O. S. and Khramtsov, A. B. (2020), “Problems and prospects of the implementation of “garbage” reform in Russian regions”, *Theory and Practice of Social Development*, no. 12, pp. 51–55, <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.12.9>.

Potapova, A. A., Noskov, I. A. and Zheleztssov, M. L. (2019), “Environmental and living conditions issues in the areas of landfills in modern Russia”, *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research*, no. 3, pp. 74–78.

Rastorguev, S. V. and Tyan, Yu. S. (2021), “Protest eco-activism in the digital environment (on the example of the “Krasnoyarsk case”)”, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 6, pp. 53–75, <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2017>.

Semernin, D. A. and Akimova, E. N. (2020), “Some aspects of housing-and-communal services sector development in Russia: “Garbage reform”, *Journal of Economy and Entrepreneurship*, no. 12, pp. 308–312, <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.125.12.059>.

Sobyanina, O. V. (2022), “The role of public movements in the fight against landfills”, in Razumov, M. S. (ed.), *Innovatsionnyi potentsial razvitiya obshchestva: vzglyad molodykh uchenykh: sbornik nauchnykh statei 3-i Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii perspektivnykh razrabotok* [Innovative potential of society development: young scientists’ view: Collection of scientific articles of the 3rd All-Russian scientific conference on promising developments], in 4 vol., vol. 4, Southwest State University, Kursk, Russia, pp. 74–77.

Steshenko, A. Yu. (2018), “An analysis of the protest activity of the local population against the polygons in environmental conflicts in the Moscow region”, *Skif. Voprosy studentcheskoi nauki*, no. 6, pp. 15–33.

Frolov, A. A. and Mironova, S. V. (2019), “Protest campaigns in modern Russia: Regional aspect on the example of the Yaroslavl region”, *PolitBook*, no. 1, pp. 6–21.

Tsepilova, O. D. and Golbraih, V. (2020), “Environmental activism: Resource mobilisation for “garbage” protests in Russia in 2018–2020”, *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 23, no. 4, pp. 136–162, <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5>.

Chmel’, K., Klimova, A. and Mitrokhina, E. (2020), “The politicization of environmental discourse in Arkhangelsk Region: The landfill site at Shies railroad station”, *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 18, no. 1, pp. 83–98, <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-1-83-98>.

Shamatonova, G. L. and Mayorov, V. O. (2019), “Environmental protests as a form of civic activity”, *Social’nye i gumanitarnye znaniya*, vol. 5, no. 3, pp. 200–207.

Ananna, S. S., Supty, N. S., Shorna, I. J. et al. (2022), “A policy framework for improving e-waste management in Bangladesh”, in Vasant, P., Weber, G. W., Marmolejo-Saucedo, J. A. et al. (eds.), *Intelligent Computing & Optimization. ICO 2022. Lecture notes in networks and systems*, vol. 569, Springer, Cham, Switzerland, pp. 1016–1026, https://doi.org/10.1007/978-3-031-19958-5_95.

Andersson, J. and Westholm, E. (2019), “Closing the future: Environmental research and the management of conflicting future value orders”,

Science, Technology, & Human Values, vol. 44, no. 2, pp. 237–262, <https://doi.org/10.1177/0162243918791263>.

Anggarda, A., Kismartini, K. and Herawati, A. (2021), “Analysis of waste management policy in Lamongan regency”, *Budapest International Research and Critics Institute (BIRCI-Journal): Humanities and Social Sciences*, vol. 4, no. 2, pp. 2686–2694, <http://doi.org/10.33258/birci.v4i2.1976>.

Barak, N. (2023), “Cities and nature: Conceptualizations, normativity and political analysis”, in Kassiola, J. J. and Luke T. W. (eds.), *The Palgrave handbook of environmental politics and theory*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 385–405, https://doi.org/10.1007/978-3-031-14346-5_17.

Bavadekar, R. (2022), “The sustainable cities and communities – The future we all aspire for”, *International Journal for Multidisciplinary Research*, vol. 4, no. 5, 6 p., <https://doi.org/10.36948/ijfmr.2022.v04i05.004>.

Beck, D. (2023), “Stakeholder theory for sustainable cities and society: A humanist and environmental approach for integrating people, institutions, and environmental ecosystems”, *Studia Ecologiae et Bioethicae*, vol. 21, no. 1, pp. 59–67, <https://doi.org/10.21697/seb.2023.03>.

Chin, M. Y., Lee, C. T. and Woon, K. S. (2022), “Policy-driven municipal solid waste management assessment using relative quadrant eco-efficiency: A case study in Malaysia”, *Journal of Environmental Management*, vol. 323, no. 1, art. no. 116238, <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2022.116238>.

Dhiaulhaq, A. (2019), *Environmental justice and the political economy of land conflict resolution in Indonesian forestry and palm oil*, PhD thesis, Australian National University, Canberra, Australia, <https://doi.org/10.25911/5ea9580b829b8>.

Du, L., Zuo, J., Chang, R. et al. (2023), “Effectiveness of solid waste management policies in Australia: An exploratory study”, *Environmental Impact Assessment Review*, vol. 98, art. no. 106966, <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2022.106966>.

Du, W. (2022), *Policy model of waste management – Modelling of shanghai municipal solid waste management regulations*, master’s thesis, Concordia University, Montreal, Quebec, Canada.

Edi, S., Tjahjanulin, D., Mochamad, M. et al. (2022), “Exploring the waste management policy in developing country: Lesson and challenges from Kediri Regency, Indonesia”, *Jurnal Ilmiah Administrasi Publik*, vol. 8, no. 3, pp. 304–312, <https://doi.org/10.21776/ub.jiap.2022.008.03.7>.

Eskjær, M. and Horsbøl, A. (2023), “New environmental controversies: Towards a typology of green conflicts”, *Sustainability*, vol. 15, no. 3, art. no. 1914, <https://doi.org/10.3390/su15031914>.

Feeney, J. (2023), “A dam, a park, and offsets: Analyzing socio-ecological conflict in Santander, Colombia, through political ecology and Galtung’s conflict triangle”, *Journal of Political Ecology*, vol. 30, no. 1, pp. 166–190, <http://doi.org/10.2458/jpe.4685>.

González-Hidalgo, M. and Zografos, C. (2019), “Emotions, power, and environmental conflict: Expanding the ‘emotional turn’ in political ecology”, *Progress in Human Geography*, vol. 44, no. 2, pp. 235–255, <https://doi.org/10.1177/0309132518824644>.

Grishin, O., Nesterchuk, O., Popov, S. et al. (2021), “Smart city technologies in the context of ensuring environmental safety and political stability”, *E3S Web of Conferences*, vol. 311, art. no. 07004, <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202131107004>.

Hernández, E. (2023), "Socio-environmental conflicts and the path to greater environmental justice: interpretations by social work educators", *Social Work Education*, 19 p., <https://doi.org/10.1080/02615479.2023.2174509>.

Illiash, O. and Smoliar, N. (2022), "Risk assessment of impact on the environment and public health when planning and implementing the regional waste management plan", *Labour Protection Problems in Ukraine*, vol. 38, no. 3–4, pp. 41–46, <http://doi.org/10.36804/nndipbop.38-3-4.2022.41-46>.

Kumar S. and Bhati, H. V. (2022), "Waste management to zero waste: Global perspectives and review of Indian law and policy", in Hussain, Ch. M., Singh, S. and Goswami, L. (eds.), *Emerging trends to approaching zero waste: Environmental and social perspectives*, Elsevier, Amsterdam, Netherlands, pp. 79–101, <https://doi.org/10.1016/B978-0-323-85403-0.00013-X>.

Liu, Y. and Zhang, X. (2022), "Environmental regulation, political incentives, and mortality in China", *European Journal of Political Economy*, vol. 78, art. no. 102322, <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2022.102322>.

Muzakki, A. and Mursyidah, L. (2022), "Implementation of waste management policy", *Indonesian Journal of Public Policy Review*, vol. 21, art. no. 1302, <https://doi.org/10.21070/ijppr.v21i0.1302>.

Ridho, H., Thamrin, M. H., Nasution, F. A. et al. (2023), "Disposition of waste management policy implementers through the regional cooperation scheme", *International Journal of Sustainable Development and Planning*, vol. 18, no. 1, pp. 275–282, <https://doi.org/10.18280/ijstdp.180129>.

Shahsavari, M., Akrami, M., Kian, Z. et al. (2022), "Bio-recovery of municipal plastic waste management based on an integrated decision-making framework", *Journal of Industrial and Engineering Chemistry*, vol. 108, pp. 215–234, <https://doi.org/10.1016/j.jiec.2022.01.002>.

Sivaramanan, S. (2022), *Environmental conflicts: Ignition point of most of the wars*, Independently published.

Suša, O. (2018), "Global risks and conflicts: The social, environmental, and political consequences", *Critical Sociology*, vol. 45, no. 6, pp. 829–843, <https://doi.org/10.1177/0896920518792299>.

Tan, Z., Ren, Y., Han, J. et al. (2021), "Evolving pattern and improvement path of China's solid waste management policies", *Chinese Journal of Population, Resources and Environment*, vol. 19, no. 4, pp. 358–368, <https://doi.org/10.1016/j.cjpre.2022.01.009>.

Thiri, M. A. N. (2022), *The environmental justice movements: Mapping the ecological conflicts in Myanmar*, <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.17888.56328> [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/362965249_The_Environmental_Justice_Movements_Mapping_the_Ecological_Conflicts_in_Myanmar (Accessed Apr. 26, 2023).

Williams, P., Narra, S., Antwi, E. et al. (2023), "Review of barriers to effective implementation of waste and energy management policies in Ghana: Implications for the promotion of waste-to-energy technologies", *Waste*, vol. 1, no. 2, pp. 313–332, <https://doi.org/10.3390/waste1020021>.

Xu, J., Zhang, Z., Xu, Y. et al. (2023), "Quantitative evaluation of waste sorting management policies in China's major cities based on the PMC index model",

Frontiers in Environmental Science. Sec. Environmental Economics and Management, vol. 11, art. no. 1065900, <https://doi.org/10.3389/fenvs.2023.1065900>.

Information about the authors

Ju. Iu. Lektorova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Public Relations, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Ave., Perm, 614990, Russia

SPIN-code (RSCI): 4048-3516

AuthorID (RSCI): 830146

Web of Science ResearcherID: AID-6310-2022

A. Iu. Prudnikov – Candidate of Political Sciences, Visiting Scientist, Eurasian Technological University, 109b Tole Bi Str., Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan

SPIN-code (RSCI): 4335-8946

AuthorID (RSCI): 874782

Web of Science ResearcherID: B-1202-2019

V. P. Kolkutina – Candidate of Philosophy, Master's Researcher of the Department of Environmental Protection, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Ave., Perm, 614990, Russia

SPIN-code (RSCI): 8369-5373

AuthorID (RSCI): 610944

Web of Science ResearcherID: JQJ-4376-2023

N. N. Sliusar – Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Environmental Protection, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Ave., Perm, 614990, Russia

SPIN-code (RSCI): 6624-9670

AuthorID (RSCI): 438180

Web of Science ResearcherID: AAI-2114-2021

Scopus Author ID: 56018223300

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 30.04.2023; approved after reviewing 28.09.2023; accepted for publication 28.09.2023.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 652–672.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 4, pp. 652–672.

Научная статья

УДК 332.02

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-652-672>

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Павел Андреевич Иванов¹

¹ Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, Уфа, Россия, ivanov-ran@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-9880-0521>

Аннотация. Введение: в статье выявлены и проанализированы проблемы функционирования системы стратегического планирования, реализуемой на уровне субъектов Российской Федерации. **Цель:** оценить качество системы стратегического планирования в регионах Приволжского федерального округа (ПФО) на основе выявления факторов, обеспечивающих учет как фактических, так и плановых значений ее реализации. **Методы:** системный анализ, статистический метод, группировка, нормирование, графический метод. **Результаты:** выявлены проблемы стратегического планирования и основные факторы, снижающие качество его реализации на уровне субъектов Российской Федерации. На примере регионов ПФО проанализированы документы стратегического планирования с точки зрения как степени их реализации (2010–2020 гг.), так и плановых параметров на 2025 и 2030 годы. Установлено, что факторами, оказывающими наиболее сильное влияние на качество стратегического планирования, являются индекс физического объема инвестиций в основной капитал и реальные денежные доходы населения. Для оценки качества стратегического планирования и сравнительного анализа его динамики по регионам ПФО предложен интегральный индекс, обеспечивающий учет как фактических, так и плановых параметров в разрезе изменения основных результатов деятельности: общеэкономического (ВРП на душу населения), инвестиционного (инвестиции в основной капитал) и социального (ожидаемая продолжительность жизни). Расчеты показали сохранение к 2030 году (при реализации утвержденных планов в полном объеме) общих рейтинговых позиций регионов при некотором сокращении отставания субъектов Российской Федерации из верхнего эшелона от региона-лидера – Республики Татарстан и росте дифференциации регионов ПФО в целом. **Выводы:** повышение качества системы стратегического пла-

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

нирования является сложным, многоаспектным процессом, требующим учета множества факторов различного характера. По итогам анализа выявленных проблем стратегического планирования территорий ПФО даны предложения по направлениям их нивелирования, что будет способствовать повышению качества реализации системы стратегического планирования.

Ключевые слова: нормативно-правовое регулирование, социально-экономическое развитие, регион, территория, Приволжский федеральный округ, рейтинг, индикаторы

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00871, <https://www.rscf.ru/project/23-28-00871>.

Для цитирования: Иванов П. А. Проблемы повышения качества системы стратегического планирования в субъектах Российской Федерации // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 652–672. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-652-672>.

Original article

ISSUES IN IMPROVING THE QUALITY OF STRATEGIC PLANNING SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION REGIONS

Pavel A. Ivanov¹

¹ Institute of Social and Economic Researches, Ufa Federal Research Centre of the RAS, Ufa, Russia, ivanov-ran@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9880-0521>

Abstract. Introduction: the article identifies and analyzes the problems of improving the system of strategic planning, implemented at the level of constituent entities of the Russian Federation. **Objectives:** to assess the quality of the strategic planning system in the regions of the Volga Federal District, by identifying factors that ensure the consideration of both actual and planned values of its implementation. **Methods:** system analysis, statistical method, grouping, normalization, graphical method. **Results:** the problems of strategic planning and the main factors reducing the quality of its implementation at the level of the Russian Federation regions have been identified. In the case-study of the Volga Federal District regions, strategic planning documents were analyzed in terms of the degree of implementation (2010–2020) and the planned parameters for 2025 and 2030. It has been established that the main factors having the strongest impact on the strategic planning quality are the index of the investments physical volume in fixed capital and real monetary incomes of the population. To assess the quality of strategic planning and to provide for a comparative analysis of its dynamics across the regions of the Volga Federal District, an integral index has been proposed that takes into account both actual and planned parameters in the context of changes in the main performance results: general economic (GRP per capita), investment (investment in fixed assets) and social (life expectancy) ones. The calculations showed that by 2030 (should the approved plans be implemented in full) the overall rating positions of the regions will be maintained, with some reduction in the gap between the upper echelon Russian regions and the leading region (the Republic of Tatarstan) and an increase in the differentiation of regions in the Volga Federal District as a whole. **Conclusions:** improving the quality of the strategic planning system is a complex, multifaceted process that requires taking into account many factors of a different nature. For some of those considered in the article, proposals for levelling were made to improve strategic planning and the quality of its implementation in the Volga Federal District regions.

Keywords: legal regulation, socio-economic development, region, territory, Volga Federal District, rating, indicators

Acknowledgements: the study was funded through the Russian Science Foundation grant, project no. 23-28-00871, <https://www.rscf.ru/project/23-28-00871>.

For citation: Ivanov, P. A. (2023), "Issues in improving the quality of strategic planning system in the Russian Federation regions", *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 4, pp. 652–672, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-652-672>.

ВВЕДЕНИЕ

Обеспечение устойчивого социально-экономического развития территорий в значительной мере зависит от качества системы стратегического планирования, организуемой и реализуемой органами власти на государственном и муниципальном уровнях управления. В современных условиях санкционного давления, обострения геополитической обстановки важно четко и своевременно определить с учетом ограниченности финансовых ресурсов ключевые направления, позволяющие достичь стратегических приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности страны и ее регионов¹. Кроме того, при разработке и реализации документов стратегического планирования возникает необходимость организации, в том числе на базе соответствующего методического инструментария моделирования и прогнозирования, слаженного межведомственного взаимодействия, учета и согласования интересов всех участников процесса, а также оказания информационной поддержки для принятия управленческих решений, что, согласно действующему законодательству, составляет основу системы стратегического планирования².

Исходя из этого актуальной задачей для государства на всех уровнях управления является повышение качества системы стратегического планирования в целом на базе совершенствования ее научно-методического и информационно-аналитического обеспечения. Поскольку решение данной задачи носит многоаспектный характер, включающий в себя рассмотрение и учет различных сторон процесса стратегического планирования – нормативно-правовой, организационно-управленческой, аналитической, финансовой, эконометрической (в том числе совершенствование инструментальных средств прогнозирования целевых индикаторов и моделирования последствий принимаемых решений), одним из первоначальных этапов исследования является проведение анализа проблем теории и практики осуществления процесса стратегического планирования территорий,

¹ *Стратегия национальной безопасности Российской Федерации* [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 31.12.2015 № 683. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71196054/> (дата обращения: 26.04.2023).

² *О стратегическом планировании в Российской Федерации* [Электронный ресурс]: Федер. закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ. П. 9 ст. 3 URL: <https://base.garant.ru/70684666/> (дата обращения: 11.05.2023).

выявление лучших практик регионов в достижении стратегических приоритетов развития в области повышения устойчивости их экономик и уровня жизни населения.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Обзор научной литературы по проблеме исследования

Проблемам существующей системы стратегического планирования в Российской Федерации посвящено довольно большое количество научных статей отечественных ученых и экономистов, где исследованы направления ее совершенствования как с позиций теоретико-методологического, нормативно-правового обеспечения (Бухвальд, 2022; Ермилина, 2016; Золотарева и Соколов, 2018; Ленчук, 2020), так и с позиций анализа методик оценки качества стратегического планирования (Карпов и Лылов, 2020; Клейнер и др., 2022; Кочиева, 2019; Цыбапов, 2018).

Отдельное внимание в работах российских авторов уделяется важности учета при подготовке и принятии документов стратегического планирования сценарного подхода (Климанов и Сафина, 2017), аспектов их мониторинга (Кузнецов и Побываев, 2020), территориального взаимодействия в вертикальном (Федерация – регионы – муниципалитеты) и горизонтальном (межрегиональное и межмуниципальное сотрудничество) срезах (Артемова, 2021); необходимости формирования соответствующей управленческой культуры стратегического планирования как основы для реализации ключевого ее принципа – взаимозависимости и взаимообусловленности социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности (Афиногенов и др., 2019), в том числе посредством выделения соответствующей новой научной специальности (Назаров и Афиногенов, 2022); развитию системы стратегического планирования на муниципальном уровне (Зотов и Милькина, 2020), в том числе во взаимосвязи с другими видами планирования (Тишкина, 2019). Кроме того, исследователями отмечается, что в целом отечественной практике разработки документов стратегического планирования присуща фронтальность, ориентированная на максимально широкий охват экономической повестки вместо концентрации ресурсов на приоритетных направлениях, что является одной из причин невысокого уровня качества реализации стратегий (Дмитриев и Крапиль, 2022, с. 42–43).

В зарубежных научных публикациях исследование стратегического планирования развития территорий носит в большей степени предметно-прикладной характер в силу рассмотрения различных аспектов социально-экономического развития – инновационных (Shearmur and Bonnet, 2011), финансовых (Ejigu and Desalegn, 2023), инфраструктурных (Hickman and While, 2023) – и влияющих на них факторов в привязке к специфике конкретных регионов (Flores-Tapia et al., 2023) и городов (Iglesias-Pascual et al., 2023). Качество стратегического планирования рассматривается прежде всего с точки зрения соблюдения баланса между социо-экономико-экологическими факторами, формирующими условия для комплексного развития территорий,

и обеспечения жизнедеятельности проживающего на них населения на основе равномерного размещения социальной инфраструктуры (Iglesias-Pascual et al., 2023), нивелирования потенциальных конфликтов интересов основных стейкхолдеров относительно направлений землепользования (Yanbo et al., 2023) и др.

Несмотря на наличие в большинстве работ зарубежных авторов акцента на прикладную плоскость исследований, не обходятся стороной и вопросы совершенствования теоретических основ стратегического планирования, в том числе посредством развития концепций территориального капитала (“territorial capital”) (Morretta, 2021) и грамотности в вопросах будущего (“futures literacy”) (Lingua and Caruso, 2022), учета идеологических и политических аспектов развития территорий как фундамента для взаимоувязки целевых ориентиров предлагаемых при разработке стратегий умных городов инициатив (“smart initiatives”) (Muñoz et al., 2023). Важное значение при конструировании будущего развития территорий в названных публикациях придается обеспечению комплексности стратегий местного уровня при их комплементарности по отношению к процессу достижения стратегических приоритетов более высокого (национального) уровня. В этом плане существенно, что стратегии развития российских регионов и муниципалитетов зачастую разрабатываются в условиях отсутствия соответствующих документов федерального уровня (например, до сих пор не принята стратегия социально-экономического развития Российской Федерации), что ведет к некоторой разрозненности в их целеполагании и необходимости обеспечивать должный уровень координации участников и согласованности документов стратегического планирования на разных уровнях управления. Об актуальности и важности решения данной проблемы заявляют и представители власти³.

В настоящее время нормативно-правовой основой осуществления стратегического планирования на федеральном, региональном и местном уровнях является закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁴. Однако и до его принятия в 2014 году существовало множество документов, определяющих стратегические приоритеты развития⁵, в том числе в различных сферах деятельности на уровне субъектов Российской Федерации. Например, в Республике Башкортостан в 2002 году была разработана Энергетическая стратегия на период до 2020 года⁶, а в 2006-м – Стратегия развития банковского сектора до 2010 года⁷.

³ Шевченко А. Нужен постоянный межведомственный орган по координации стратегического планирования [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Федерации Рос. Федерации. 2021. 24 марта. URL: <http://council.gov.ru/events/news/125112/> (дата обращения: 24.04.2023).

⁴ О стратегическом планировании в Российской Федерации ...

⁵ О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 17.11.2008 № 1662-р. URL: <https://base.garant.ru/194365/> (дата обращения: 15.05.2023).

⁶ Об Энергетической стратегии Республики Башкортостан на период до 2020 года [Электронный ресурс]: Постановление Каб. министров Респ. Башкортостан от 13.05.2002 № 149. URL: <https://docs.cntd.ru/document/423803702> (дата обращения: 15.05.2023).

⁷ Об утверждении Стратегии развития банковского сектора Республики Башкортостан на период до 2010 года [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Респ. Башкортостан от 02.02.2006 № 21. URL: <https://bashkor-gov.ru/doc/8806> (дата обращения: 14.05.2023).

Таким образом, среди отличительных особенностей реализации системы стратегического планирования на региональном уровне можно выделить, во-первых, разработку документов по принципу «снизу вверх» (сначала принятие документов регионального уровня и только потом федерального, вместо определения основных векторов развития страны, утверждения федеральной стратегии и на основе ее целевых установок разработки региональных стратегий), а во-вторых, наличие в некоторых случаях довольно короткого периода их реализации (не более пяти лет). Все это не способствовало ни выработке согласованных целей развития на различных уровнях управления, ни достижению в полной мере плановых значений стратегических приоритетов развития территорий.

Вышеперечисленные особенности нормативно-правового регулирования процессов разработки документов стратегического планирования в значительной мере сказываются на достижении стратегических приоритетов развития регионов, выраженных в конкретных социально-экономических показателях и отражающих качество реализации системы стратегического планирования в целом.

В то же время вопрос повышения эффективности системы стратегического планирования весьма многогранен и не лежит только в правовой плоскости, задача которой состоит прежде всего в формировании четкой, непротиворечивой регуляторной среды, создающей условия для проведения более эффективной государственной политики в области стратегического планирования. В этой связи представляется актуальным также анализ социально-экономических результатов реализации программ стратегического развития субъектов Российской Федерации в целях выявления лучших практик и ключевых факторов, способствующих повышению качества системы стратегического планирования с точки зрения достижения приоритетов и обеспечения устойчивого социально-экономического развития территорий. Данный тезис выступает в качестве цели исследования, результаты которого приведены ниже.

Материалы и методы

Методология исследования базируется на анализе состояния системы стратегического планирования субъектов Российской Федерации (регионов ПФО), который отражает как фактические результаты регионального социально-экономического развития, полученные в 2010–2020 годах, так и целевые значения показателей, позволяющие определить уровень амбиций конкретных регионов ПФО и изменение их положения в рейтинге относительно друг друга в случае реализации наилучшего сценария, заложенного в документах стратегического планирования. Непосредственно оценку качества стратегического планирования предлагается определять на основе интегрального индекса ($I_{\text{КСП}_j}$), состоящего из трех нормированных показателей, сведенных по формуле 1:

$$I_{\text{КСП}_j} = \sqrt[3]{I_{(\text{н})\text{ВРП}_j} \times I_{(\text{н})\text{ИОК}_j} \times I_{(\text{н})\text{ДЖ}_j}}, \quad (1)$$

где $I_{(н)врп_j}$ – индекс нормированного значения валового регионального продукта на душу населения по j -ому региону ПФО;
 $I_{(н)иок_j}$ – индекс нормированного значения объема инвестиций в основной капитал на душу населения по j -ому региону ПФО;
 $I_{(н)дж_j}$ – индекс нормированного значения ожидаемой продолжительности жизни по j -ому региону ПФО.

Выбор данных индикаторов был обусловлен несколькими причинами:
 – необходимостью масштабности показателей, характеризующих основные сферы деятельности: экономическую, социальную и инвестиционную как обеспечивающую устойчивость развития первых двух;

– наличием ограниченного набора идентичных по содержанию показателей, имеющихся в документах стратегического планирования регионов;

– отсутствием унифицированной формы представления показателей в региональных стратегиях, что создает сложность приведения их к единой базе для сравнения.

Нормирование исходных показателей осуществляется по формуле 2:

$$I_{(н)ij} = \frac{I_{ij} - I_{\min i}}{I_{\max i} - I_{\min i}} + 1, \quad (2)$$

где $I_{(н)ij}$ – индекс нормированного значения i -го показателя по j -ому региону ПФО; I_{ij} – исходное значение i -го показателя по j -ому региону ПФО; $I_{\max i}$ и $I_{\min i}$ – максимальное и минимальное значение i -го показателя среди регионов ПФО.

Значения нормированных показателей будут находиться в диапазоне от 1 до 2. Чем ближе значение показателя $I_{ксп_j}$ к 2, тем выше уровень качества стратегического планирования в том или ином регионе ПФО относительно региона-эталона.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сначала проведем анализ достижения целевых значений показателей социально-экономического развития рассматриваемых территорий по документам стратегического планирования, срок реализации которых закончился. В таблице 1 представлены данные по участию регионов в Стратегии социально-экономического развития ПФО до 2020 года⁸, сгруппированные по трем группам в зависимости от степени ее реализации.

⁸ Стратегия социально-экономического развития Приволжского федерального округа на период до 2020 года [Электронный ресурс]: утв. Распоряжением Правительства Рос. Федерации от 07.02.2011 № 165-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6648235/> (дата обращения: 24.04.2023).

Таблица 1 / Table 1

Оценка уровня реализации стратегического планирования регионов ПФО за 2010–2020 годы, % / Assessment of the implementation level of strategic planning in the Volga Federal District regions, 2010–2020, %

Регион	Степень отклонения от среднегодовых плановых значений, установленных на 2010–2020 гг., %						
	ВРП	Инвестиции	Промышленность	Сельское хозяйство	Доходы населения	Оборот розничной торговли	Средняя
I группа							
Саратовская область	–4,0	–2,1	–1,8	–1,5	–2,3	0,3	–1,9
Республика Марий Эл	–4,0	–0,9	–0,8	4,9	–6,1	–5,2	–2,0
Пензенская область	–2,2	–5,5	3,9	0,6	–5,1	–4,4	–2,1
Удмуртская Республика	–0,7	–1,6	–1,9	–1,9	–5,7	–2,7	–2,4
II группа							
Оренбургская область	–4,2	–7,3	–3,6	–3,3	–5,8	–1,7	–4,3
Республика Татарстан	–4,4	–5,3	–2,8	–4,8	–4,2	–6,1	–4,6
Пермский край	–4,0	–5,1	–2,2	–3,4	–8,2	–6,8	–5,0
Ульяновская область	–4,4	–7,9	–2,7	0,1	–7,7	–8,0	–5,1
Республика Мордовия	–3,7	–13,1	–3,2	–1,9	–6,5	–5,0	–5,6
Республика Башкортостан	–3,6	–8,9	–3,0	–2,9	–9,9	–5,7	–5,7
Кировская область	–9,3	–14,1	–1,4	–3,4	–5,2	–2,9	–6,1
III группа							
Чувашская Республика	–6,4	–16,8	–3,4	–4,3	–7,3	–5,5	–7,3
Самарская область	–6,6	–10,9	–7,0	–3,0	–9,5	–7,3	–7,4
Нижегородская область	–8,1	–11,8	–8,0	–4,3	–8,3	–8,7	–8,2

Источник: рассчитано автором по данным Росстата и Стратегии социально-экономического развития ПФО до 2020 года.

По итогам анализируемого периода ни один регион ПФО не достиг целевых значений по всем показателям. По отдельным направлениям в некоторых регионах наблюдалось достижение плановых параметров (например, по обороту розничной торговли в Саратовской области) или приближение к ним (по инвестициям в основной капитал в Республике Марий Эл), но в определенной мере это было обусловлено низкими относительно других регионов плановыми значениями по данным индикаторам, что позволило обеспечить их достижение в рамках текущей структуры экономики и организации производства. В то же время по ряду индикаторов регионы I группы демонстрировали действительно высокие результаты при относительно высоких плановых значениях. Так, в Пензенской области при среднегодовом плановом значении роста промышленного произ-

водства 6,8 % (7,0 % в среднем по ПФО) фактические значения составили 10,8 % (4,3 % по ПФО); по объему продукции сельского хозяйства лидерами роста стали Республика Марий Эл и Пензенская область – соответственно 7,4 и 6,3 % (при среднем росте по ПФО 2,9 %). Также Пензенская область показала наилучший результат по росту ВРП – 3,7 % ежегодно (при 2,3 % по ПФО).

Для регионов второй группы характерно среднее отклонение фактических значений от плановых на уровне 4–6 %, что не является критическим, но требует повышения эффективности системы стратегического планирования, в том числе на основе совершенствования инструментария прогнозирования на долгосрочный период. Наибольшие отклонения от плановых значений наблюдались в субъектах Российской Федерации из III группы, что свидетельствует скорее о завышенных ожиданиях, чем о низких фактических значениях, поскольку из шести показателей на уровне не ниже среднего по ПФО в Нижегородской области находилось четыре индикатора, в Чувашской Республике – три и в Самарской области – два. В целом из всех показателей по регионам наименее предсказуемо вела себя динамика индекса физического объема инвестиций в основной капитал (при прогнозируемых темпах в ПФО на уровне 9,2 % по факту за 2010–2020 годы их прирост составил только 1,3 % в год) и реальных денежных доходов населения (плановые и фактические значения составили 6,9 и 0,4 % соответственно). Таким образом, в анализируемом периоде данные показатели наиболее сильно влияли на качество стратегического планирования территорий.

Далее рассмотрим, какое место планируют занять регионы ПФО по одному из важнейших показателей социально-экономического развития – объему удельного ВРП в 2025 и 2030 годах (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Рейтинг амбициозности стратегического планирования регионов ПФО по уровню ВРП на душу населения на 2025, 2030 годы, тыс. руб. (в ценах соответствующих лет) / Strategic planning ambition rating of the Volga Federal District regions in terms of GRP per capita for 2025, 2030, thousand rubles (in prices of corresponding years)

Регион	Факт ВРП в 2020 г.	2025 г.		2030 г.	Место в рейтинге (динамика)
		Стратегия СЭР	Прогноз СЭР	Стратегия СЭР	
Нижегородская область	497	845	772	1 602*	1 (+4)
Республика Татарстан	676	758	1055	1 563	2 (-1)
Самарская область	505	855	847	1 347	3 (+1)
Пермский край	542	нет данных	829**	1 237**	4 (-2)
Оренбургская область	539	нет данных	852	1 053	5 (-2)

Регион	Факт ВРП в 2020 г.	2025 г.		2030 г.	Место в рейтинге (динамика)
		Стратегия СЭР	Прогноз СЭР	Стратегия СЭР	
Удмуртская Республика	452	590	749	1 022*	6 (0)
Саратовская область	358	557	576	950	7 (+3)
Республика Башкортостан	425	610	694	899	8 (–1)
Пензенская область	380	436	600	725	9 (–1)
Ульяновская область	360	294	462	735	10 (–1)
Республика Мордовия	343	837	нет данных	нет данных	11 (0)
Чувашская Республика	287	388	379	565	12 (+2)
Кировская область	315	404	513	545	13 (–1)
Республика Марий Эл	291	385	410	508	14 (–1)
Уровень дифференциации	2,4 р.	2,9 р.	2,8 р.	3,2 р.	–

Примечание: * – согласно прогнозу социально-экономического развития (СЭР) региона на долгосрочный период до 2035 года; ** – оценка автора на основе сценарных условий прогноза социально-экономического развития Пермского края до 2025 года.

Источник: рассчитано автором по данным Росстата, прогнозов и стратегий социально-экономического развития регионов ПФО.

Необходимо отметить, что приведенные данные являются оценочными, поскольку целевые индикаторы реализации стратегий социально-экономического развития регионов на 2030 год имеют различную базу для сравнения вследствие их принятия в разные годы (2015–2019) и отсутствия в настоящее время по ряду регионов стратегий с горизонтом планирования после 2026 года (по ним использовались данные прогнозов социально-экономического развития субъектов Российской Федерации до 2025 года). Также затрудняет сведение данных отсутствие единой формы и неполнота представления показателей стратегического планирования. С учетом вышесказанного наиболее сильный рывок по уровню ВРП на душу населения к 2030 году планируется, согласно рейтингу амбициозности, властями Нижегородской области (на четыре позиции вверх относительно 2020 года, что позволит этому региону потеснить Республику Татарстан и занять 1-е место в ПФО). Кроме того, в случае полной реализации поставленных целей и задач по стратегическим приоритетам повышение рейтинговых позиций возможно в Саратовской и Самарской областях, а также в Чувашской Республике. Однако если принять во внимание опыт названных территорий (кроме Саратовской области) по реализации показателей стратегического планирования предыдущих лет и их нахождение в III группе с наибольшим уровнем отклонения от плановых значений, успешность достижения установленных плановых величин по ВРП в полном объеме вызывает сомнения. В этой связи Пермский край и Оренбургская область, занимавшие в 2020 году по ВРП на душу насе-

ления соответственно 2-е и 3-е места, при должном качестве системы стратегического планирования могут сохранить свои лидерские позиции.

В качестве общего негативного тренда следует выделить повышение уровня дифференциации регионов по данному показателю к 2030 году с 2,4 до 3,2 раза, что, с одной стороны, усиливает неравномерное развитие территорий и сопутствующие ему тенденции (например, миграционный отток высококвалифицированных кадров и молодежи из депрессивных регионов), а с другой – сохраняет актуальность проведения политики финансовой поддержки из федерального центра для выравнивания развития субъектов Российской Федерации и сокращения существующих диспропорций. Одним из направлений решения данной проблемы может быть формирование кластеров (в первую очередь промышленного, инновационно-технологического типа) в рамках развития межрегиональной кооперации и укрепления технологического суверенитета, что требует и решения вопросов административно-управленческого характера (по выстраиванию четкой вертикали управления и согласованию интересов всех участников процесса стратегического планирования), и разработки адекватного математического инструментария, обеспечивающего повышение качества системы стратегического планирования посредством оказания информационной поддержки органам власти для принятия взвешенных управленческих решений.

В настоящее время при подготовке и реализации документов стратегического планирования на различных уровнях управления сталкиваются с проблемой отсутствия адекватных инструментов, способствующих как формированию четкого образа будущего для определенной территории, так и конструированию отдельных его элементов во взаимосвязи с объективной оценкой имеющихся и потенциальных для задействования ресурсов, их оптимальным распределением, обеспечением согласованности и скоординированности целевых установок стратегических документов в вертикальном и горизонтальном срезах управления, оперативным выявлением и купированием рисков недостижения целевых параметров стратегического развития, возникающих из-за негативного влияния факторов внешней среды и т. д. Все это требует разработки современных интегрированных систем (включающих как инструменты математического аппарата, так и организационно-управленческие технологии) имитационного моделирования возможных результатов (последствий) от принятия тех или иных решений органов власти по реализации мер, направленных на достижение стратегических приоритетов развития территорий. Однако эти вопросы выходят за рамки рассмотрения данной статьи и могут быть подняты в будущих исследованиях, проводимых в рамках тематики гранта.

Ниже представлены расчеты по предложенному индексу качества стратегического планирования $I_{КСП}$, который, помимо рассмотренного показателя ВРП на душу населения, учитывает также удельный объем инвестиций в основной капитал и ожидаемую продолжительность жизни (рис.). Исходные данные приведены в таблице 3.

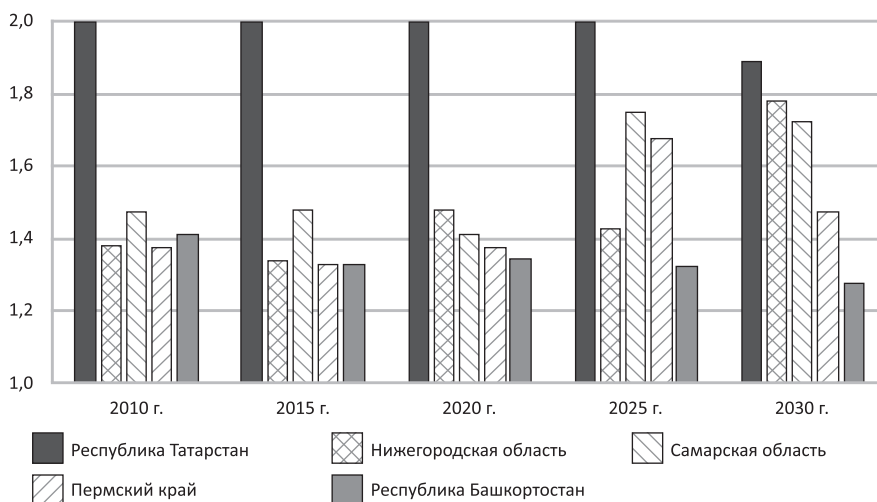

Рис. Динамика индекса качества стратегического планирования регионов ПФО за период 2010–2020 годов и его целевые значения на 2025 и 2030 годы, ед. /
Fig. Dynamics of the quality index of strategic planning of the Volga Federal District regions for 2010–2020 and its target values for 2025 and 2030, units

Источник: разработано и составлено автором по данным Росстата, прогнозов и стратегий социально-экономического развития регионов ПФО.

В соответствии с данным индексом Республика Татарстан сохранит за собой статус региона-лидера при некотором сокращении отставания других регионов ПФО. Несмотря на 4-е место, у Пермского края есть определенные шансы занять к 2030 году 2-е или 3-е место в случае неполного достижения плановых значений Нижегородской и Самарской областями: как и в рассмотренной ранее Стратегии социально-экономического развития ПФО на период до 2020 года, эти значения несколько выше средних по округу, что можно учесть при установлении целевых параметров разрабатываемой Стратегии развития Пермского края до 2035 года (особое внимание необходимо уделить инвестиционной сфере, учитывая отсутствие планируемого роста инвестиций в основной капитал в сопоставимом виде в прогнозе региона до 2025 года). Из рассмотренных пяти регионов только Республике Башкортостан будет не хватать заложенных темпов роста для сохранения своего положения в рейтинге (снижение значений индекса с 1,412 в 2010-м до 1,275 к 2030 году), что требует выработки обновленных мер для возможности пересмотра показателей в большую сторону. При этом высока вероятность недостижения по уже утвержденным значениям до 2030 года (например, для реализации в Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан плана на 2030 год по индикатору ожидаемой продолжительности жизни необходимо скорректировать его значения на 2024–2029 годы, что представляется затруднительным в силу многоаспектности показателя и значительной инерционности его динамики).

Резюмируя итоги проведенного исследования, к основным проблемам повышения качества системы стратегического планирования регионов можно отнести:

Таблица 3 / Table 3

Исходные данные для расчета индекса качества стратегического планирования регионов ПФО за период 2010–2020 годов и его целевых значений на 2025 и 2030 годы / Initial data for calculating the quality index of strategic planning in the Volga Federal District regions for 2010–2020 and its target values for 2025 and 2030

Регион	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.
	Исходные значения показателей					Нормированные значения показателей				
ВРП на душу населения, тыс. руб./чел. (в ценах соответствующих лет)						ВРП на душу населения, ед.				
Нижегородская область	196,8	338,3	497,4	772,5	1 602,0	1,537	1,482	1,541	1,582	2,000
Республика Татарстан	264,6	483,5	675,6	1 055,0	1 563,3	2,000	2,000	2,000	2,000	1,965
Самарская область	216,2	394,1	505,1	846,6	1 346,8	1,670	1,681	1,561	1,691	1,767
Пермский край	235,9	403,6	541,9	828,9*	1 237,0*	1,805	1,715	1,656	1,665	1,666
Республика Башкортостан	186,5	323,4	425,2	694,8	898,6	1,467	1,429	1,355	1,467	1,357
Объем инвестиций в основной капитал на душу населения, тыс. руб./чел. (в ценах соответствующих лет)						Объем инвестиций в основной капитал на душу населения, ед.				
Республика Татарстан	86,9	159,8	155,4	214,3	504,7	2,000	2,000	2,000	2,000	2,000
Нижегородская область	57,9	72,0	120,1	170,5	377,9	1,526	1,249	1,686	1,708	1,700
Самарская область	48,0	94,4	88,0	178,6	369,2	1,364	1,441	1,399	1,762	1,680
Пермский край	52,9	85,8	107,5	174,5*	376,3*	1,444	1,367	1,573	1,734	1,696
Республика Башкортостан	37,7	78,0	90,9	149,9	305,2	1,197	1,301	1,425	1,571	1,528
Ожидаемая продолжительность жизни, лет						Ожидаемая продолжительность жизни, ед.***				
Республика Татарстан	70,4	72,8	72,6	79,1	80,0	2,000	2,000	2,000	2,000	1,723
Нижегородская область	67,0	70,2	70,3	71,7	79,8**	1,114	1,290	1,245	1,072	1,660
Самарская область	68,1	70,4	70,5	77,5	80,0	1,405	1,339	1,285	1,802	1,723
Пермский край	66,6	69,1	69,6	нет данных	нет данных	1,000	1,000	1,000	1,000****	1,000****

Регион	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.
	Исходные значения показателей					Нормированные значения показателей				
Республика Башкортостан	68,9	70,1	70,4	71,1	77,1	1,603	1,266	1,255	1,000	1,000

Примечание: * – оценка автора на основе сценарных условий прогноза социально-экономического развития Пермского края до 2025 г.; ** – рассчитано как среднеарифметическое значение показателя по области за 2025 и 2035 гг.; *** – из расчета максимума на 2030 г. в размере 81,1 года (Пензенская область); **** – допущение о высокой вероятности сохранения значений показателя на уровне предыдущих лет.

Источник: Росстат (Регионы России), среднесрочные и долгосрочные прогнозы социально-экономического развития регионов ПФО, стратегии социально-экономического развития регионов ПФО.

1) невысокое качество прогнозирования плановых значений целевых индикаторов реализации документов стратегического планирования, что ведет к систематическому недостижению установленных ориентиров социально-экономического развития территорий, распространению управленческой культуры формализации принятия и исполнения заложенных мероприятий;

2) рассинхронизацию целей и задач, указанных в различных документах стратегического планирования на региональном уровне, вследствие отсутствия основополагающих федеральных стратегий или «запаздывания» с их принятием, что распыляет ограниченные ресурсы и снижает потенциальные возможности получения синергетического эффекта от межрегиональной кооперации для социально-экономического развития страны в целом;

3) отсутствие на должном уровне координации деятельности участников стратегического планирования в силу забюрократизированности межведомственного взаимодействия, что ставит вопрос о необходимости образования соответствующего координирующего органа для нивелирования размывания ответственности за достижение конечного результата реализации стратегических документов между ведомствами, отвечающими только за отдельные составляющие этого результата;

4) разрозненность форматов представления данных. Особую актуальность приобрела задача унификации формы изложения прогнозных данных в различных документах стратегического планирования. Сложность систематизации и приведения к единообразному виду плановых данных по регионам ПФО на 2025 и 2030 годы свидетельствует о необходимости возобновления опыта принятия стратегий федеральных округов (при этом необходимо синхронизировать данный процесс с разработкой стратегии развития Российской Федерации) и планов мероприятий по их реализации, где значения основных показателей по ключевым направлениям социально-экономического развития территорий будут сформированы в едином формате в соответствии с требованиями пункта 45 указа Президента Российской Федерации⁹, а дополнительные индикаторы, наиболее полно отражающие специфику региона и видение региональными властями образа будущего, могут быть представлены в менее зарегулированной из федерального центра форме.

Одним из ключевых направлений решения обозначенных выше проблем повышения качества системы стратегического планирования в субъектах Российской Федерации является совершенствование ее нормативно-методологического и информационно-аналитического обеспечения. Речь прежде всего о разработке обновленного методического инструментария, который должен обеспечивать выполнение ряда задач: во-первых, прогнозирования в контексте формирования для лиц, принимающих решения, исчерпывающего свода информации о количественно-качественных параметрах желаемого образа будущего; во-вторых, моделирования последствий принимаемых решений в виде сценарной оценки комплексного эффекта в слу-

⁹ Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 08.11.2021 № 633. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402915816/> (дата обращения: 05.05.2023).

чае достижения целевых социально-экономических и других индикаторов для экономики и населения региона; в-третьих, повышения уровня координации по вертикальным и горизонтальным управленческим связям между участниками стратегического планирования разнородных территориальных образований в целях получения синергетического эффекта от развития стратегических проектов в области импортозамещения, укрепления технологического суверенитета и повышения конкурентоспособности отечественной экономики в целом на базе межрегиональной кооперации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнительный анализ результатов социально-экономического развития регионов ПФО, полученных за период 2010–2020 годов, с плановыми значениями Стратегии социально-экономического развития ПФО до 2020 года позволил выявить:

- необходимость более тщательного подхода к планированию целевых значений показателей развития территорий, так как достижение установленных ориентиров отмечается только по некоторым индикаторам отдельными регионами (общая результативность указанных в таблице 1 целевых индикаторов по ПФО в целом за анализируемый период составила только 6 %);

- вхождение в число регионов, обладающих наиболее высокими результатами достижения целевых параметров (при соблюдении двух условий: во-первых, плановые значения показателя по региону выполнены; во-вторых, в случае более низких плановых значений по региону, чем в среднем по ПФО, фактические значения показателя не ниже средних плановых значений по ПФО), Пензенской области (по показателям индекса промышленного производства, индекса объема продукции сельского хозяйства), Республики Марий Эл и Ульяновской области (по индексу объема продукции сельского хозяйства);

- наличие в качестве основных факторов, влияющих на качество стратегического планирования регионов, таких индикаторов, как индекс физического объема инвестиций в основной капитал и реальные располагаемые доходы населения, имеющие наибольшую степень отклонения от планового уровня (по ПФО в среднем на 8,0 и 6,6 % соответственно).

В силу многогранности процесса организации и реализации стратегического планирования, а также ограниченного объема статьи были проанализированы в основном нормативно-правовые аспекты и непосредственные результативные составляющие данной системы. Однако, согласно федеральному законодательству, система стратегического планирования как механизм обеспечения согласованного взаимодействия ее участников включает в себя также использование инструментов «информационного, научно-методического... обеспечения»¹⁰. В этой связи актуальным направлением дальнейших исследований является разработка обновленных инструментальных средств такого обеспечения, позволяющих повысить качество системы страте-

¹⁰ О стратегическом планировании в Российской Федерации ... Ч. 9 ст. 3.

гического планирования в части более эффективной организации процессов межведомственного, межагентного взаимодействия и согласования при разработке, принятии и реализации документов стратегического планирования федерального и регионального уровней, а также оценки для различных сфер социально-экономического развития субъектов Российской Федерации вероятных последствий от реализации того или иного сценария, что будет способствовать принятию более обоснованных управленческих решений в области стратегического планирования.

Список источников

Артемова Д. И. Стратегическое планирование в регионах как предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 18–28. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2021-3-2>.

Афиногенов Д. А., Кочемасова Е. Ю., Сильвестров С. Н. Стратегическое планирование: проблемы и решения // Мир новой экономики. 2019. Т. 13, № 2. С. 23–31. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-2-23-31>.

Бухвальд Е. М. «Основы государственной политики в сфере стратегического планирования»: нерешенные проблемы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 1. С. 32–49. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_1_32_49.

Дмитриев М. Э., Крапиль В. Б. Стратегическое планирование на распутье: старые вызовы и новые возможности // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 2. С. 39–59. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_2_39_59.

Ермилина Д. А. Стратегическое планирование в России: история и современность // Проблемы рыночной экономики. 2016. № 1. С. 4–10.

Золотарева А. Б., Соколов И. А. Проблемы и пути совершенствования системы стратегического планирования в России // Экономическая политика. 2018. Т. 13, № 5. С. 8–23. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2018-5-8-23>.

Зотов В. Б., Милькина И. В. Стратегическое планирование в муниципальном образовании: проблемы и повышение эффективности // Муниципальная академия. 2020. № 2. С. 122–126.

Карпов В. К., Лылов А. С. О проблемах стратегического планирования в России // Теория и практика мировой науки. 2020. № 3. С. 2–9.

Клейнер Г. Б., Рыбачук М. А., Карпинская В. А. Стратегическое планирование и системная оптимизация национальной экономики // Проблемы прогнозирования. 2022. № 3. С. 6–15. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-192-6-15>.

Климанов В. В., Сафина А. И. Вариативность в документах стратегического планирования в стране // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2017. № 1. С. 46–65.

Кочиева А. К. Особенности и проблемы стратегического планирования развития экономики России // Экономика: теория и практика. 2019. № 2. С. 28–33.

Кузнецов Н. В., Побываев С. А. Мониторинг разработки и реализации документов стратегического планирования: ключевые аспекты // Общество:

политика, экономика, право. 2020. № 5. С. 56–61. <https://doi.org/10.24158/rep.2020.5.9>.

Ленчук Е. Б. Стратегическое планирование в России: проблемы и пути решения // Инновации. 2020. № 2. С. 24–28. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.256.2.003>.

Назаров В. П., Афиногенов Д. А. Стратегическое планирование в России: новый этап развития // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 32–46. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.04>.

Тишкина Т. М. Взаимосвязь стратегического планирования с другими видами планирования на местном уровне // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9, № 11В. С. 494–505. <https://doi.org/10.34670/AR.2019.92.10.004>.

Цыбатов В. А. Стратегическое планирование энергоэффективного развития субъекта Российской Федерации // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 3. С. 941–954. <https://doi.org/10.17059/2018-3-18>.

Ejigu M. E., Desalegn T. A. How does strategic planning influence the performance of financial institutions? An empirical study of Ethiopia // IIMB Management Review. 2023. Vol. 35, № 1. P. 26–39. <https://doi.org/10.1016/j.iimb.2023.03.003>.

Flores-Tapia C. E., Pérez-González M. C., Maza-Ávila, F. J. et al. Public policy guidelines for a comprehensive, territorial and sustainable development to improve productivity and competitiveness. Case Tungurahua province–Ecuador // Heliyon. 2023. Vol. 9, № 5. Art. № e15426. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e15426>.

Hickman H., While A. Housing and the politics of Nationally Strategic Infrastructure Planning in England // Land Use Policy. 2023. Vol. 124. Art. № 106429. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2022.106429>.

Iglesias-Pascual R., Benassi F., Hurtado-Rodríguez C. Social infrastructures and socio-economic vulnerability: A socio-territorial integration study in Spanish urban contexts // Cities. 2023. Vol. 132. Art. № 104109. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2022.104109>.

Lingua V., Caruso E. Futures Literacy as a reading key for strategic spatial planning: A community learning process for defining shared futures in the Ombrone River Agreement // Futures. 2022. Vol. 140. Art. № 102935. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2022.102935>.

Morretta V. Territorial capital in local economic endogenous development // Regional Science Policy and Practice. 2021. Vol. 13, № 1. P. 103–119. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12317>.

Muñoz L. A., Rodríguez Bolívar M. P., Muñoz C. A. Political determinants in the strategic planning formulation of smart initiatives // Government Information Quarterly. 2023. Vol. 40, № 1. Art. № 101776. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2022.101776>.

Shearmur R., Bonnet N. Does local technological innovation lead to local development? A policy perspective // Regional Science Policy and Practice. 2011. Vol. 3, № 3. P. 249–270. <https://doi.org/10.1111/j.1757-7802.2011.01040.x>.

Yanbo Q., Shilei W., Yaya T. et al. Territorial spatial planning for regional high-quality development – An analytical framework for the identification, mediation and transmission of potential land utilization conflicts in the Yellow River Delta // Land Use Policy. 2023. Vol. 125, № 2. Art. № 106462. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2022.106462>.

Информация об авторе

П. А. Иванов – кандидат экономических наук, заведующий сектором региональных финансов и бюджетно-налоговой политики Института социально-экономических исследований – обособленного структурного подразделения ФГБНУ Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, 450054, Россия, г. Уфа, пр-т Октября, 71

SPIN-код (РИНЦ): 6218-2770

AuthorID (РИНЦ): 702588

Web of Science ResearcherID: O-4496-2015

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 16.06.2023; одобрена после рецензирования 18.07.2023; принята к публикации 18.07.2023.

References

Artemova, D. I. (2021), "Strategic planning in the regions as an object of joint administration in the Russian Federation and its subjects", *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*, no. 3, pp. 18–28, <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2021-3-2>.

Afinogenov, D. A., Kochemasova, E. Yu. and Silvestrov, S. N. (2019), "Strategic planning: Challenges and solutions", *World of the New Economy*, vol. 13, no. 2, pp. 23–31, <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-2-23-31>.

Buchwald, E. M. (2022), "Unresolved issues of "Public policy framework for strategic planning", *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no. 1, pp. 32–49, https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_1_32_49.

Dmitriev, M. and Krapil', V. (2022), "Strategic planning at the crossroads: Old challenges and new opportunities", *Issues of Economic Theory*, no. 2, pp. 39–59, https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_2_39_59.

Ermilina, D. A. (2016), "Strategic planning in Russia: History and modernity", *Market Economy Problems*, no. 1, pp. 4–10.

Zolotareva, A. B. and Sokolov, I. A. (2018), "Problems and ways of improving the system of strategic planning in Russia", *Economic Policy*, vol. 13, no. 5, pp. 8–23, <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2018-5-8-23>.

Zotov, V. B. and Milkina, I. V. (2020), "Strategic planning in municipal education: Challenges and improvement of efficiency", *Municipal Academy*, no. 2, pp. 122–126.

Karpov, V. K. and Lylov, A. S. (2020), "On the problems of strategic planning in Russia", *Theory and Practice of the World Science*, no. 3, pp. 2–9.

Kleiner, G. B., Rybachuk, M. A. and Karpinskaya, V. A. (2022), "Strategic planning and systemic optimization of the national economy", *Studies on Russian Economic Development*, no. 3, pp. 6–15, <https://doi.org/10.47711/0868-6351-192-6-15>.

Klimanov, V. V. and Safina, A. I. (2017), "Variability in the strategic planning documents in the country", *Management and Business Administration*, no. 1, pp. 46–65.

Kochieva, A. K. (2019), "Features and problems of strategic planning in the development of Russian economy", *Economy: Theory and Practice*, no. 2, pp. 28–33.

Kuznetsov, N. V. and Pobyaev, S. A. (2020), "Monitoring the development and implementation of strategic planning documents: Key aspects", *Society: Politics, Economics, Law*, no. 5, pp. 56–61, <https://doi.org/10.24158/pep.2020.5.9>.

Lenchuk, E. B. (2020), "Strategic planning in Russia: Challenges and solution", *Innovations*, no. 2, pp. 24–28, <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.256.2.003>.

Nazarov, V. P. and Afinogenov, D. A. (2022), "Strategic planning in Russia: A new stage of development", *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 32–46, <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.04>.

Tishkina, T. M. (2019), "The relationship of strategic planning with other types of planning at the local level", *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, vol. 9, no. 11B, pp. 494–505, <https://doi.org/10.34670/AR.2019.92.10.004>.

Tsybatov, V. A. (2018), "Strategic planning of energy-efficient development of a region of the Russian Federation", *Economy of Regions*, vol. 14, no. 3, pp. 941–954, <https://doi.org/10.17059/2018-3-18>.

Ejigu, M. E. and Desalegn, T. A. (2023), "How does strategic planning influence the performance of financial institutions? An empirical study of Ethiopia", *IIMB Management Review*, vol. 35, no. 1, pp. 26–39, <https://doi.org/10.1016/j.iimb.2023.03.003>.

Flores-Tapia, C. E., Pérez-González, M. C., Maza-Ávila, F. J. et al. (2023), "Public policy guidelines for a comprehensive, territorial and sustainable development to improve productivity and competitiveness. Case Tungurahua province–Ecuador", *Heliyon*, vol. 9, no. 5, art. no. e15426, <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e15426>.

Hickman, H. and While, A. (2023), "Housing and the politics of Nationally Strategic Infrastructure Planning in England", *Land Use Policy*, vol. 124, art. no. 106429, <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2022.106429>.

Iglesias-Pascual, R., Benassi, F. and Hurtado-Rodríguez, C. (2023), "Social infrastructures and socio-economic vulnerability: A socio-territorial integration study in Spanish urban contexts", *Cities*, vol. 132, art. no. 104109, <https://doi.org/10.1016/j.cities.2022.104109>.

Lingua, V. and Caruso, E. (2022), "Futures literacy as a reading key for strategic spatial planning: A community learning process for defining shared futures in the Ombrone River Agreement", *Futures*, vol. 140, art. no. 102935, <https://doi.org/10.1016/j.futures.2022.102935>.

Morretta, V. (2021), "Territorial capital in local economic endogenous development", *Regional Science Policy and Practice*, vol. 13, no. 1, pp. 103–119, <https://doi.org/10.1111/rsp3.12317>.

Muñoz, L. A., Rodríguez Bolívar, M. P. and Muñoz, C. A. (2023), "Political determinants in the strategic planning formulation of smart initiatives", *Government Information Quarterly*, vol. 40, no. 1, art. no. 101776, <https://doi.org/10.1016/j.giq.2022.101776>.

Shearmur, R. and Bonnet, N. (2011), "Does local technological innovation lead to local development? A policy perspective", *Regional Science Policy and Practice*, vol. 3, no. 3, pp. 249–270, <https://doi.org/10.1111/j.1757-7802.2011.01040.x>.

Yanbo, Q., Shilei, W., Yaya, T. et al. (2023), "Territorial spatial planning for regional high-quality development – An analytical framework for the identification, mediation and transmission of potential land utilization conflicts in the Yellow River Delta", *Land Use Policy*, vol. 125, no. 2, art. no. 106462, <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2022.106462>.

Information about the author

P. A. Ivanov – Candidate of Economics, Head of the Regional Finance and Fiscal Policy Sector, Institute of Social and Economic Researches – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 71 October Ave., Ufa, 450054, Russia

SPIN-code (RSCI): 6218-2770

AuthorID (RSCI): 702588

Web of Science ResearcherID: O-4496-2015

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 16.06.2023; approved after reviewing 18.07.2023; accepted for publication 18.07.2023.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 673–700.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 4, pp. 673–700.

Научная статья

УДК 332.1

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-673-700>

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Елена Александровна Ляшенко¹, Андрей Дмитриевич Жуковский²✉,
Светлана Григорьевна Пьянкова³

^{1,3}Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹lyashea@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1849-9682>

²adzhukovskij@fa.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-5383-2156>

³silens_06@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7072-9871>

Аннотация. Введение: институциональная среда инновационной деятельности представляет собой множество институтов, продуцирующих условия для создания и коммерциализации инноваций. Контур институциональной среды в пределах территории определяется региональными особенностями, которые формируются политическими, правовыми, экономическими, социальными институтами и их взаимодействиями. Высокий инновационный потенциал региона может быть обусловлен только качественной институциональной средой. **Цель:** выявление институциональных возможностей, влияющих на инновационный потенциал региона и результаты инновационной деятельности. **Методы:** статистический анализ, контент-анализ. **Результаты:** для исследования выбирались регионы с разным социально-экономическим инновационным уровнем развития. Было определено, что в наиболее инновационных регионах показатели, характеризующие инновационный потенциал территории, высокие (в частности, это человеческий капитал, основные фонды, затраты на инновационную деятельность). В таких регионах создана более качественная институциональная среда, которая способствует получению более весомых результатов инновационной деятельности. Напротив, в регионах, где отсутствуют какие-либо институты инновационной деятельности, наблюдаются низкие значения данных показателей. **Выводы:** на инновационный потенциал и результаты инновационной деятельности в регионе влияет множество институтов, среди которых значимы система стратегического планирования, законодательная база, финансовое обеспечение, инструменты государственного регулирования, наука и образование. Качество институциональной среды зависит не только от наличия необходимых институтов, но также и от степени их исполнения.

Ключевые слова: регион, инновации, институты, институциональная среда, сравнительный анализ

Для цитирования: Ляшенко Е. А., Жуковский А. Д., Пьянкова С. Г. Институциональные аспекты влияния инновационного потенциала региона на результаты инновационной деятельности // Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 673–700. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-673-700>.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

INSTITUTIONAL ASPECTS OF THE REGION'S INNOVATIVE POTENTIAL INFLUENCE ON THE INNOVATION ACTIVITY RESULTS

Elena A. Lyashenko¹, Andrei D. Zhukovskii²✉, Svetlana G. Pyankova³

^{1,3} Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ lyashea@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1849-9682>

² adzhukovskij@fa.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-5383-2156>

³ silen_06@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7072-9871>

Abstract. Introduction: the innovation activity institutional environment is represented by set of institutions that produce conditions for creation and commercialization of innovations. The institutional environment outline within a territory is shaped by regional specificity formed by political, legal, economic, social institutions and their interactions. A high innovative potential of a region can only result from a high-quality institutional environment. **Objectives:** identification of institutional opportunities that affect the region's innovation potential and the results of innovation activities. **Methods:** statistical analysis, content analysis. **Results:** the study covered regions with different socio-economic and innovative levels of development. The most innovative regions were found to have high indicators characterizing the innovative potential of the territory (in particular, human capital, fixed assets, costs of innovative activities, etc.). These regions have created a better institutional environment which provides for higher results of innovation activities. On the contrary, the regions lacking innovation activity institutions show low values of indicators characterizing the innovation potential and the results of commercialization of innovations. **Conclusions:** the innovation potential and the results of innovation activity in the region are influenced by many institutions, notably strategic planning system, the legislative framework, financial support, instruments of state regulation, science and education. The quality of institutional environment depends not only on the availability of the necessary institutions, but also on the degree of their implementation.

Keywords: region, innovations, institutions, institutional environment, comparative analysis

For citation: Lyashenko, E. A., Zhukovskii, A. D. and Pyankova, S. G. (2023), "Institutional aspects of the region's innovative potential influence on the innovation activity results", *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 4, pp. 673–700, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-673-700>.

ВВЕДЕНИЕ

Довольно давно доказано, что инновационная деятельность является важнейшей составляющей социально-экономического развития любой территории. Инновации – это ключевой фактор конкурентоспособности региона. Сегодня, в условиях макроэкономической нестабильности и неопределенности, необходимо повышать уровень инновационного потенциала, используя для этого все институциональные возможности внешней и внутренней среды региона.

Институциональная платформа для развития инновационной деятельности формируется комплексом институтов. Отметим в этом процессе фундаментальную роль государства, которое задает импульс развитию инсти-

туциональной среды (Клейнер и Петросян, 2005, с. 52). Отметим также, что институциональная среда для развития инновационной деятельности должна быть эффективной. Для этого необходимо обеспечить результативное функционирование всех институтов, их согласованность и взаимодействие в пространстве региона.

Все регионы различаются по уровню социально-экономического развития, а значит, и по инновационному потенциалу и результатам инновационной деятельности, что приводит к неравенству регионов. Поэтому важно на основе оценки институциональных возможностей каждого из них определить векторы дальнейшего становления инновационной деятельности для формирования эффективных стратегий развития региональной экономики.

Цель данной работы – исследование институциональных возможностей региона, обуславливающих его инновационный потенциал и получаемые результаты инновационной деятельности. Объектами исследования являются субъекты Российской Федерации.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическим вопросам исследования инновационного потенциала и инновационной деятельности посвящено множество научных трудов зарубежных и отечественных авторов.

Толкование сущности инновационного потенциала региона, с одной стороны, является простым, с другой стороны, вызывает разногласия среди исследователей, поскольку различны методические подходы к измерению его уровня. Например, существует ряд показателей, статистический учет которых не вызывает трудностей, однако они, имея даже высокие значения, не могут обеспечить высокий уровень инновационного развития региона. К таким показателям относится, в частности, количество патентов. И наоборот, показатели, которые более точно позволяют определить уровень инновационного потенциала, сложны в расчете – например, уровень знаний обучающихся в вузах (Сотникова, 2021, с. 67).

Множество точек зрения имеется в отношении трактования термина «инновационный потенциал региона». Одни авторы понимают его как совокупность различных ресурсов, используемых с целью инновационного развития (Нестерова, 2012, с. 151); другие – как совокупность ресурсов и условий для их использования (Грицаенко, 2013, с. 53); третьи – как способность региона самореализовываться в сфере инновационной деятельности (Кравченко и Кладченко, 2003, с. 88).

Упоминание термина «инновационный потенциал региона» в законодательных и нормативных правовых актах носит точечный характер; отсутствует официально закрепленное определение. В документах федерального уровня преимущественно говорится об инновационном потенциале науки, системы образования или отрасли. Среди нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации отметим Закон Свердловской области «О Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030

годы»¹, в котором регламентируются механизмы создания условий для повышения конкурентоспособности инновационного потенциала экономики данного региона. В большинстве других субъектов Российской Федерации аналогичные нормы закончили свое действие, новые же до сих пор не приняты.

В настоящей статье инновационный потенциал региона определяется как совокупность ресурсов и институциональной среды, продуцирующей необходимые условия для их использования с целью развития на территории инновационной деятельности, ключевым процессом которой является коммерциализация инноваций. От инновационного потенциала зависит результативность данного процесса.

К институциональной среде относится «комплекс правил и норм, регулируемых различными институциональными механизмами, соглашениями, представленными в виде институтов, взаимодействующих в рассматриваемом виде деятельности» (Попов и др., 2019, с. 52). Институциональная среда предполагает наличие множества связей между институтами. Важность данного аспекта неоспорима. В любой региональной инновационной системе неотъемлемым элементом являются взаимодействия между участниками инновационной деятельности (Doloreux and Parto, 2005, p. 134). Доказано, что созданные в стране институциональные условия и тенденции экономического роста имеют сильную связь (Marinko et al., 2021, p. 521–522).

Роль институтов в формировании инновационного пространства весьма сложна и многоаспектна, что обусловлено их многофункциональностью. Инновации являются ключевым каналом, посредством которого институты в конечном итоге влияют на экономический рост территории (Donges et al., 2023, p. 1951). Основной функцией любого института является «создание, поддержание и структурирование повторяющихся взаимодействий между людьми» (Вольчик и Маслюкова, 2022, с. 27). Каркас институциональной среды формируется институтами, продуцирующими соответствующие условия для развития инноваций на территории. К ним отнесем политические, правовые, экономические, социальные институты. Рассмотрим их подробнее.

Политические институты определяют стратегические приоритеты и направления развития инноваций. Среди таких институтов, задающих импульс инновационному развитию в нашей стране, отметим Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»², Стратегию инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года³,

¹ О Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 годы [Электронный ресурс]: Закон Свердл. обл. от 21.12.2015 № 151-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/429024960> (дата обращения: 15.07.2023).

² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 07.05.2018 № 204. URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 13.07.2023).

³ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]: утв. Распоряжением Правительства Рос. Федерации от 08.12.2011 № 2227-п. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124/> (дата обращения: 13.07.2023).

Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации⁴. В них регламентируются такие институциональные механизмы развития инноваций, как информационная поддержка, финансирование, обеспечение спроса на инновационную продукцию, поддержка экспорта, создание инновационной инфраструктуры⁵.

Эволюция и современное состояние национальных инновационных систем во многом связаны с политическими институтами, которые преобладали в определенные исторические периоды. Централизация политического управления во многих случаях приводит к сдерживанию распространения инноваций, и, напротив, децентрализация и автономия – к активизации данного процесса (Аузан и др., 2019, с. 80–81). Институционализация инновационных процессов должна обеспечиваться государственными институтами с учетом политических последствий (Hjelmar, 2021, p. 53).

Правовые институты регулируют права и обязанности участников инновационного процесса, защищают интеллектуальную собственность и обеспечивают правовую защиту развития и коммерциализации инноваций. Законодательная база является комплексной и включает в себя общие и специальные нормативно-правовые акты. Общие содержат государственные требования к осуществлению предпринимательской деятельности, а также нормы, регламентирующие ее виды и организационно-правовую форму; специальные распространяются непосредственно на инновационную деятельность, в частности на функционирование особых экономических зон, малых инновационных предприятий и т. п. (Игнатова и Глушенко, 2020, с. 55–57).

Значимыми правовыми институтами для развития инноваций считаются федеральные законы «О науке и государственной научно-технической политике»⁶, «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части формирования благоприятных налоговых условий для финансирования инновационной деятельности»⁷ и «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸.

Эффективность реализуемых мер по развитию инновационной деятельности обеспечивается соответствующими правовыми механизмами, поэтому

⁴ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 01.12.2016 № 642. URL: <https://base.garant.ru/71551998/> (дата обращения: 13.07.2023).

⁵ О полномочиях федеральных органов исполнительной власти в области государственной поддержки инновационной деятельности [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 16.11.2012 № 1172. URL: <https://base.garant.ru/70259732/> (дата обращения: 13.07.2023).

⁶ О науке и государственной научно-технической политике [Электронный ресурс]: Федер. закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/135919/> (дата обращения: 11.07.2023).

⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части формирования благоприятных налоговых условий для финансирования инновационной деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон от 19.07.2007 № 195-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/12154873/> (дата обращения: 11.07.2023).

⁸ Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 29.07.2017 № 216-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/71732778/> (дата обращения: 11.07.2023).

необходимо перманентно осуществлять мониторинг ситуации в данной сфере с целью определения неэффективных правовых институтов и их дальнейшей корректировки (Давыдова, 2018, с. 21–22).

Совокупность **экономических институтов**, формирующих инновационный потенциал территории, обширна. Отнесем к ним финансовые, кредитные, налоговые, инвестиционные механизмы, спрос на инновации и т. п. Значение их весьма велико, поскольку результативность инновационной деятельности находится в прямой зависимости от эффективности институтов финансирования любой организационной формы, о чем говорят все исследователи, как отечественные, так и зарубежные, подтверждая свою позицию статистическими данными (Булатова и др., 2021; Паштова, 2021; Поздняков, 2021; Chang et al., 2022; Charfeddine and Zaouali, 2022). Экономические условия оказывают влияние на инвестиционные возможности, которые обеспечивают соответствующий уровень инновационного развития, а значит и производительности труда; однако, модели такого влияния различаются в зависимости от институциональной среды (Gogokhia and Berulava, 2021).

В условиях цифровизации появляются новейшие институты, продуцирующие финансовые условия развития инноваций. В частности, это краудфандинг и цифровые ценные бумаги (Зотов и Абдикеев, 2021).

Ключевой проблемой развития инновационной деятельности в России является низкий уровень денежных потоков в данную сферу. Так, совокупные затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в расчете на душу населения в нашей стране в семь раз ниже, чем в Швейцарии, которая занимает одно из ведущих мест в рейтинге «Глобальный инновационный индекс» 2022 года. Такой объем финансирования крайне низок и недостаточен для увеличения инновационной активности (Белозеров и Заболоцкая, 2021, с. 115). Кроме того, существует проблема неэффективных институтов финансирования, которая проявляется в малом или отсутствующем влиянии целевых программ по развитию инноваций на валовой внутренний продукт (Егорова и Ужегов, 2019, с. 80).

Социальные институты, формирующие соответствующие условия для осуществления инновационной деятельности, включают в первую очередь систему образования и науки, сложившуюся на конкретной территории. Также к этой группе следует отнести неформальные институты, оказывающие влияние на результативность инноваций: мотивы инновационной деятельности, ценности и представления, доверие, координация инновационных процессов (Малкина и др., 2014, с. 31–36).

Институциональная среда, формируемая на конкретной территории, определяется факторами трех уровней: мировыми процессами, федеральной политикой и региональными особенностями. К последним можно отнести систему образования, развитость высокотехнологичного сектора, географическое положение, доступность инновационной инфраструктуры, динамизм предпринимателей, потребность в инновациях, заинтересованность властей в развитии инноваций и другие особенности (Голова и Суховей, 2019, с. 1301).

Безусловно, институциональная среда является сложным пространством, многовекторным и многоэлементным. В этой связи настоящее исследование

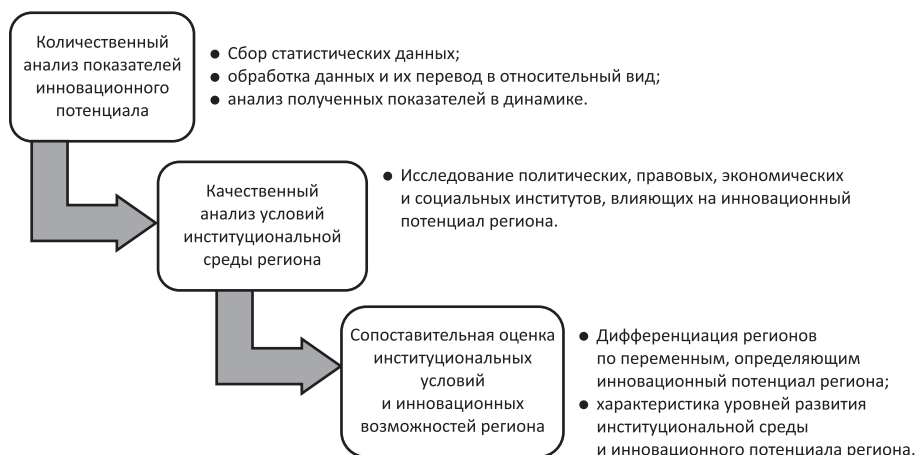

Рис. 1. Алгоритм количественно-качественного анализа инновационного потенциала региона / Fig. 1. The algorithm of the region's innovative potential quantitative and qualitative analysis

Источник: составлено авторами.

ориентировано на определение необходимой для инновационной деятельности институциональной среды, а именно ее ключевых элементов, обуславливающих различие регионов по уровню инновационного потенциала.

Системный подход, на котором базируется данное исследование, включает сравнительный анализ и оценку ряда важнейших показателей и институтов в области развития инноваций в ряде субъектов Российской Федерации. Необходимо подчеркнуть, что абсолютные экономические показатели находятся в зависимости от масштабов региональной экономики и не всегда позволяют корректно оценить динамику развития регионов в сравнении, поэтому логичнее полагаться на относительные показатели: их расчет основан на использовании официальных статистических данных, характеризующих как инновационный потенциал, так и результативность инновационной деятельности на территории изучаемого региона.

Оценка инновационного потенциала и результатов инновационной деятельности производилась на основании следующих статистических показателей:

- численность населения;
- численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками;
- уровень инновационной активности организаций;
- затраты на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг;
- объем инновационных товаров, работ, услуг;
- среднегодовое наличие основных фондов;
- коэффициент изобретательской активности.

Исследование институциональных возможностей региона проводилось посредством контент-анализа нормативной правовой базы и выявления механизмов развития инновационной деятельности в субъекте Российской

Федерации. Кроме того, была выполнена сравнительная оценка образовательного потенциала рассматриваемой территории на основе таких статистических показателей, как количество высших учебных заведений (в том числе филиалов), численность обучающихся по программам высшего образования, среднесписочная численность работников, выполнявших научные исследования и разработки.

Алгоритм настоящего исследования включает несколько этапов (рис. 1).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основе выбора объектов исследования лежит Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации⁹ (далее – Рейтинг), составленный Высшей школой экономики в 2021 году. Были выбраны регионы в каждой из четырех групп Рейтинга, а именно: I группа – Республика Татарстан и Томская область; II – Свердловская область, Пермский край, Тульская область; III – Ставропольский край, Курганская область; IV – Республика Дагестан и Чукотский автономный округ. Отметим, что по всем регионам, включенным в IV группу Рейтинга, возникли сложности со сбором статистической информации, поскольку данные либо являются конфиденциальными, либо, за редким исключением, отсутствуют. Показатели, представленные в таблицах 1–4 и на рисунке 1, приведены к относительному измерению или уже являются таковыми по умолчанию, поскольку социально-экономическое состояние исследуемых регионов различно и сравнение именно относительных величин более корректно.

Человеческий капитал – это неотъемлемый элемент инновационного потенциала региона. В таблице 1 отражена динамика изменения численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, на 10 тыс. населения за период с 2017 по 2021 год.

Как видно из таблицы 1, наибольшим инновационным потенциалом в плане человеческого капитала обладают такие регионы, как Республика Татарстан, Томская область, Свердловская область, Пермский край и Тульская область. В Ставропольском крае, Курганской области, Республике Дагестан на 10 тыс. населения приходится меньше 10 человек, занятых научными исследованиями и разработками. По Чукотскому автономному округу последние данные относятся к 2010 году, в котором это соотношение составляло 3,4 человека. Значение показателя превосходит общероссийский уровень только в Томской (практически в два раза) и Свердловской областях. Согласно цепному темпу роста общероссийский показатель ежегодно снижается. Ни один из регионов не продемонстрировал положительное значение прироста.

⁹ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Офиц. сайт НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir> (дата обращения: 11.07.2023).

Таблица 1 / Table 1

Динамика изменения численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, на 10 тыс. населения, чел. / Dynamics of the ratio of the number of personnel engaged in scientific research and development, per 10 thousand population, person

Субъект Российской Федерации		2017 г.	2018 г.	Темп роста (цепной), %	2019 г.	Темп роста (цепной), %	2020 г.	Темп роста (цепной), %	2021 г.	Темп роста (цепной), %
Российская Федерация		48,2	46,5	-3,5	46,5	0,0	46,3	-0,4	45,3	-2,2
I	Республика Татарстан	31,6	32,5	2,8	33,9	4,3	33,1	-2,4	33,1	0,0
	Томская область	86,3	91,9	6,5	89,7	-2,4	92,1	2,7	89,9	-2,4
II	Свердловская область	49,0	47,6	-2,9	48,7	2,3	48,6	-0,2	47,1	-3,1
	Пермский край	39,4	37,7	-4,3	38,7	2,7	36,9	-4,7	37,8	2,4
	Тульская область	27,8	28,2	1,4	30,4	7,8	29,9	-1,6	32,8	9,7
III	Ставропольский край	9,4	9,6	2,1	8,9	-7,3	9,0	1,1	9,0	0,0
	Курганская область	7,4	7,4	0,0	7,7	4,1	8,3	7,8	8,4	1,2
IV	Республика Дагестан	5,5	5,1	-7,3	4,6	-9,8	4,8	4,3	4,2	-12,5
	Чукотский АО	н/д	н/д	-	н/д	-	н/д	-	н/д	-

Примечание: здесь и ниже в таблицах 2–4 серым цветом выделены значения, превышающие значение на уровне Российской Федерации; здесь и ниже в таблицах 2–7 римскими цифрами обозначена группа регионов в соответствии с Рейтингом инновационного развития субъектов Российской Федерации.

Источник: здесь и ниже в таблицах 2–4 составлено и рассчитано авторами по данным Росстата.

В таблице 2 дана оценка уровня инновационной активности организаций в выбранных регионах в сравнении с общероссийским уровнем.

Таблица 2 / Table 2

**Динамика уровня инновационной активности организаций, % /
Dynamics of the innovation activity level of organizations, %**

Российской Федерации		2017 г.	2018 г.	Темп роста (цепной), %	2019 г.	Темп роста (цепной), %	2020 г.	Темп роста (цепной), %	2021 г.	Темп роста (цепной), %
Российская Федерация		14,6	12,8	-12,3	9,1	-28,9	10,8	18,7	11,9	10,2
I	Республика Татарстан	31,7	21,5	-32,2	17,4	-19,1	24,9	43,1	29,0	16,5
	Томская область	19,6	17,9	-8,7	14,8	-17,3	24,6	66,2	17,9	-27,2
II	Свердловская область	19,5	16,7	-14,4	11,6	-30,5	11,2	-3,4	13,0	16,1

Российской Федерации		2017 г.	2018 г.	Темп роста (цепной), %	2019 г.	Темп роста (цепной), %	2020 г.	Темп роста (цепной), %	2021 г.	Темп роста (цепной), %
	Пермский край	13,4	10,6	-20,9	8,7	-17,9	10,8	24,1	12,2	13,0
	Тульская область	16,9	15,4	-8,9	11,7	-24,0	20,2	72,6	15,4	-23,8
III	Ставропольский край	9,3	7,9	-15,1	5,1	-35,4	5,3	3,9	6,9	30,2
	Курганская область	9,2	10,7	16,3	9,8	-8,4	14,1	43,9	14,4	2,1
IV	Республика Дагестан	9,1	2,2	-75,8	0,5	-77,3	3,0	500,0	3,8	26,7
	Чукотский АО	16,7	12,5	-25,1	7,8	-37,6	6,7	-14,1	9,0	34,3

Как видно из таблицы 2, за весь исследуемый период в Республике Татарстан, Томской, Свердловской и Тульской областях значение данного показателя превышало значение по стране и, в частности, в первом из названных регионов – в два-три раза. В 2018 и 2019 годах практически во всех регионах существенно снизилась инновационная активность организаций согласно значению цепного темпа прироста.

Важным фактором инновационного потенциала являются осуществляемые затраты на инновационную деятельность. В таблице 3 представлена динамика доли таких затрат в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг по Российской Федерации и ее субъектам. Наибольшие значения данного показателя – у наиболее инновационных регионов страны: Республики Татарстан и Томской области; существенный положительный прирост продемонстрировали Республика Дагестан и Чукотский автономный округ.

Таблица 3 / Table 3

Динамика доли затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг по субъектам Российской Федерации, % /
Dynamics of the innovation activity costs share in the total volume of goods shipped, works, services performed in the Russian Federation regions, %

Субъект Российской Федерации		2017 г.	2018 г.	Темп роста (цепной), %	2019 г.	Темп роста (цепной), %	2020 г.	Темп роста (цепной), %	2021 г.	Темп роста (цепной), %
Российская Федерация		2,4	2,1	-12,5	2,1	0,0	2,3	9,5	2,0	-13,0
I	Республика Татарстан	3,54	4,52	27,7	3,30	-27,0	5,05	53,0	4,70	-6,9
	Томская область	4,19	3,79	-9,5	2,50	-34,0	2,11	-15,6	3,21	52,1

II	Свердловская область	2,37	1,80	-24,1	1,30	-27,8	1,60	23,1	1,43	-10,6
	Пермский край	2,41	2,16	-10,4	1,50	-30,6	2,11	40,7	2,65	25,6
	Тульская область	2,53	2,72	7,5	6,90	153,7	2,75	-60,1	1,71	-37,8
III	Ставропольский край	2,11	1,40	-33,6	0,93	-33,6	0,77	-17,2	0,83	7,8
	Курганская область	0,64	0,58	-9,4	0,60	3,4	1,01	68,3	0,39	-61,4
IV	Республика Дагестан	0,04	0,20	400,0	0,25	25,0	0,41	64,0	1,00	143,9
	Чукотский АО	0,47	0,04	-91,5	0,40	900,0	0,07	-82,5	2,36	3271,4

Оценка структуры затрат на инновационную деятельность показала, что в Республике Татарстан и Томской области за весь исследуемый период преобладали затраты на исследования и разработку новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов (значения изменялись от 32 до 78 %); на других территориях преобладали затраты на приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями (наибольшая величина в Чукотском автономном округе – 94 %).

Важнейшим элементом инновационного потенциала является наличие необходимых основных фондов. В таблице 4 представлена в относительном измерении оценка эффективности их использования в расчете на объем произведенной инновационной продукции – иными словами, фондоотдача. В Республике Татарстан данный показатель превышает общероссийский уровень в четыре-пять раз; такая величина удерживается на протяжении всего исследуемого периода. Анализ показал, что в Свердловской, Тульской областях и Пермском крае тоже высокие значения фондоотдачи, что свидетельствует о большей эффективности использования основных фондов и, следовательно, о более высоком инновационном потенциале этих регионов.

Таблица 4 / Table 4

Динамика показателя фондоотдачи по исследуемым субъектам Российской Федерации, руб. / Dynamics of return on funds for the Russian Federation regions under study, rubles

Субъект Российской Федерации		Год				
		2017	2018	2019	2020	2021
Российская Федерация		0,014	0,014	0,010	0,010	0,010
I	Республика Татарстан	0,064	0,075	0,043	0,036	0,051
	Томская область	0,009	0,010	0,008	0,007	0,005
II	Свердловская область	0,021	0,016	0,013	0,015	0,013
	Пермский край	0,038	0,049	0,024	0,019	0,008
	Тульская область	0,049	0,048	0,020	0,038	0,036

Субъект Российской Федерации		Год				
		2017	2018	2019	2020	2021
III	Ставропольский край	0,010	0,010	0,009	0,008	0,013
	Курганская область	0,005	0,004	0,005	0,003	0,003
IV	Республика Дагестан	0,000	0,000	0,000	0,000	0,001
	Чукотский автономный округ	0,003	0,001	0,002	0,002	0,002

На рисунке 2 представлен коэффициент изобретательской активности по сравниваемым регионам за период с 2017 по 2022 год. Как видно из диаграммы, наибольший показатель по состоянию на 2022 год в Томской области – 3,1. Это означает, что на каждые 10 тыс. населения приходится 3,1 патентной заявки. Также довольно высокие значения коэффициента в Республике Татарстан, Пермском крае и Свердловской области. В Чукотском автономном округе, согласно данным, такая деятельность не ведется.

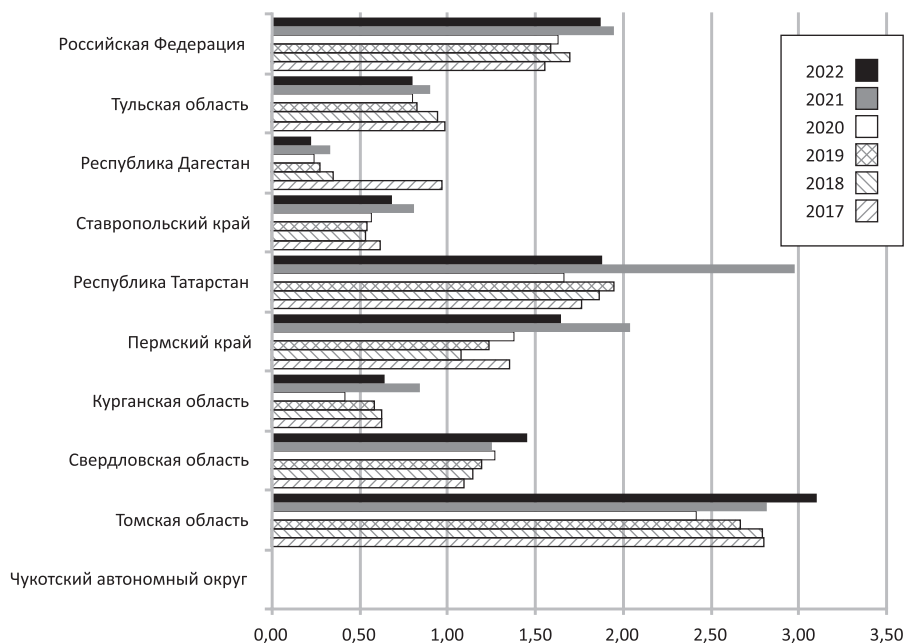

Рис. 2. Коэффициент изобретательской активности в Российской Федерации и ее субъектах за период 2017–2022 гг. / Fig. 2. Coefficient of inventive activity in the Russian Federation and its regions, 2017–2022

Источник: составлено авторами по данным Роспатента¹⁰, Федерального института промышленной собственности¹¹.

¹⁰ Поиск патентов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности. URL: <https://searchplatform.rospatent.gov.ru/> (дата обращения: 01.07.2023).

¹¹ Статистическая информация об использовании объектов интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федерального института промышленной собственности. URL: <https://www1.fips.ru/about/deyatelnost/sotrudnichestvo-s-regionami-rossii/statisticheskaya-informatsiya-ob-ispolzovanii-intellektualnoy-sobstvennosti.php> (дата обращения: 05.07.2023).

Таким образом, анализ и оценка ряда показателей, характеризующих инновационное развитие исследуемых российских регионов, продемонстрировали, что явным лидером является Республика Татарстан. Томская область тоже показала довольно высокий инновационный потенциал, однако по значению фондоотдачи данный субъект Российской Федерации не лидирует. Крайне низкие значения показателей наблюдаются у Республики Дагестан и Чукотского автономного округа.

Важно определить основные характеристики институциональной среды, способствующие росту инновационного потенциала и результатов инновационной деятельности. Как было ранее сказано, институциональная среда определяется группами институтов. Рассмотрим наиболее важные из них для инновационной деятельности.

В таблице 5 представлена совокупность политических институтов, продуцирующих соответствующие условия для роста инновационного потенциала региона. (К политическим нами отнесены документы стратегического планирования в изучаемой сфере.)

Таблица 5 / Table 5

**Совокупность ключевых политических институтов инновационной деятельности
в исследуемых субъектах Российской Федерации / The set of key political institutions
of innovation activity in the Russian Federation regions under study**

Субъект Российской Федерации		Политические институты
I	Республика Татарстан	Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года Государственная программа Республики Татарстан «Экономическое развитие и инновационная экономика Республики Татарстан на 2014–2024 годы»
	Томская область	Стратегия социально-экономического развития Томской области до 2030 года Государственная программа «Развитие инновационной деятельности и науки в Томской области» (срок реализации по 2024 год)
II	Свердловская область	Стратегия промышленного и инновационного развития Свердловской области на период до 2035 года Государственная программа Свердловской области «Развитие промышленности и науки на территории Свердловской области до 2027 года»
	Пермский край	Стратегия социально-экономического развития Пермского края до 2026 года Государственная программа Пермского края «Экономическая политика и инновационное развитие» (срок реализации по 2025 год)
	Тульская область	Стратегия развития науки, технологий и инноваций Тульской области до 2030 года Государственная программа Тульской области «Развитие научной и инновационной деятельности в Тульской области»

Субъект Российской Федерации		Политические институты
III	Ставропольский край	Стратегия социально-экономического развития Ставропольского края до 2035 года Государственная программа Ставропольского края «Экономическое развитие и инновационная экономика» (срок реализации по 2025 год)
	Курганская область	Стратегия социально-экономического развития Курганской области на период до 2030 года
IV	Республика Дагестан	Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан на период до 2030 года Государственная программа Республики Дагестан «Экономическое развитие и инновационная экономика»
	Чукотский АО	Государственная программа «Информационное общество Чукотского автономного округа» (срок реализации по 2024 год)

Источник: здесь и ниже в таблицах 6–9 составлено и рассчитано авторами.

Как показала оценка, во всех представленных субъектах Российской Федерации функционируют политические институты, так или иначе регламентирующие инновационное развитие территории и включающие стратегии и государственные программы. Специальные инновационные стратегии приняты только в Свердловской и Тульской областях, которые относятся ко II группе Рейтинга. В остальных регионах, кроме Чукотского автономного округа, основы инновационной политики заложены в стратегию социально-экономического развития. На всех территориях, за исключением Курганской области и Чукотского автономного округа, разработаны государственные программы в сфере инновационной экономики. В Чукотском автономном округе становление инновационных процессов определяется только государственной программой «Информационное общество Чукотского автономного округа».

В таблице 6 представлены правовые институты, формализованные в виде специального законодательства и принятые на уровне субъекта Российской Федерации. К перечню региональных нормативных актов, обеспечивающих инновационный потенциал территории, нами отнесены законы, постановления и распоряжения, регламентирующие научную, научно-техническую и инновационную деятельность, функционирование технопарковых структур, а также объемы бюджетных расходов на эти направления.

Таблица 6 / Table 6

Оценка наличия правовых институтов инновационной деятельности в исследуемых субъектах Российской Федерации / Assessment of the presence of legal institutions of innovation activity in the Russian Federation regions under study

Субъект Российской Федерации		Институты, регулирующие инновационную деятельность	Институты, регулирующие научную деятельность	Институты, регулирующие функционирование технопарковых структур	Количество нормативных правовых актов в области инновационного развития по состоянию на 2023 год
I	Республика Татарстан	●	●	●	32
	Томская область	●	●	●	16
II	Свердловская область	●	●	●	15
	Пермский край	●	●	●	10
	Тульская область	●	●	●	14
III	Ставропольский край	●	—	●	10
	Курганская область	●	●	●	8
IV	Республика Дагестан	●	●	●	15
	Чукотский АО	—	—	●	5

Контент-анализ инновационного законодательства субъектов Российской Федерации показал, что в Республике Татарстан принято наибольшее количество нормативных правовых актов, охватывающих все аспекты осуществления инновационной деятельности, что влечет за собой повышение инновационного потенциала данной территории. В большинстве исследуемых регионах действуют нормативные правовые акты, регулирующие как инновационную деятельность и функционирование технопарковых структур (а это бизнес-инкубаторы, технопарки, научные парки и др.), так и научную и научно-исследовательскую сферу. Исключением здесь стали Ставропольский край, в котором отсутствуют специальные правовые нормы в области науки, и Чукотский автономный округ, где до настоящего времени не приняты законы субъекта Российской Федерации, регулирующие инновационные и научные аспекты. Отметим, что в Республике Дагестан приняты все необходимые нормативные акты, однако данный регион имеет крайне низкий инновационный потенциал, что свидетельствует о неэффективной институциональной среде (неисполнении норм).

В таблице 7 рассмотрены экономические институты, которые формализованы законом субъекта Российской Федерации об инновационной деятельности. Представленные ниже меры закреплены отдельными разделами и статьями.

Таблица 7 / Table 7

**Оценка наличия экономических институтов инновационной деятельности
в исследуемых субъектах Российской Федерации / Assessment of the presence of innovation
activity economic institutions in the Russian Federation regions under study**

Институт	I		II			III		IV	
	Республика Татарстан	Томская область	Свердловская область	Пермский край	Тульская область	Ставрополь- ский край	Курганская область	Республика Дагестан	Чукотский АО
Закупки продукта, созданного в результате инновационной деятельности	●	●	—	—	●	—	—	●	—
Льготные условия пользования государственным имуществом	●	●	●	—	—	—	●	—	—
Создание инновационных и венчурных фондов	●	—	—	—	—	—	—	—	—
Финансовое обеспечение (в том числе субсидии, гранты, кредиты, займы, гарантии, взносы в уставный капитал, долевое участие, бюджетные инвестиции)	●	●	●	●	●	●	●	●	●
Налоговые меры	●	●	●	●	●	●	●	●	
Ежегодные премии и гранты в области науки и техники	●	—	—	—	—	—	—	—	—
Предоставление государственных гарантий	—	●	●	●	—	—	●	—	—

Согласно таблице 7, наиболее обширный перечень экономических институтов, продуцирующих необходимые условия для роста инновационного потенциала, создан в Республике Татарстан и Томской области. Во всех исследуемых регионах осуществляется в различных формах финансовая поддержка инновационной деятельности. В Чукотском автономном округе финансирование происходит преимущественно в рамках создания и развития промышленного (индустриального) парка «Анадырь». Налоговые меры в виде налоговых льгот и налоговых инвестиционных кредитов формализованы в региональных законах во всех субъектах Российской Федерации, за исключением Чукотского автономного округа, в котором отсутствует специальный закон об инновациях на территории. Отметим, что только в Республике Татарстан целенаправленно создаются и регламентируются инноваци-

онные и венчурные фонды, а также законодательно закреплены ежегодные премии и гранты в области науки и техники. В других регионах такие выплаты регулируются в основном указами губернаторов.

Социальные институты, продуцирующие соответствующие условия для развития инновационной деятельности, весьма разнообразны. К формализованным региональными законами институтам нами отнесены информационная и консультационная поддержка субъектов инновационной деятельности, содействие в установлении внешнеэкономических связей, развитие кадрового потенциала, популяризация инновационной деятельности, проведение конкурсного отбора инновационных проектов и многое другое.

В контексте нашего исследования большое значение имеют такие социальные институты, как образование и наука. Лидерами по количеству вузов являются Республика Татарстан (44 вуза, в том числе 20 филиалов) и Свердловская область (36 вузов, в том числе 13 филиалов); в этих регионах наибольшая численность студентов, обучающихся по программам высшего образования (соответственно 144 и 120 тыс. человек). По среднесписочной численности работников, занятых научными исследованиями и разработками, Свердловская область занимает первое место (18 298 человек), следом идет Республика Татарстан (11 461). По вышеназванным показателям значимо отличается Чукотский автономный округ, где функционирует только один филиал вуза, в котором обучается 96 человек. В данном регионе всего 7 организаций и 641 человек, выполняющие научные исследования и разработки. Также невысокие значения показателей наблюдаются и в Курганской области.

Нами были сопоставлены результаты количественной и качественной оценки инновационного потенциала и институциональной среды в регионе путем дифференциации по исследуемым параметрам. С целью классификации субъектов Российской Федерации использовался кластерный анализ, который позволил выявить особенности в каждой группе и, соответственно, применить определенные управленческие воздействия.

Кластерный анализ проводился методом k-средних в программной среде STATISTICA. Были определены три кластера регионов: первый включает регионы с наиболее высоким инновационным потенциалом, второй – со средним и третий – с низким. Каждому кластеру на основе дисперсионного анализа дана характеристика с позиции влияния переменных. Используются следующие показатели инновационного потенциала территории:

- численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, на 10 тыс. населения (переменная № 1);
- уровень инновационной активности организаций (переменная № 2);
- доля затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (переменная № 3);
- фондоотдача, рассчитанная на объем произведенной инновационной продукции (переменная № 4);
- коэффициент изобретательской активности (переменная № 5).

Результаты кластеризации представлены в таблице 8.

Таблица 8 / Table 8

Результаты кластерного анализа исследуемых субъектов Российской Федерации / Results of cluster analysis of the studied Russian Federation regions

Год	Номер переменной, значимо влияющей на различие регионов	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
2017	1	Томская область (кластер характеризуется высокими значениями переменных 1, 3 и средним значением переменной 4)	Республика Татарстан, Свердловская область, Пермский край, Тульская область (кластер характеризуется средними значениями переменных 1, 3 и высоким значением переменной 4)	Ставропольский край, Курганская область, Республика Дагестан, Чукотский АО (кластер характеризуется низкими значениями всех значимых переменных)
	3			
	4			
2018	3	Республика Татарстан, Пермский край, Тульская область (кластер характеризуется высокими значениями переменных 3, 4 и средним значением переменной 5)	Томская область, Свердловская область (кластер характеризуется средними значениями переменных 3, 4 и высоким значением переменной 5)	Ставропольский край, Курганская область, Республика Дагестан, Чукотский АО (кластер характеризуется низкими значениями всех значимых переменных)
	4			
	5			
2019	1	Республика Татарстан, Тульская область (кластер характеризуется высокими значениями переменных 3, 4 и средними значениями переменных 1, 5)	Томская область, Свердловская область, Пермский край (кластер характеризуется средними значениями переменных 3, 4 и высокими значениями переменных 1, 5)	Ставропольский край, Курганская область, Республика Дагестан, Чукотский АО (кластер характеризуется низкими значениями всех значимых переменных)
	3			
	4			
	5			

Год	Номер переменной, значимо влияющей на развитие регионов	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
2020	1 2 3 4 5	Республика Татарстан, Тульская область (кластер характеризуется высокими значениями переменных 2, 3, 4 и средними значениями переменных 1, 5)	Томская область, Свердловская область, Пермский край (кластер характеризуется высокими значениями переменных 1, 5 и средними значениями переменных 2, 3, 4)	Ставропольский край, Курганская область, Республика Дагестан, Чукотский АО (кластер характеризуется низкими значениями всех значимых переменных)
2021	1 2 3 4 5	Республика Татарстан (кластер характеризуется высокими значениями переменных 2, 3, 4, 5 и средним значением переменной 1)	Тульская область, Томская область, Свердловская область, Пермский край (кластер характеризуется средними значениями переменных 2, 3, 4, 5 и высоким значением переменной 1)	Ставропольский край, Курганская область, Республика Дагестан, Чукотский АО (кластер характеризуется низкими значениями всех значимых переменных)

Как видно из таблицы 8, регионы первого кластера почти в каждом временном периоде характеризуются высокими показателями доли затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг и фондоотдачи, рассчитанной на объем произведенной инновационной продукции. Иными словами, существенными институциональными условиями роста инновационного потенциала являются финансирование инновационной деятельности и наличие необходимых для этого основных фондов – развитой производственной базы. Регионам второго кластера присущи менее высокие значения двух названных выше показателей. Субъекты Российской Федерации, включенные в третий кластер, отличаются недостаточными финансовыми и производственными возможностями для развития инноваций. Также заметим, что в течение исследуемого периода Ставропольский край, Курганская область, Республика Дагестан и Чукотский автономный округ стабильно относились к третьему кластеру, в отличие от других регионов, которые вариативно включались или в первый, или во второй кластеры.

При подведении итогов нами была сформирована таблица 9, в которой обозначены сущностные характеристики региона на основе сопоставления количественных и качественных показателей инновационного потенциала и институциональной среды.

Таблица 9 / Table 9

Результаты сопоставления количественных и качественных характеристик инновационного потенциала и институциональной среды в исследуемых субъектах Российской Федерации / Comparison of innovation potential and institutional environment quantitative and qualitative characteristics for the Russian Federation regions under study

Субъект Российской Федерации (номер кластера)	Характеристика региона
Республика Татарстан (1, 2)	Наиболее качественная институциональная среда, преимущественно высокий инновационный потенциал
Томская область (1, 2)	В целом развитая институциональная среда, высокий/средний инновационный потенциал
Свердловская область (2)	В целом развитая институциональная среда, средний инновационный потенциал
Пермский край (1, 2)	В целом развитая институциональная среда, высокий/средний инновационный потенциал в разные периоды
Тульская область (1, 2)	Наиболее качественная институциональная среда, преимущественно высокий инновационный потенциал
Ставропольский край (3)	Неразвитые институты, регулирующие научную деятельность; недостаточное количество экономических механизмов. Регион демонстрирует низкий инновационный потенциал, то есть его институциональная среда некачественна, что обусловлено отсутствием необходимых и наличием неэффективных и/или неформальных институтов, негативно влияющих на инновационный потенциал

Субъект Российской Федерации (номер кластера)	Характеристика региона
Курганская область (3)	Несмотря на существование формализованных институтов развития, значимых для инновационной деятельности, регион демонстрирует низкий инновационный потенциал, то есть его институциональная среда некачественна, что обусловлено наличием неэффективных и/или неформальных институтов, негативно влияющих на инновационный потенциал
Республика Дагестан (3)	Несмотря на существование формализованных институтов развития, значимых для инновационной деятельности, регион демонстрирует низкий инновационный потенциал, то есть его институциональная среда некачественна, что обусловлено наличием неэффективных и/или неформальных институтов, негативно влияющих на инновационный потенциал
Чукотский АО (3)	Отсутствие множества необходимых институтов, институциональная среда некачественная, инновационный потенциал низкий

Таким образом, принимая во внимание представленные результаты, можно утверждать, что институциональная среда с ее многомерностью является первоисточником формирования инновационного потенциала любого региона. От уровня ее развития и качества реализации институциональных механизмов зависит эффективность инновационной деятельности на территории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Инновационный потенциал региона обуславливает результативность и эффективность осуществляемой на его территории инновационной деятельности. Важно создать качественные институты, определяющие как общие, так и специальные условия для развития инноваций. Проведенная нами работа позволила подтвердить, что именно институциональная среда формирует инновационный каркас регионального пространства.

Как показало исследование, в одном из самых инновационных регионов России – Республике Татарстан – сформирована более качественная институциональная среда, чем в регионах, инновационный потенциал которых крайне низок, – например, в Чукотском автономном округе. Это проявляется в следующем.

Во-первых, наличие и качество проработки системы стратегического планирования влияет на инновационную деятельность. Так, если сравнивать Республику Татарстан и Томскую область с Курганской областью и Чукотским автономным округом, то у первых двух регионов, в отличие от вторых, достаточно подробно определены стратегические векторы инновационного развития, проработаны меры и запланированы мероприятия, которые нужно

реализовать в установленный срок. В Стратегии социально-экономического развития Курганской области на период до 2030 года содержатся аспекты развития инновационной деятельности, однако они единичны и не содержат каких-либо подробных запланированных действий.

Во-вторых, в более инновационных регионах принят комплекс нормативных правовых актов, детально регламентирующих маршруты создания и коммерциализации инноваций, в отличие от менее инновационных регионов, где такое законодательство практически отсутствует (например, в Чукотском автономном округе принят всего один закон, который регламентирует деятельность индустриального парка).

В-третьих, в регионах с наибольшим инновационным потенциалом регламентируется законодательством более обширный перечень экономических институтов поддержки инновационной деятельности. Здесь лидером является Республика Татарстан, аутсайдером – Чукотский автономный округ, где формализованы единичные инструменты финансового обеспечения.

В-четвертых, на территории более инновационных регионов создана весьма обширная сеть институтов науки и высшего образования, а также институтов содействия инновационной деятельности. Например, в Республике Татарстане построен Иннополис, город-спутник Казани, в котором весьма успешно осуществляется взаимодействие институциональных секторов науки, образования и бизнеса.

Для регионов со слабым инновационным потенциалом характерен низкий уровень таких показателей, как численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, на 10 тыс. населения; уровень инновационной активности организаций; удельный вес затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг; фондоотдача; изобретательская активность, что и было нами подтверждено на основе статистических данных.

Отдельно стоит отметить Республику Дагестан, в которой формализованы необходимые институты инновационной деятельности, однако это слабо влияет на инновационные результаты: институты в Дагестане действуют менее эффективно, чем, например, в Республике Татарстане. Причина этого – высокие транзакционные издержки инновационного процесса, которые могут возникнуть при взаимодействии бизнеса и академических организаций в ходе коммерциализации инноваций, а также в случае дефицита доверия между институциональными секторами и при отсутствии стимулов к активной инновационной деятельности (Вольчик и Фурса, 2022, с. 143–144).

Таким образом, для повышения инновационного потенциала регионов и роста результатов инновационной деятельности необходимо совершенствовать институциональную среду путем создания новых институтов, а также соблюдения уже существующих институциональных правил, включающих в том числе механизмы их выполнения. В первую очередь надо развивать институты финансирования инноваций и создания производственной инфраструктуры с последующим обеспечением качества и эффективности их функционирования.

Список источников

Аузан А. А., Комиссаров А. Г., Бахтигараева А. И. Социокультурные ограничения коммерциализации инноваций в России // Экономическая политика. 2019. Т. 14, № 4. С. 76–95. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2019-4-76-95>.

Белозеров С. А., Заболоцкая В. В. Государственное стимулирование инновационной деятельности в Швейцарии и России // Современная Европа. 2021. № 1. С. 108–120. <http://doi.org/10.15211/soveurope12021108120>.

Булатова В. Б., Кокорина А. А., Бадеев А. В. Проблемы финансирования инвестиционно-инновационной деятельности в России на современном этапе [Электронный ресурс] // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12, № 1. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2021.12\(1\).5](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2021.12(1).5). URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=24376> (дата обращения: 01.07.2023).

Вольчик В. В., Маслюкова Е. В. Институциональные изменения и вызовы российской инновационной системы // Terra Economicus. 2022. Т. 20, № 4. С. 23–44. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-4-23-44>.

Вольчик В. В., Фурса Е. В. Нарративный анализ спроса на инновации в российской экономике // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31, № 4. С. 122–150. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-122-150>.

Голова И. М., Суховой А. Ф. Дифференциация стратегий инновационного развития с учетом специфики российских регионов // Экономика региона. 2019. Т. 15, № 4. С. 1294–1308. <https://doi.org/10.17059/2019-4-25>.

Грицаенко Н. И. Сущность и состав инновационного потенциала региона // Экономика развития. 2013. № 4. С. 52–57.

Давыдова Е. А. К вопросу о правовом стимулировании инновационного развития экономики // Юридические исследования. 2018. № 3. С. 16–23. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.3.25768>.

Егорова А. А., Ужегов А. О. Влияние институциональной среды на развитие инноваций в Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 3. С. 78–86. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10310>.

Зотов В. М., Абдикеев Н. М. Новые технологии управления финансированием инноваций в промышленности // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25, № 6. С. 112–127. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-6-112-127>.

Игнатова Т. В., Глущенко А. В. Особенности регулирующего воздействия на развитие инновационной деятельности в России // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 4. С. 54–58. <https://doi.org/10.24411/2309-4788-2020-10391>.

Клейнер Г. Б., Петросян Д. С. Взаимодействие государства и общества при формировании экономической политики // Общество и экономика. 2005. № 4. С. 48–69.

Кравченко С. И., Кладченко И. С. Исследование сущности инновационного потенциала [Электронный ресурс] // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. 2003. № 68. С. 88–96. URL: <https://masters.donntu.ru/2004/fem/kladchenko/library/kladchenko%20article.htm> (дата обращения: 01.07.2023).

Малкина М. Ю., Вольчик В. В., Кривошеева-Медянцева Д. Д. Влияние институциональной среды на функционирование и развитие национальной инновационной системы // Вопросы регулирования экономики. 2014. Т. 5, № 4. С. 26–43.

Нестерова Н. Н. Инновационный потенциал: роль и место в развитии экономики региона // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10. С. 151–154.

Паитова Л. Г. О влиянии корпоративного венчурного капитала на инновационное развитие экономики России // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25, № 3. С. 53–65. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-3-53-65>.

Поздняков К. К. Бюджетные средства в финансировании инвестиций инновационного развития региона (на примере Центрально-черноземного района) // Финансы и управление. 2021. № 3. С. 1–15. <https://doi.org/10.25136/2409-7802.2021.3.36260>.

Попов Е. В., Веретенникова А. Ю., Сафронова А. А. Институциональное обеспечение социально-инновационной деятельности крупного города // Terra Economicus. 2019. Т. 17, № 3. С. 48–63. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-48-63>.

Сотникова А. А. Методологические аспекты определения инновационного потенциала региона // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 3. С. 64–71. <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2021-3-64-71>.

Chang Y. Y., Wannamakok W., Schatzl K. The influence of institutional environment on the development of technology-intensive start-ups: The case of Austria // Journal of Enterprising Culture. 2022. Vol. 30, № 2. P. 215–240. <https://doi.org/10.1142/S021849582250008X>.

Charfeddine L., Zaouali S. The effects of financial inclusion and the business environment in spurring the creation of early-stage firms and supporting established firms // Journal of Business Research. 2022. Vol. 143. P. 1–15. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.01.014>.

Doloreux D., Parto S. Regional innovation systems: Current discourse and unresolved issues // Technology in Society. 2005. Vol. 27, № 2. P. 133–153. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2005.01.002>.

Donges A., Meier J. M., Silva R. C. The impact of institutions on innovation // Management Science. 2023. Vol. 69, № 4. P. 1951–1974. <https://doi.org/10.1287/mnsc.2022.4403>.

Gogokhia T., Berulava G. Business environment reforms, innovation and firm productivity in transition economies // Eurasian Business Review. 2021. Vol. 11, № 2. P. 221–245. <https://doi.org/10.1007/s40821-020-00167-5>.

Hjelmar U. The institutionalization of public sector innovation // Public Management Review. 2021. Vol. 23, № 1. P. 53–69. <https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1665702>.

Marinko Š., Radolović S., Tvaronavičienė M. Managing the institutional environment and impact on the competitiveness of transitional economies // Entrepreneurship and Sustainability Issues. 2021. Vol. 8, № 3. P. 504–526. [http://doi.org/10.9770/jesi.2021.8.3\(32\)](http://doi.org/10.9770/jesi.2021.8.3(32)).

Информация об авторах

Е. А. Ляшенко – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

SPIN-код (РИНЦ): 3615-2242

AuthorID (РИНЦ): 624179

Web of Science ResearcherID: JAC-2844-2023

А. Д. Жуковский – кандидат экономических наук, ассистент Департамента менеджмента и инноваций, младший научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», 125167, Россия, Москва, пр-т Ленинградский, 49/2

SPIN-код (РИНЦ): 4323-8091

AuthorID (РИНЦ): 1007224

Web of Science ResearcherID: IUO-8243-2023

Scopus Author ID: 57803988800

С. Г. Пьянкова – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

SPIN-код (РИНЦ): 9238-3053

AuthorID (РИНЦ): 943752

Web of Science ResearcherID: H-5682-2018

Scopus Author ID: 57211885976

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.08.2023; одобрена после рецензирования 30.09.2023; принята к публикации 30.09.2023.

References

Auzan, A. A., Komissarov, A. G. and Bakhtigaraeva, A. I. (2019), "Sociocultural restrictions on the commercialization of innovations in Russia", *Economic Policy*, vol. 14, no. 4, pp. 76–95, <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2019-4-76-95>.

Belozyorov, S. A. and Zabolotskaya, V. V. (2021), "State stimulation of innovation activity in Switzerland and Russia", *Contemporary Europe*, no. 1, pp. 108–120, <http://doi.org/10.15211/soveurope12021108120>.

Bulatova, V. B., Kokorina, A. A. and Badeev, A. V. (2021), "Contemporary problems of financing investment and innovation activities in Russia", *Baikal Research*

Journal, vol. 12, no. 1, [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2021.12\(1\).5](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2021.12(1).5) [Online], available at: <http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=24376> (Accessed July 1, 2023).

Volchik, V. V. and Maslyukova, E. V. (2022), "Institutional change and Russian innovation system challenges", *Terra Economicus*, vol. 20, no. 4, pp. 23–44, <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-4-23-44>.

Volchik, V. V. and Fursa, E. V. (2022), "The demand for innovation in the Russian economy: An analysis of narratives", *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 31, no. 4, pp. 122–150, <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-122-150>.

Golova, I. M. and Sukhovey, A. F. (2019), "Differentiation of innovative development strategies considering specific characteristics of the Russian regions", *Economy of Regions*, vol. 15, no. 4, pp. 1294–1308, <https://doi.org/10.17059/2019-4-25>.

Grytsayenko, N. I. (2013), "The nature and structure of the innovation potential of the region", *Ekonomika razvitiya*, no. 4, pp. 52–57.

Davydova, E. A. (2018), "Concerning the question about the legal stimulating of the economy innovative development", *Legal Studies*, no. 3, pp. 16–23, <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.3.25768>.

Egorova, A. A. and Uzhegov, A. O. (2019), "The influence of institutional environment on the development of innovations in the Russian Federation", *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 3, pp. 78–86, <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10310>.

Zotov, V. M. and Abdikeyev, N. M. (2021), "New technologies for managing industrial innovation funding", *Finance: Theory and Practice*, vol. 25, no. 6, pp. 112–127, <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-6-112-127>.

Ignatova, T. V. and Glushchenko, A. V. (2020), "Specifics of regulatory impact onto the development of innovation activities in Russia", *Natural-Humanitarian Studies*, no. 4, pp. 54–58, <https://doi.org/10.24411/2309-4788-2020-10391>.

Kleiner, G. B. and Petrosyan, D. S. (2005), "Interaction between state and society in shaping economic policy", *Society and Economy*, no. 4, pp. 48–69.

Kravchenko, S. I. and Kladchenko, I. S. (2003), "Investigation of the essence of innovative potential", *Nauchnye Trudy Doneckogo nacional'nogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: ekonomicheskaya*, no. 68, pp. 88–96 [Online], available at: <https://masters.donntu.ru/2004/fem/kladchenko/library/kladchenko%20article.htm> (Accessed July 1, 2023).

Malkina, M. Yu., Volchik, V. V. and Krivosheeva-Medyantseva, D. D. (2014), "The influence of institutional environment on the operation and development of national innovation systems", *Journal of Economic Regulation*, vol. 5, no. 4, pp. 26–43.

Nesterova, N. N. (2012), "Innovative potential: Role and place in development of economy of the region", *Social-Economic Phenomena and Processes*, no. 10, pp. 151–154.

Pashtova, L. G. (2021), "The influence of the corporate venture capital on the innovative development of the Russian economy", *Finance: Theory and Practice*, vol. 25, no. 3, pp. 53–65, <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-3-53-65>.

Pozdnyakov, K. K. (2021), "Budget funds for financing investments in innovative development of the region (on the example of the Central Black Earth

Region)”, *Finance and Management*, no. 3, pp. 1–15, <https://doi.org/10.25136/2409-7802.2021.3.36260>.

Popov, E. V., Veretennikova, A. Yu. and Safronova, A. A. (2019), “Institutional support for social and innovation activity in the large city”, *Terra Economicus*, vol. 17, no. 3, pp. 48–63, <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-48-63>.

Sotnikova, A. A. (2021), “Methodological aspects of determining the innovative potential of the region”, *RGGU Bulletin. Series: Economics. Management. Law*, no. 3, pp. 64–71, <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2021-3-64-71>.

Chang, Y. Y., Wannamakok, W. and Schatzl, K. (2022), “The influence of institutional environment on the development of technology-intensive start-ups: The case of Austria”, *Journal of Enterprising Culture*, vol. 30, no. 2, pp. 215–240, <https://doi.org/10.1142/S021849582250008X>.

Charfeddine, L. and Zaouali, S. (2022), “The effects of financial inclusion and the business environment in spurring the creation of early-stage firms and supporting established firms”, *Journal of Business Research*, vol. 143, pp. 1–15, <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.01.014>.

Doloreux, D. and Parto, S. (2005), “Regional innovation systems: Current discourse and unresolved issues”, *Technology in Society*, vol. 27, no. 2, pp. 133–153, <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2005.01.002>.

Donges, A., Meier, J. M. and Silva, R. C. (2023), “The impact of institutions on innovation”, *Management Science*, vol. 69, no. 4, pp. 1951–1974, <https://doi.org/10.1287/mnsc.2022.4403>.

Gogokhia, T. and Berulava, G. (2021), “Business environment reforms, innovation and firm productivity in transition economies”, *Eurasian Business Review*, vol. 11, no. 2, pp. 221–245, <https://doi.org/10.1007/s40821-020-00167-5>.

Hjelmar, U. (2021), “The institutionalization of public sector innovation”, *Public Management Review*, vol. 23, no. 1, pp. 53–69, <https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1665702>.

Marinko, Š., Radolović, S. and Tvaronavičienė, M. (2021), “Managing the institutional environment and impact on the competitiveness of transitional economies”, *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, vol. 8, no. 3, pp. 504–526, [http://doi.org/10.9770/jesi.2021.8.3\(32\)](http://doi.org/10.9770/jesi.2021.8.3(32)).

Information about the authors

E. A. Lyashenko – Candidate of Economics, Associate Professor of State and Municipal Governance Department, Ural State Economic University, 62/45 8 Marta/Narodnaya Volya Str., Yekaterinburg, 620144, Russia

SPIN-code (RSCI): 3615-2242

AuthorID (RSCI): 624179

Web of Science ResearcherID: JAC-2844-2023

A. D. Zhukovskii– Candidate of Economics, Assistant of the Department of Management and Innovation, Junior Research Fellow of the Institute of Regional Economics and Interbudgetary Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russia

SPIN-code (RSCI): 4323-8091

AuthorID (RSCI): 1007224

Web of Science ResearcherID: IUO-8243-2023

Scopus Author ID: 57803988800

S. G. Pyankova – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Regional, Municipal Economics and Management, Ural State Economic University, 62/45 8 Marta/Narodnaya Volya Str., Yekaterinburg, 620144, Russia

SPIN-code (RSCI): 9238-3053

AuthorID (RSCI): 943752

Web of Science ResearcherID: H-5682-2018

Scopus Author ID: 57211885976

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 14.08.2023; approved after reviewing 30.09.2023; accepted for publication 30.09.2023.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 701–721.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 4, pp. 701–721.

Научная статья

УДК 332.1:622.3:338.28

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-701-721>

НОВЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СЕЛЕКТИВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ ПРОИЗВОДСТВЕННЫМ РАЗВИТИЕМ НЕФТЕГАЗОВОГО РЕГИОНА

Игорь Леонидович Беилин¹

¹ Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань, Россия,

i.beilin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5878-4915>

Аннотация. Введение: экономика нефтегазового региона находится в высокой зависимости от налоговых поступлений нефтегазовых и обслуживающих их компаний, на чью прибыль, в свою очередь, оказывает значительное влияние волатильность цен нефти и газа на мировых товарно-сырьевых рынках. Это определяет актуальность разработки новых экономических подходов к управлению производственным развитием нефтегазового региона, учитывающих принцип селективности по соотношению между долей нефти и газа в региональной деятельности по добыче полезных ископаемых и долей основных видов продукции нефтегазоперерабатывающей отрасли в обрабатывающих производствах конкретного региона. **Цель:** уточнение научной категории «нефтегазовый регион», обоснование и введение в научный оборот категории «инклюзивное производственное развитие региона» и постановка проблемы приемлемости концепции «эффект Гронингена» на региональном уровне на примере Приволжского федерального округа. **Методы:** синтез институционального, системного, структурно-функционального и инновационно-технологического методологических подходов к управлению производственным развитием нефтегазового региона. В качестве критериев для анализа использованы процентные составляющие объемов добычи нефти и конденсата, а также природного и попутного нефтяного газов в объеме конечной продукции в секторе «Добыча полезных ископаемых». Данные показатели математически взаимосвязаны с показателями структуры отгруженной продукции в производстве кокса и нефтепродуктов, резиновых и пластмассовых изделий в секторе «Обрабатывающие производства», в результате чего был сформирован коэффициент нефтегазовой деятельности региона. **Результаты:** автором выявлена характеристика производственного развития нефтегазового региона, получившая название «инклюзивность». Она базируется на инвестиционной стратегии диверсификации высокорентабельных нефтегазовых доходов регионального бюджета в горизонтальную промышленную политику с учетом экономических и геологических особенностей извлечения нефтегазовых ресурсов и их качественного состава в Волго-Уральской нефтегазоносной провинции. В работе предложена постановка научной проблемы «эффект Гронингена» в российских региональных условиях и дана оценка величины проявления указанного эффекта по основным видам продукции внешнеторгового оборота нефтегазового региона. **Выводы:** разработанный подход к экономической идентификации нефтегазового региона может стать действенным инструментом селективного управления его производственным развитием в условиях высокой волатильности котировок углеводородного сырья, санкционного воздействия на российский экспорт и перехода к технологическому суверенитету.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: региональная экономика, нефтегазовый регион, производственное развитие, инклюзивные институты, эффект Гронингена

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00189 «Разработка методологических подходов к управлению инновационным производственным развитием нефтегазового региона (на примере Приволжского федерального округа)», <https://rscf.ru/project/23-28-00189>.

Для цитирования: Беилин И. А. Новые экономические подходы к селективному управлению производственным развитием нефтегазового региона // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 701–721. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-701-721>.

Original article

NEW ECONOMIC APPROACHES TO THE PRODUCTION DEVELOPMENT SELECTIVE MANAGEMENT IN THE OIL AND GAS REGION

Igor L. Beilin¹

¹ Kazan Branch of the Russian University of Justice, Kazan, Russia, i.beilin@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5878-4915>

Abstract. Introduction: the oil and gas region economy is highly dependent on tax revenues from oil and gas companies and their service companies, whose profits, in turn, are significantly affected by the volatility of oil and gas prices in the world commodity markets. This determines the relevance of developing new economic approaches to managing the production development of the oil and gas region, taking into account the principle of selectivity in terms of the ratio between the share of oil and gas in regional mining activities and the share of the main types of products of the oil and gas processing industry in the manufacturing industries of a particular region. **Objectives:** to clarify the scientific category “oil and gas region”, to substantiate and introduce into scientific circulation of the category “inclusive production development of the region” and to pose the problem of the concept “Groningen effect” acceptability at the regional level on the example of the Volga Federal District. **Methods:** synthesis of institutional, systemic, structural-functional and innovative-technological methodological approaches to managing the production development of the oil and gas region. The criteria for the analysis are the percentage components of the oil and condensate production volumes, as well as natural and associated petroleum gases, in the volume of final production in “Mining” sector. These indicators are mathematically interconnected with indicators of the structure of shipped products in the production of coke and oil products, rubber, and plastic products in the “Manufacturing production” sector; as a result, the region’s oil and gas activity factor was formulated. **Results:** the author revealed a characteristic of oil and gas region production development, which was called “inclusiveness”. It is based on the investment strategy of diversified high-yield oil and gas revenues of the regional budget into horizontal industrial policy, considering the economic and geological features of oil and gas resource extraction and their quality composition in the Volga-Ural oil and gas-bearing province. The paper proposes the scientific problem “Groningen effect” in the Russian regional conditions and estimates the magnitude of manifestation of said effect by the main types of foreign trade products of the oil and gas region. **Conclusions:** the developed approach to economic identification of the oil and gas region can become an effective instrument of selective management of its production development under conditions of high volatility of hydrocarbon raw materials quotations, the sanctions on Russian exports and the transition to technological sovereignty.

Keywords: regional economy, oil and gas region, production development, inclusive institutions, Groningen effect

Acknowledgments: the research was supported by the grant program of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00189 “Development of methodology and approaches to innovative production development management in oil and gas industry (based on the case of the Volga Federal District), <https://rscf.ru/project/23-28-00189>.

For citation: Beilin, I. L. (2023), “New economic approaches to the production development selective management in the oil and gas region”, *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 4, pp. 701–721, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-701-721>.

ВВЕДЕНИЕ

Экономика нефтегазового региона находится в высокой зависимости от налоговых поступлений нефтегазовых и обслуживающих их компаний, на чью прибыль, в свою очередь, оказывает значительное влияние волатильность цен нефти и газа на мировых товарно-сырьевых рынках. Характер динамики котировок углеводородных ресурсов обусловлен системным взаимодействием новейших (пандемия, эмбарго), предшествовавших им (тенденции декарбонизации, договоренности в рамках альянса ОПЕК+) и устоявшихся факторов, таких как хеджирование и в целом оборот производных финансовых инструментов, а также фундаментального фактора – мирового баланса спроса и предложения. Это определяет актуальность разработки новых экономических подходов к управлению производственным развитием нефтегазового региона, учитывающих принцип селективности по соотношению между долей нефти и газа в региональной деятельности по добыче полезных ископаемых и долей основных видов продукции нефтегазоперерабатывающей отрасли в обрабатывающих производствах конкретного региона.

Цель исследования – уточнение научной категории «нефтегазовый регион», обоснование и введение в научный оборот категории «инклюзивное производственное развитие региона» и постановка проблемы приемлемости концепции «эффект Гронингена» на региональном уровне на примере Приволжского федерального округа.

Для достижения поставленной цели были решены следующие основные задачи:

- изучить актуальные научные подходы к оценке экономических особенностей, проблемы и перспективы производственного развития сырьевых (ресурсных, нефтегазовых) регионов и конкретизировать научную категорию «нефтегазовый регион» на основе анализа товарной структуры производственной деятельности по добыче, а также первичной и глубокой химической переработке углеводородных ресурсов;

- оценить сущность и условия инклюзивного производственного развития нефтегазового региона при эндогенном типе экономического роста с учетом экономических и геологических особенностей освоения нефтегазовых ресурсов Волго-Уральской нефтегазоносной провинции;

– сформулировать научную проблему «эффект Гронингена» в российских региональных условиях и рассмотреть возможные подходы к ее решению на основе анализа структуры внешнеторгового оборота нефтегазовых регионов.

Таким образом, настоящее исследование направлено на совершенствование системы экономических отношений органов федерального и регионального управления с производственными организациями регионального нефтегазового комплекса и взаимодействующих с ним отраслей экономики в процессе формирования инклюзивной промышленной политики нефтегазового региона.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Разработку и эволюцию теоретического фундамента современных исследований экономического развития ресурсных регионов можно заслуженно признать достижениями научной школы академика РАН В. А. Крюкова, представителями которой были изучены и классифицированы различные подходы к определению экономической категории «ресурсный регион» и трансформирована в региональную науку концепция академика РАН В. М. Полтеровича, определявшая уровень «ресурсности» различных стран объемами добычи и экспорта сырьевых ресурсов¹. В одной из наиболее актуальных работ В. А. Крюкова и его коллег показана значимость региональных особенностей и условий в развитии институциональной среды для повышения экономической эффективности добычи трудноизвлекаемой нефти. «Проведенные расчеты показывают, что освоение трудноизвлекаемых запасов нефти будет формировать предпосылки для стабилизации объемов добычи на территории ХМАО, генерировать для округа существенные прямые и косвенные эффекты, связанные с приростом налоговых поступлений, поддержанием смежных отраслей и уровня занятости» (Крюков и Токарев, 2022, с. 755). В другой современной работе этой научной школы описаны возможности повышения экономических эффектов от деятельности по добыче полезных ископаемых для социально-экономического развития региона. В частности, отмечается «подход, основанный на преимущественном использовании гражданско-правовых отношений, и прежде всего многосторонних концессий для формирования долгосрочных устойчивых связей между ключевыми участниками проектов». Применение данного подхода будет, по мнению авторов, «способствовать гармонизации интересов главных бенефициаров ресурсных проектов и станет драйвером устойчивого развития регионов, вовлеченных в их реализацию» (Усс и др., 2022, с. 27). На примере Республики Татарстан показаны достижения, проблемы и перспективы региональной экономической системы в условиях неуклонно развивающихся процессов

¹ Токарев А. Н. Ресурсные регионы: как разрабатывать направления социально-экономического развития [Электронный ресурс] // Официальный канал Ин-та народохоз. прогнозирования Рос. акад. наук. 2019. 2 авг. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=w7el2Ap5aYw&t=120s> (дата обращения: 22.01.2023).

декарбонизации в мировой энергетической политике. «Для превентивного прогноза достижимости ESG-показателей (социально-экологических индикаторов бизнеса) авторами предлагается концептуальный подход к оценке развития технологий декарбонизации, основанный на комбинации экономико-математических методов, который позволяет выработать организационно-правовую основу процесса, сформировать и оценить критерии эффективности инноваций и условия их реализации» (Крюков и др., 2021, с. 17). Несколькими годами ранее этой же научной школой был разработан подход к совершенствованию экономических политик и оптимальному выбору альтернативных вариантов стратегического развития нефтегазовых регионов, основанный на принципе инклюзивности: «В новых условиях применительно к ресурсным регионам необходимо делать акцент на аспектах расширенного специфического понимания инклюзивности, которое подразумевает возможности активного участия региональных органов власти в управлении и регулировании минерально-сырьевого комплекса, а также вовлеченность в развитие комплекса широкого круга местных сообществ: от организаций, выражающих интересы коренных народов, до профессиональных сообществ – отраслевых ассоциаций, экологических организаций, представителей инновационного комплекса» (Крюков и др., 2017, с. 93).

Исследование перспектив развития ресурсных регионов с учетом особенностей минерально-сырьевого комплекса выявило необходимость включения сферы услуг в их инновационную инфраструктуру и процесс генерации знаний в сырьевой промышленности, что способно привести от континентально-ресурсного проклятия к институциональной гармонии (Kryukov and Tokarev, 2018a, 2018b; Kryukov et al., 2022; Kryukov and Seliverstov, 2021). Изучение особенностей инклюзивного развития нефтегазовых регионов и его инновационной составляющей показало, что это комплексная проблема «мезоуровня», требующая и совершенствования федеральных программ управления условиями деятельности по добыче полезных ископаемых и обрабатывающих производств, и регионального стимулирования горизонтальной промышленной политики (Севастьянова и др., 2017; Kryukov et al., 2016; Севастьянова, 2016). Вместе с тем инклюзивное экономическое развитие в данном контексте напоминает модификацию хорошо известных экономическим географам понятий «энергопроизводственный цикл» и «территориально-промышленный комплекс», которые были предложены советскими учеными Н. Н. Баранским и Н. Н. Колосовским более семидесяти лет назад и развивались И. М. Маергойзом, М. К. Бандманом и другими экономистами.

В дальнейшем значительный вклад в исследование современных особенностей организации, управления и функционирования экономических систем и процессов российских ресурсных регионов внесла научная группа под руководством профессора Л. В. Эдера. Учеными было показано взаимное влияние устойчивого инновационного развития и ресурсного проклятия сырьевых регионов, ключевое значение нефтегазовой ренты в их эко-

номической и энергетической политике (Eder et al., 2018d; Filimonova et al., 2018). При этом необходимо отметить, что ресурсное проклятье является проблемой политико-экономического характера, которая рассматривается мировым научным сообществом на национальных уровнях стран преимущественно с унитарным типом государственного устройства на примере структуры и динамики их ВВП. На уровне регионов во многих случаях макроэкономические эффекты не наблюдаются, а сделанные выводы требуют также анализа структурной и налоговой политики государства в целом. Но данные исследования наводят на мысль о целесообразности изучения механизмов возникновения «голландской болезни» на региональном уровне при федеративном типе государственного устройства, приводящей к неконкурентоспособности отраслей обрабатывающей промышленности и гипертрофированному развитию секторов недвижимости и финансовых услуг региона вследствие давления экспортной выручки на курс национальной валюты в сторону повышения. Проблема «стерилизации» получаемой зарубежной валюты и недопущения излишнего реального удорожания национальной валюты относится к сфере изучения макроэкономики. При этом региональные инфляционные процессы могут быть тесно связаны с высокой рентабельностью регионального нефтегазохимического комплекса. Устойчивое развитие российских ресурсных регионов на спадающей стадии производства может быть поддержано использованием экономически эффективных инновационных технологий, прежде всего в разведке и добыче нефти и газа арктических территорий, а также программами развития государственно-частного партнерства в нефтегазохимической промышленности, обусловленными ее высокой капиталоемкостью и длительным сроком возврата инвестиций (Eder et al., 2018a, 2018b, 2018c).

Пространственно-территориальные факторы экономического роста в Российской Федерации и цифровая трансформация нефтегазовых регионов в условиях кризиса COVID-19 могут быть исследованы путем анализа структуры и динамики региональной промышленности с использованием производственной функции Кобба – Дугласа на примере экономической системы Республики Башкортостан (Akhunov and Yangirov, 2021; Akhunov et al., 2021; Суворов и др., 2020). Результаты изучения влияния дисбаланса в управлении ресурсами на социально-экономическое развитие региона и оптимизации экологически ориентированного управления ресурсами отражены в целом ряде работ (Sharf and Mikhalechuk, 2021; Tsibulnikova and Sharf, 2021). Кроме того, показано, что в основе устойчивости развития нефтедобывающих регионов и их социально-экономических параметров лежат воспроизводственные процессы системы недропользования (Шарф и Михальчук, 2021). Экологизация региональных экономических систем в рамках достижения целей устойчивого развития и трансформация институциональной среды для решения задач управляемого природопользования возможны в условиях согласованности пространственного и научно-технологического развития регионов с высокой степенью индустриализации (Lavríkova et al., 2021; Лаврикова и др., 2019, 2020, 2021).

Таким образом, теоретической основой исследования послужил синтез институционального, системного, структурно-функционального и инновационно-технологического методологических подходов к управлению производственным развитием нефтегазового региона с учетом актуальных научных разработок, посвященных выбору перспективных направлений производственного развития российских ресурсных регионов и воздействию признаков ресурсного проклятья на их инновационный потенциал.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для разработки коэффициента нефтегазовой деятельности региона использованы данные отраслевой структуры валовой добавленной стоимости произведенных в нефтегазовых регионах Приволжского федерального округа продукции и услуг для конечного потребления по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» и «Обрабатывающие производства», определенные в форме разницы между объемом выпуска и промежуточным региональным потреблением. Также в методологии исследования были задействованы данные о добыче нефти и природного газа в структуре объема отгруженной продукции (работ, услуг) по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» и данные о производстве кокса и нефтепродуктов, резиновых и пластмассовых изделий в структуре объема отгруженной продукции (работ, услуг) по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства». В статистическом сборнике за 2022 год указано, что «данные приводятся в фактических отпускных ценах без налога на добавленную стоимость, акцизов и аналогичных обязательных платежей. Группировки по видам деятельности представляют собой совокупность соответствующих фактических видов деятельности, осуществляемых организациями, независимо от их основного вида деятельности. В ряде случаев в соответствии с принятой учетной политикой отдельные организации предоставляют данные в целом по юридическому лицу по месту его нахождения»².

Обработка сформированной выборки данных проводилась методом аддитивной свертки, а полученное значение коэффициента нефтегазовой деятельности региона путем снижения размерности числа приводилось к нулевому порядку для разграничения полученных величин относительно единицы.

В настоящее время в российской экономической науке не встречается формализованного определения научной категории «нефтегазовый регион», которая сама по себе используется значительно реже, чем понятия «ресурсный регион» и «сырьевой регион». При этом под ресурсами и сырьем понимаются прежде всего нефть и природный газ, а высокорен-

² Регионы России. Социально-экономические показатели 2022 [Электронный ресурс]: стат. сб. М.: Росстат, 2022. С 628. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf (дата обращения: 05.02.2023).

табельная производственная деятельность по их добыче и переработке является одним из важнейших источников наполнения как федерального, так и соответствующих региональных бюджетов. Это налог на добычу полезных ископаемых; экспортная пошлина на сырую нефть и природный газ и продукты их первичной и глубокой химической переработки; налоги на прибыль и имущество нефтегазовых компаний и обслуживающих их организаций; налоги на доходы физических лиц, занятых в нефтегазовой и связанных с ней отраслях экономики; дивиденды государственных акционеров нефтегазовых компаний; налог на добавленную стоимость и акцизы отгруженной продукции нефтегазохимического комплекса. Очевидно, что к нефтегазовым регионам относятся субъекты Российской Федерации, в которых деятельность по добыче и переработке нефтегазовых ресурсов является бюджетообразующей, но определения того, какой объем нефтегазовой деятельности субъекта является достаточным для отнесения его к нефтегазовым регионам, нет. Могут ли, например, Саратовская или Ульяновская области с относительно незначительными объемами добычи углеводородного сырья относиться к нефтегазовым регионам? С другой стороны, в Нижегородской области расположен крупнейший в Приволжском федеральном округе нефтеперерабатывающий завод ООО «ЛУКОЙЛ-Нижегороднефтеоргсинтез», который за счет высококорентабельных нефтегазовых доходов является одним из наиболее значимых налогоплательщиков региона, не имеющего запасов нефти и природного газа в недрах собственной территории.

Авторский методологический подход к решению проблемы экономической формализации категории «нефтегазовый регион» основан на введении в теоретический аппарат специального регионального индикатора объема нефтегазовой деятельности, названного «коэффициент нефтегазовой деятельности региона». Он формируется из двух слагаемых, первое из которых – производство процентной составляющей вида экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» в региональной отраслевой структуре валовой добавленной стоимости с процентной составляющей добычи нефти и природного газа в структуре объема отгруженной продукции (работ, услуг) по этому виду экономической деятельности. Второе слагаемое аналогичным образом представляет собой производство процентной составляющей вида экономической деятельности «Обрабатывающие производства» в региональной отраслевой структуре валовой добавленной стоимости с процентной долей производства кокса и нефтепродуктов, резиновых и пластмассовых изделий в структуре объема отгруженной продукции (работ, услуг) по данному виду экономической деятельности. Результат сложения приводится к такому виду, что регион идентифицируется как нефтегазовый при условии значения коэффициента нефтегазовой деятельности региона больше единицы (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Коэффициент нефтегазовой деятельности региона на примере регионов
Приволжского федерального округа / The coefficient of oil and gas activities of a region
(case of the regions in the Volga Federal District)**

Регион	ОСВДС*, %		ДНГ**, %	ПKNPPI***, %	КНГДР**** = (А x C+B x Д)10 ⁻³
	ДПИ*****	ОП*****			
	А	В	С	Д	
Приволжский федеральный округ	11,9	21,8	86,9	19,5	1,46
Республика Башкортостан	3,8	24,4	54,1	41,7	1,22
Республика Марий Эл	0,2	25,0	–	2,1	0,05
Республика Мордовия	0,0	26,7	–	2,1	0,06
Республика Татарстан	21,1	16,6	90,7	36,4	2,52
Удмуртская Республика	20,9	18,9	90,4	2,0	1,93
Чувашская Республика	0,1	25,6	–	2,3	0,06
Пермский край	17,1	29,8	92,6	9,7	1,87
Кировская область	0,2	28,2	–	3,1	0,09
Нижегородская область	0,0	28,1	–	7,0	0,20
Оренбургская область	35,5	11,8	85,7	24,4	3,33
Пензенская область	0,2	17,9	–	2,0	0,04
Самарская область	13,4	21,1	92,9	9,0	1,43
Саратовская область	3,0	17,5	88,0	5,1	0,35
Ульяновская область	2,4	23,7	88,0	9,8	0,44

*Примечание: * ОСВДС – отраслевая структура валовой добавленной стоимости; ** ДНГ – добыча нефти и природного газа в структуре объема отгруженной продукции (работ, услуг) по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых»; *** ПKNPPI – производство кокса и нефтепродуктов, резиновых и пластмассовых изделий в структуре объема отгруженной продукции (работ, услуг) по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства»; **** КНГДР – коэффициент нефтегазовой деятельности региона; ***** ДПИ – добыча полезных ископаемых; ***** ОП – обрабатывающие производства.*

Источник: составлено автором на основе данных Росстата³.

Результаты разработки научного обоснования экономической категории «нефтегазовый регион» могут быть использованы в формировании надежного инструментария для организации селективной региональной промышленной политики на основе количественных методов оценки влияния производственной деятельности региона по добыче и переработке нефти и газа на его экономический рост. Это дополнит методы пространственных экономических исследований и уточнит закономерности и особенности организа-

³ Там же. С. 592–597.

ции и управления производственными структурами в нефтегазовых регионах и территориальных промышленных нефтегазохимических кластерах, что позволит решить методологические проблемы классификации и прикладные задачи производственного развития определенных типов регионов. Принцип суммирования основных компонентов коэффициента нефтегазовой деятельности региона, отражающих значение добычи и переработки нефтегазового сырья в его экономической системе, не исключает отсутствия одного из них в производственной деятельности субъекта Российской Федерации для возможности отнесения последнего к нефтегазовым регионам, как это очевидно, например, для Ханты-Мансийского или Ямало-Ненецкого автономных округов. Для Приволжского федерального округа, на примере которого проведено настоящее исследование, совокупный объем добычи нефти регионами с коэффициентом нефтегазовой деятельности более единицы превышает 20 % от общего национального объема извлечения жидких углеводородов⁴ (см. рис. 1), что определяет отраслевую промышленную специализацию этих регионов.

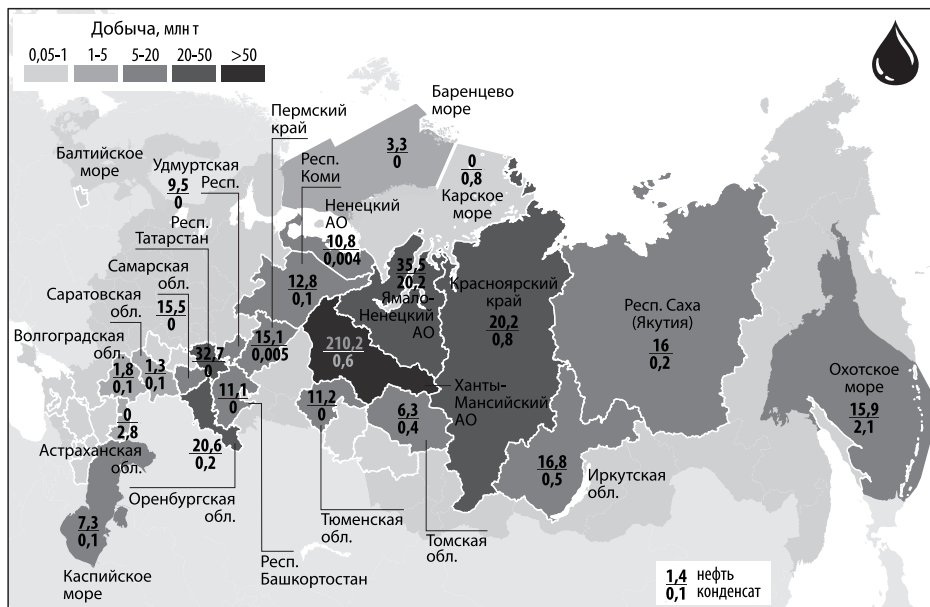

Рис. 1. Распределение добычи нефти и конденсата по субъектам Российской Федерации в 2021 г. / Fig. 1. Distribution of oil and condensate production by regions of the Russian Federation in 2021

Источник: Государственный доклад Минприроды России и Роснедр⁵.

⁴ Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2020 году» [Электронный ресурс] // Официальный сайт М-ва природ. ресурсов и экологии Рос. Федерации. 2021. 22 дек. С. 20–21. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennyye_doklady/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ispolzovanii_mineralno_syrevykh_resursov_2020/ (дата обращения: 15.01.2023).

⁵ Там же. С. 20.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

Инклюзивное производственное развитие региона

В контексте развития теории пространственной и региональной экономики в направлении возрастания эффективности управления территориальными «точками» промышленного и инновационного приращения сохраняется важность исследования эффективных вариантов взаимодействия региональной производственной и институциональной инфраструктуры. Соответственно, при использовании описанной выше методологии представляется необходимым введение в научный теоретический аппарат новой экономической категории – инклюзивного производственного развития региона, под которым понимается максимально широкая вовлеченность всех региональных видов экономической деятельности в увеличение валовой добавленной стоимости продукции, товаров, работ и услуг. Инклюзивное производственное развитие региона решает проблему сбалансированности и устойчивости регионального экономического развития и может быть обеспечено синергетическими эффектами, достигнутыми в результате диверсификации производства и инвестиций в основной капитал, проведения горизонтальной промышленной политики и формирования многоотраслевых финансово-промышленных групп, кластерной организации производственной деятельности и развития инклюзивной институциональной среды региона, что в совокупности обусловит успешный переход к национальному технологическому суверенитету. Представленный методологический подход к селективной региональной экономической политике (на основе перехода к стационарному временному ряду уравнений множественной регрессии зависимой и независимых переменных) за пятнадцатилетний период показал, что доминирующее значение в динамике производственного развития нефтегазовых регионов имеют виды экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» и «Обработка производств», взаимосвязанные тем, что обеспеченность собственным углеводородным сырьем повышает рентабельность активов и продукции организаций нефтегазового комплекса и смежных отраслей экономики.

В нефтегазовых регионах инклюзивное производственное развитие может быть обеспечено высокорентабельными нефтегазовыми доходами регионального бюджета и нефтегазовых компаний. Для этого в первую очередь необходимо четкое выполнение таких фундаментальных институциональных норм, как горизонтальная промышленная политика и защита конкуренции и прав собственности, регулирование тарифов естественных монополий и правил исполнения договоров, которое не всегда имеет место в весьма капиталоемкой нефтегазовой отрасли с длительным сроком окупаемости инвестиций. Учитывая особенности геологического строения Волго-Уральской нефтегазоносной провинции, значительную долю трудноизвлекаемых запасов и невысокие качественные характеристики нефти и газа, основные условия инклюзивного производственного развития нефтегазовых регионов Приволжского федерального округа при эндогенном типе экономического роста можно представить следующим образом (рис. 2):

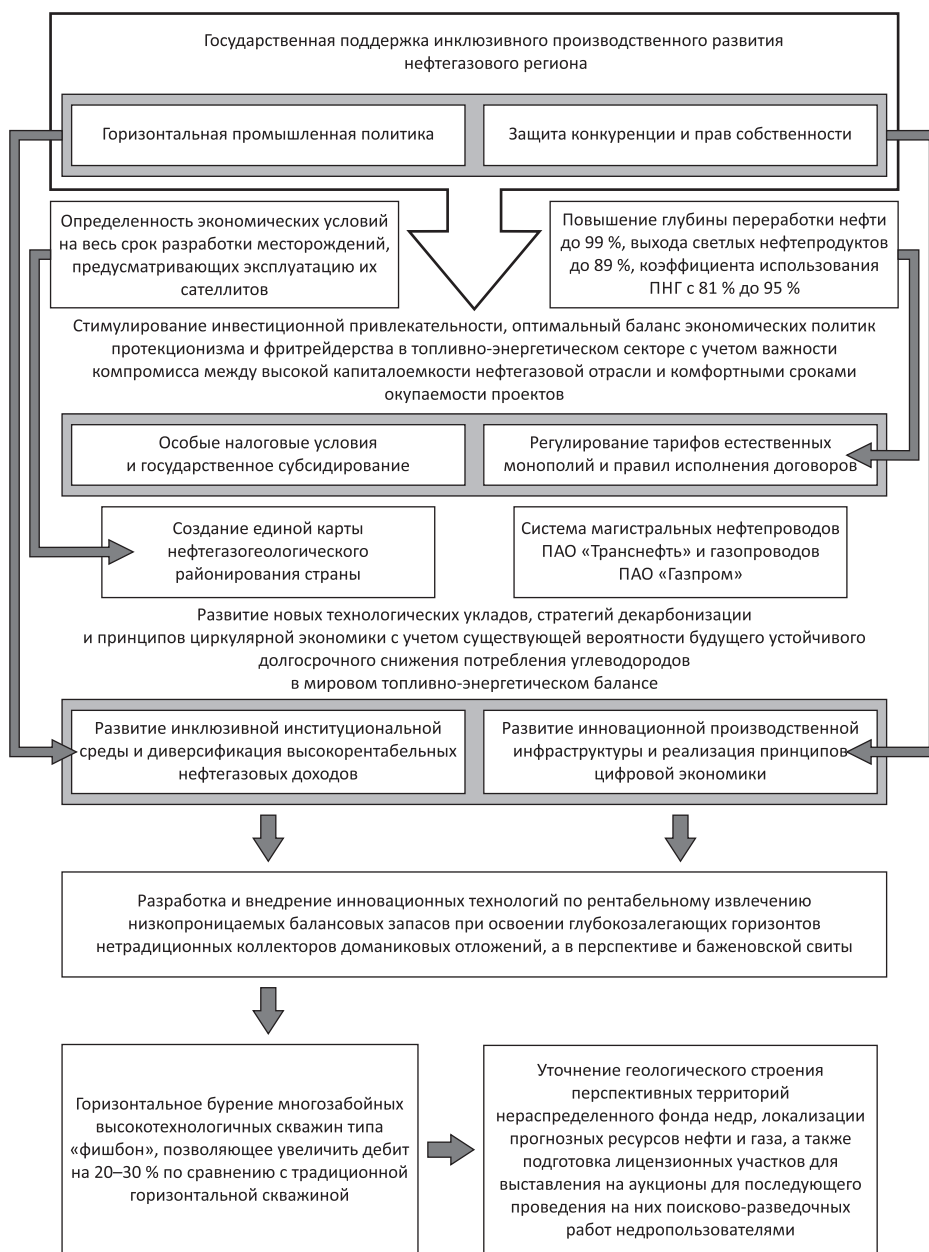

Рис. 2. Схема условий инклюзивного производственного развития нефтегазового региона Приволжского федерального округа при эндогенном типе экономического роста / Fig. 2. Scheme of conditions for inclusive production development of the oil and gas region in the Volga Federal District with an endogenous type of economic growth

Источник: составлено автором на основе данных Минприроды России и Роснедр⁶.

⁶ Там же. С. 15–42.

«Эффект Гронингена» на региональном уровне

В результате исследования роли институциональных факторов в развитии региональных экономических систем и потенциальных возможностей экономического роста нефтегазовых регионов как структурных элементов национальной экономики в условиях федеративного типа государственного устройства возникает необходимость в постановке научной проблемы «эффект Гронингена» на российском региональном уровне. Использование представленной выше методологии позволило разработать подходы к оценке состоятельности этого экономического явления, характерного для обеспеченных минерально-сырьевыми ресурсами экономических систем при унитарном типе государственного устройства, в российских нефтегазовых регионах. Подходы основаны на данных анализа структуры и динамики отраслевой валовой добавленной стоимости деятельности по добыче полезных ископаемых и обрабатывающих производств, внешнеторгового оборота, региональных уровней инфляции и безработицы, а также внутренних региональных затрат на научные исследования и разработки в нефтегазовых субъектах Российской Федерации как экономических системах с типологически однородными условиями. Результаты проведенного исследования позволяют формировать новый экономический инструментарий в государственном индикативном программном регулировании объемов «стерилизации» избыточных нефтегазовых доходов и баланса торгуемых и неторгуемых товаров. Наблюдаемый период с 2005 года отличается ростом и высокой волатильностью нефтяных и находящихся практически в прямой зависимости от них котировок природного газа (рис. 3).

Рис. 3. Котировки фьючерсов на нефть марки Brent, долл. США за баррель, MOEX /
Fig. 3. Brent crude oil futures quotes, USD per barrel, MOEX

Источник: составлено автором по данным группы компаний Forex Club⁷.

⁷ Курс нефти онлайн Brent Crude Oil [Электронный ресурс] // Официальный сайт группы компаний Forex Club. URL: <https://www.fxclub.org/markets/neft-gaz/brn?ysclid=1l28ln408e684554154> (дата обращения: 11.08.2022).

На протяжении наблюдаемого периода в нефтегазовых регионах Приволжского федерального округа не просматриваются основные индикаторы «эффекта Гронингена», такие как снижение экспорта обрабатывающих производств и рост уровней инфляции и безработицы по сравнению с нефтегазовыми регионами в результате роста объемов экспорта нефти и газа. Объем экспорта продукции топливно-энергетического комплекса (по классификации Росстата группа 27) и товаров химических и нефтехимических производств (группы 28–40) по абсолютному большинству позиций сохраняет значительное превышение над объемом импорта как в течение всего наблюдаемого периода, так и по сравнению с не нефтегазовыми регионами. Вместе с тем следует отметить устоявшееся превышение импорта машин, оборудования и транспортных средств (группы 84–90) над их экспортом, что является основным направлением преодоления технологического эмбарго, особенно критичным в области нефтегазохимического машиностроения (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Основные группы товаров внешнеторгового оборота нефтегазовых регионов Приволжского федерального округа, млн долл. США / The main groups of goods in the foreign trade turnover of the oil and gas regions in the Volga Federal District, million USD

Регион	Экспорт			Импорт		
	ПТЭК*	ПХПК**	МОТС***	ПТЭК	ПХПК	МОТС
Республика Башкортостан	2 315,6	679,0	889,1	7,2	141,9	481,5
Республика Татарстан	9 820,2	2 117,5	551,8	51,9	621,1	2 122,6
Удмуртская Республика	0,1	21,5	119,6	0,4	32,0	242,5
Пермский край	1 694,7	3 215,2	239,3	5,1	179,0	729,4
Оренбургская область	928,9	68,9	46,4	1,9	61,1	128,0
Самарская область	1 492,6	1 591,2	711,2	6,9	409,0	1 437,3
Среднее по НГР ПФО	2 681,4	1 310,0	431,5	11,9	241,2	841,4
Среднее по ПФО	1 316,5	678,8	339,4	8,1	219,7	579,8

*Примечание: * ПТЭК – продукция топливно-энергетического комплекса (группа 27); ** ПХПК – продукция химической промышленности, каучук; *** МОТС – машины, оборудование и транспортные средства.*

Источник: составлено автором на основе данных Росстата⁸.

Нефтегазовый бизнес в современном мире является одним из наиболее высокотехнологичных, а мировые вертикально интегрированные нефтегазовые компании активно инвестируют в исследования и новые технологии. Установлено, что применяемые в государственном управлении методы оценки внутренних региональных затрат на научные исследования и разработки в относительных величинах, зависящих от структуры валовой добавленной стоимости и других экономических показателей региона, могут не отра-

⁸ Регионы России ... С. 1109.

жать объективную ситуацию по данным затратам в абсолютном выражении на душу населения. Признаком «эффекта Гронингена» на российском региональном уровне может быть тот факт, что в абсолютном выражении внутренние затраты нефтегазовых регионов на научные исследования и разработки на душу населения значительно ниже их среднего значения по наблюдаемому федеральному округу. Причем если по оплате труда этот показатель соответствует общей динамике, то анализ внутренних затрат на оборудование и материалы в нефтегазовых регионах показал не только существенное отставание от среднего по округу, но и замедление роста (рис. 4).

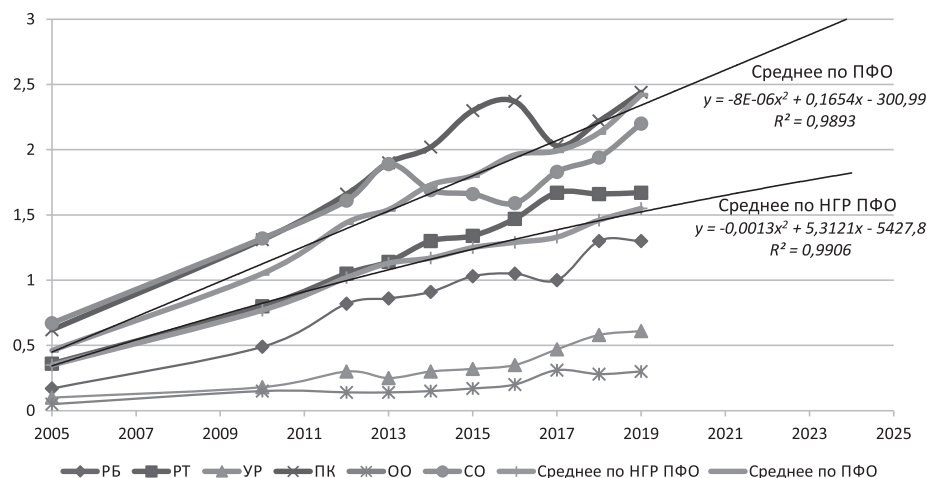

Рис. 4. Динамика внутренних текущих затрат нефтегазовых регионов на научные исследования и разработки, на оплату труда на душу населения, тыс. руб./чел. /
 Fig. 4. Dynamics of internal current expenditures of oil and gas regions on research and development, on labor remuneration per capita, thousand rubles/person

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики⁹.

При федеративных государственных отношениях нефтегазовые регионы являются экономическими системами с типологически однородными условиями, относительно самостоятельной экономической политикой и внешнеторговым оборотом, что делает необходимым проведение перманентного мониторинга проявлений региональных признаков «эффекта Гронингена» для адаптации административно-территориального деления страны к вызовам новой экономики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Введенная в научный оборот количественная оценка производственной специализации регионов с бюджетообразующим нефтегазохимическим комплексом как основным фактором сбалансированного развития и устойчиво-

⁹ Там же. С. 937–947.

сти региональной экономической системы направлена на решение проблемы рационального использования региональных материальных активов, включающих природные ресурсы и материально-техническую базу, в условиях трансформации экономической структуры в пространственном измерении. Проведение будущих исследований представляется целесообразным на примере нефтегазовых регионов других федеральных округов, прежде всего Уральского федерального округа, в котором соотношение объемов деятельности по добыче и переработке нефти и газа существенно отличается от Приволжского федерального округа, а следовательно, региональные закономерности инклюзивного производственного развития и признаки проявления «эффекта Гронингена» могут отражать дополнительные экономические подходы к селективному управлению производственным развитием нефтегазового региона и в целом национальной экономической системы как сети взаимодействующих регионов с учетом их отраслевой специализации.

Инклюзивное производственное развитие нефтегазового региона является важнейшим фактором регионального экономического роста, поскольку под влиянием высокорентабельной нефтегазовой отрасли возможно стимулирование других отраслей промышленности, а далее и остальных видов экономической деятельности региона. В российских условиях бюджетного федерализма эффективное инклюзивное производственное развитие нефтегазового региона требует определенного баланса экономических, финансовых, правовых механизмов поддержки со стороны как федеральных, так и региональных органов власти, поскольку нефтегазовые доходы есть важнейшая составляющая доходной части бюджетов обоих уровней. Особенности организационно-правовых форм и форм собственности крупнейших российских вертикально интегрированных производственных компаний, добывающих и перерабатывающих углеводородное сырье в нескольких регионах, а также международных нефтегазовых консорциумов, работающих по принципам соглашения о разделе продукции, усиливают актуальность и научный интерес исследования. Санкционный удар подтвердил и даже обострил то, о чем уже далеко не один год говорят специалисты. Это переход экономики страны от экспортно ориентированного развития к ресурсо-инновационному, ориентированному на глубокую переработку углеводородных и других сырьевых ресурсов. Это развитие наукоемких, высокотехнологичных производств и импортозамещение для стратегических отраслей экономики. Это возрождение и опережающее развитие научного потенциала страны, приоритетное решение задач по развитию науки и образования. Экономические системы нефтегазовых регионов с высокоразвитой промышленной инфраструктурой являются оптимальными средами для перехода к технологическому суверенитету, поскольку выступают важнейшими потребителями современных технологий нефтегазового и нефтегазохимического машиностроения и комплекса обслуживающих их отраслей. Этот запрос может быть удовлетворен собственным научно-техническим потенциалом в результате селективного управления инклюзивным производственным развитием нефтегазового региона.

Список источников

Крюков В. А., Миляев Д. В., Савельева А. Д. и др. Вызовы и ответы экономики Республики Татарстан на процессы декарбонизации // Георесурсы. 2021. Т. 23, № 3. С. 17–23. <https://doi.org/10.18599/grs.2021.3.3>.

Крюков В. А., Севастьянова А. Е., Токарев А. Н. и др. Современный подход к разработке и выбору стратегических альтернатив развития ресурсных регионов // Экономика региона. 2017. Т. 13, № 1. С. 93–105. <https://doi.org/10.17059/2017-1-9>.

Крюков В. А., Токарев А. Н. Формирование условий для освоения трудноизвлекаемых запасов нефти: необходимость учета региональных аспектов // Экономика региона. 2022. Т. 18, № 3. С. 755–769. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-10>.

Лаврикова Ю. Г., Акбердина В. В., Суворова А. В. Совершенствование системы мониторинга инновационного развития промышленности // Экономика и управление. 2020. Т. 26, № 7. С. 698–707. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-7-698-707>.

Лаврикова Ю. Г., Акбердина В. В., Суворова А. В. Согласование приоритетов научно-технологического и пространственного развития индустриальных регионов // Экономика региона. 2019. Т. 15, № 4. С. 1022–1035. <https://doi.org/10.17059/2019-4-5>.

Лаврикова Ю. Г., Семячков А. И., Гао Ж. Теоретические основы экономического и институционального механизмов управляемого природопользования // Russian Journal of Management. 2021. Т. 9, № 1. С. 111–115. <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2021-9-1-111-115>.

Севастьянова А. Е. Формирование условий для инновационного развития регионов ресурсного типа // Регион: экономика и социология. 2016. № 1. С. 209–232. <https://doi.org/10.15372/REG20160109>.

Севастьянова А. Е., Токарев А. Н., Шмат В. В. Особенности применения концепции инклюзивного развития для регионов ресурсного типа // Регион: экономика и социология. 2017. № 1. С. 213–236. <https://doi.org/10.15372/REG20170110>.

Суворов Н. В., Ахунов Р. Р., Губарев Р. В. и др. Применение производственной функции Кобба – Дугласа для анализа промышленного комплекса региона // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 1. С. 187–200. <https://doi.org/10.17059/2020-1-14>.

Усс А. В., Крюков В. А., Нефедкин В. И. и др. Как повысить региональные эффекты от ресурсных проектов // ЭКО. 2022. № 2. С. 27–46. <https://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2022-2-27-46>.

Шарф И. В., Михальчук А. А. Воспроизводственные процессы в недропользовании как основа устойчивого социально-экономического развития нефтедобывающих регионов // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 4. С. 1286–1301. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-17>.

Akhunov R. R., Akhunova L. R., Marichev S. G. et al. Russian oil and gas regions during the COVID-19 crisis and their digital transformation // R-Economy. 2021. Vol. 7, № 3. P. 179–191. <https://doi.org/10.15826/recon.2021.7.3.016>.

Akhunov R. R., Yangirov A. V. Spatial-territorial factors of economic growth in the Russian Federation // *R-Economy*. 2021. Vol. 7, № 1. P. 42–51. <https://doi.org/10.15826/recon.2021.7.1.004>.

Eder L. V., Filimonova I. V., Provornaya I. V. et al. Public-private partnerships as a factor of innovative development resource regions, case of Russia // 18th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM 2018. Conference proceedings. Vol. 18, № 5.3. Ecology, economics, education and legislation. Albena: STEF92 Technology, 2018a. P. 647–654. <https://doi.org/10.5593/sgem2018/5.3/S28.083>.

Eder L. V., Komarova A. V., Filimonova I. V. et al. Sustainable development of resource regions on the declining stage of production: Innovative technologies and economic efficiency // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2018.b Vol. 206. International Scientific Conference “Knowledge-based technologies in development and utilization of mineral resources” (KTUDMR 2018). Art. № 012056. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/206/1/012056>.

Eder L. V., Provornaya I. V., Filimonova I. V. et al. Exploration and production of oil and gas as a factor of economic development of the arctic resource regions, resource curse // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2018c. Vol. 193. The Fifth All-Russian Conference with International Participation “POLAR MECHANICS”. Art. № 012073. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/193/1/012073>.

Eder L. V., Provornaya I. V., Komarova A. V. et al. Resource regions of Russia: Resource curse and sustainable innovative development // 18th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM 2018. Conference proceedings. Vol. 18, № 5.3. Ecology, economics, education and legislation. Albena: STEF92 Technology, 2018d. P. 687–694. <https://doi.org/10.5593/sgem2018/5.3/S28.088>.

Filimonova I. V., Eder L. V., Provornaya I. V. et al. Resource rent as the key factor of energy and economic policy // 18th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM 2018. Conference proceedings. Vol. 18, № 5.3. Ecology, economics, education and legislation. Albena: STEF92 Technology, 2018. P. 695–702. <https://doi.org/10.5593/sgem2018/5.3/S28.089>.

Kryukov V. A., Milyaev D. V., Dushenin D. I. et al. Knowledge generation in raw material industries // *Studies on Russian Economic Development*. 2022. Vol. 33, № 3. P. 257–266. <https://doi.org/10.1134/S1075700722030078>.

Kryukov V. A., Seliverstov V. E. From the continental and resource curse of Siberia to institutional harmony // *Regional Research of Russia*. 2021. Vol. 11, № Suppl. 1. P. 1–12. <https://doi.org/10.1134/S2079970522010038>.

Kryukov V. A., Sevastyanova A. Ye., Tokarev A. N. et al. A rationale for some directions of the development of resource territories: The complex “meso-level” problem // *R-Economy*. 2016. Vol. 2, № 1. P. 38–50. <https://doi.org/10.15826/recon.2016.2.1.004>.

Kryukov V. A., Tokarev A. Prospects for the resource regions’ growth considering the specific features of the mineral and raw materials complex development // *E3S Web of Conferences*. 2018a. Vol. 41. Art. № 04003. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/20184104003>.

Kryukov V. A., Tokarev A. The need for integrating the service sector into the innovative systems of resource regions // *E3S Web of Conferences*. 2018b. Vol. 41. Art. № 04004. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/20184104004>.

Lavrikova Yu. G., Buchinskaia O. N., Wegner-Kozlova E. O. Greening of regional economic systems within the framework of sustainable development goals // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 4. P. 1110–1122. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-5>.

Sharf I. V., Mikhalechuk A. A. The effect of imbalance in resource management on regional social economic development // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2021. Vol. 629. Environmental transformation and sustainable development in Asian region. Art. № 012010. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/629/1/012010>.

Tsibulnikova M. R., Sharf I. V. Optimization of environmentally-oriented resource management // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2021. Vol. 629. Environmental transformation and sustainable development in Asian region. Art. № 012032. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/629/1/012032>.

Информация об авторе

И. Л. Беилин – кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры экономики Казанского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», 420088, Россия, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7а

SPIN-код (РИНЦ): 4175-5512

AuthorID (РИНЦ): 606362

Web of Science ResearcherID: M-5033-2013

Scopus Author ID: 12797539400

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023; одобрена после рецензирования 27.05.2023; принята к публикации 27.05.2023.

References

Kryukov, V. A., Milyaev, D. V., Savelieva, A. D. et al. (2021), “Challenges and responses of the economy of the Republic of Tatarstan to decarbonization processes”, *Georesursy*, vol. 23, no. 3, pp. 17–23, <https://doi.org/10.18599/grs.2021.3.3>.

Kryukov, V. A., Sevastyanova, A. E., Tokarev, A. N. et al. (2017), “A modern approach to the elaboration and selection of strategic alternatives for resource regions”, *Economy of Regions*, vol. 13, no. 1, pp. 93–105, <https://doi.org/10.17059/2017-1-9>.

Kryukov, V. A. and Tokarev, A. N. (2022), “Creation of conditions for the development of hard-to-recover oil reserves: Regional aspects”, *Economy of Regions*, vol. 18, no. 3, pp. 755–769, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-10>.

Lavrikova, Yu. G., Akberdina, V. V. and Suvorova, A. V. (2020), “Improving the monitoring system for innovative industrial development”, *Economics and Management*, vol. 26, no. 7, pp. 698–707, <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-7-698-707>.

Lavrikova, Yu. G., Akberdina, V. V. and Suvorova, A. V. (2019), “Coordinating the priorities of scientific, technological and spatial development of industrial regions”, *Economy of Regions*, vol. 15, no. 4, pp. 1022–1035, <https://doi.org/10.17059/2019-4-5>.

Lavrikova, Yu. G., Semyachkov, A. I. and Gao, Zh. (2021), “Theoretical basis of economic and administrative mechanisms of controlled nature use”, *Russian Jour-*

nal of Management, vol. 9, no. 1, pp. 111–115, <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2021-9-1-111-115>.

Sevastyanova, A. E. (2016), “Creating conditions for the innovative development of resource-type regions”, *Region: Economics and Sociology*, no. 1, pp. 209–232, <https://doi.org/10.15372/REG20160109>.

Sevastyanova, A. E., Tokarev, A. N. and Shmat, V. V. (2017), “Application features of inclusive development concept in resource regions”, *Region: Economics and Sociology*, no. 1, pp. 213–236, <https://doi.org/10.15372/REG20170110>.

Suvorov, N. V., Akhunov, R. R., Gubarev, R. V. et al. (2020), “Applying the Cobb-Douglas production function for analysing the region’s industry”, *Economy of Regions*, vol. 16, no. 1, pp. 187–200, <https://doi.org/10.17059/2020-1-14>.

Uss, A. V., Kryukov, V. A., Nefedkin, V. I. et al. (2022), “How to increase the regional effects of resource development projects”, *ECO*, no. 2, pp. 27–46, <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-2-27-46>.

Sharf, I. V. and Mikhalechuk, A. A. (2021), “Reproduction processes in subsoil use as the basis for sustainable socio-economic development of oil-producing regions”, *Economy of Regions*, vol. 17, no. 4, pp. 1286–1301, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-17>.

Akhunov, R. R., Akhunova, L. R., Marichev, S. G. et al. (2021), “Russian oil and gas regions during the COVID-19 crisis and their digital transformation”, *R-Economy*, vol. 7, no. 3, pp. 179–191, <https://doi.org/10.15826/recon.2021.7.3.016>.

Akhunov, R. R. and Yangirov, A. V. (2021), “Spatial-territorial factors of economic growth in the Russian Federation”, *R-Economy*, vol. 7, no. 1, pp. 42–51, <https://doi.org/10.15826/recon.2021.7.1.004>.

Eder, L. V., Filimonova, I. V., Provornaya, I. V. et al. (2018a), “Public-private partnerships as a factor of innovative development resource regions, case of Russia”, *18th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM 2018. Conference proceedings*, vol. 18, no. 5.3. Ecology, economics, education and legislation, STEF92 Technology, Albena, Bulgaria, pp. 647–654, <https://doi.org/10.5593/sgem2018/5.3/S28.083>.

Eder, L. V., Komarova, A. V., Filimonova, I. V. et al. (2018b), “Sustainable development of resource regions on the declining stage of production: Innovative technologies and economic efficiency”, *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, vol. 206. International Scientific Conference “Knowledge-based technologies in development and utilization of mineral resources” (KTUDMR 2018), art. no. 012056, <https://doi.org/10.1088/1755-1315/206/1/012056>.

Eder, L. V., Provornaya, I. V., Filimonova, I. V. et al. (2018c), “Exploration and production of oil and gas as a factor of economic development of the arctic resource regions, resource curse”, *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, vol. 193. The Fifth All-Russian Conference with International Participation “POLAR MECHANICS”, art. no. 012073, <https://doi.org/10.1088/1755-1315/193/1/012073>.

Eder, L. V., Provornaya, I. V., Komarova, A. V. et al. (2018d), “Resource regions of Russia: Resource curse and sustainable innovative development”, *18th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM 2018. Conference proceedings*, vol. 18, no. 5.3. Ecology, economics, education and legislation, STEF92 Technology, Albena, Bulgaria, pp. 687–694, <https://doi.org/10.5593/sgem2018/5.3/S28.088>.

Filimonova, I. V., Eder, L. V., Provornaya, I. V. et al. (2018), “Resource rent as the key factor of energy and economic policy”, *18th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM 2018. Conference proceedings*, vol. 18, no. 5.3. Eco-

logy, economics, education and legislation, STEF92 Technology, Albena, Bulgaria, pp. 695–702, <https://doi.org/10.5593/sgem2018/5.3/S28.089>.

Kryukov, V. A., Milyaev, D. V., Dushenin, D. I. et al. (2022), “Knowledge generation in raw material industries”, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 33, no. 3, pp. 257–266, <https://doi.org/10.1134/S1075700722030078>.

Kryukov, V. A. and Seliverstov, V. E. (2021), “From the continental and resource curse of Siberia to institutional harmony”, *Regional Research of Russia*, vol. 11, no. Suppl. 1, pp. 1–12, <https://doi.org/10.1134/S2079970522010038>.

Kryukov, V. A., Sevastyanova, A. Ye., Tokarev, A. N. et al. (2016), “A rationale for some directions of the development of resource territories: The complex “meso-level” problem”, *R-Economy*, vol. 2, no. 1, pp. 38–50, <https://doi.org/10.15826/recon.2016.2.1.004>.

Kryukov, V. A. and Tokarev, A. (2018a), “Prospects for the resource regions’ growth considering the specific features of the mineral and raw materials complex development”, *E3S Web of Conferences*, vol. 41, art. no. 04003, <https://doi.org/10.1051/e3sconf/20184104003>.

Kryukov, V. A. and Tokarev, A. (2018b), “The need for integrating the service sector into the innovative systems of resource regions”, *E3S Web of Conferences*, vol. 41, art. no. 04004, <https://doi.org/10.1051/e3sconf/20184104004>.

Lavrikova, Yu. G., Buchinskaia, O. N. and Wegner-Kozlova, E. O. (2021), “Greening of regional economic systems within the framework of sustainable development goals”, *Economy of Regions*, vol. 17, no. 4, pp. 1110–1122, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-5>.

Sharf, I. V. and Mikhalechuk, A. A. (2021), “The effect of imbalance in resource management on regional social economic development”, *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, vol. 629. Environmental transformation and sustainable development in Asian region, art. no. 012010, <https://doi.org/10.1088/1755-1315/629/1/012010>.

Tsibulnikova, M. R. and Sharf, I. V. (2021), “Optimization of environmentally-oriented resource management”, *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, vol. 629. Environmental transformation and sustainable development in Asian region, art. no. 012032, <https://doi.org/10.1088/1755-1315/629/1/012032>.

Information about the author

I. L. Beilin – Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics, Kazan Branch of the Russian University of Justice, 7a Second Azinskaya Str., Kazan, 420088, Russia

SPIN-code (RSCI): 4175-5512

Author ID (RSCI): 606362

Web of Science ResearcherID: M-5033-2013

Scopus Author ID: 12797539400

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 10.02.2023; approved after reviewing 27.05.2023; accepted for publication 27.05.2023.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 722–738.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 4, pp. 722–738.

Научная статья

УДК 336.14.338.2

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-722-738>

ИНИЦИАТИВНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ – ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ И ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ: КЕЙС СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Иван Александрович Антипин^{1✉}, Наталья Юрьевна Власова²,

Наталья Валерьевна Новикова³

^{1,2,3} Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

¹ aia87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8532-6303>

² vnj@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0472-671X>

³ novikova@usue.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7488-8730>

Аннотация. Введение: в Российской Федерации во многих субъектах созданы нормативная база и институциональные условия для развития инициативного бюджетирования, на конкурсной основе осуществляется отбор проектов и их финансирование. Однако дискуссионными остаются вопросы выбора форм и методов инициативного бюджетирования, оценки представленных проектов, анализа эффективности использованных средств и реализуемых проектов в краткосрочной и долгосрочной перспективе. **Цель:** обобщение подходов к оценке эффективности инициативного бюджетирования и анализ практики инициативного бюджетирования в Свердловской области. **Методы:** динамический и сравнительный анализ, обобщение. **Результаты:** установлена сформированность институциональных условий для реализации практики инициативного бюджетирования в Свердловской области, включая нормативную правовую базу, этапы разработки и представления проекта и критерии для отбора проектов, обеспечивающие прозрачность процедуры конкурсного отбора. С 2017 (год начала реализации) по 2022 год в Свердловской области число проектов, заявленных на региональный конкурс, выросло в 13 раз, число проектов победителей – в 11 раз, что свидетельствует о прогрессивном развитии практики инициативного бюджетирования. Проведен анализ участия муниципальных образований; проектов, заявленных на региональный конкурс и признанных победителями; имеющихся сложностей в осуществлении проектов. Сформулированы проблемы, замедляющие реализацию инициативного бюджетирования на практике. Определены инструменты, способствующие развитию инициативного бюджетирования, а также ожидаемые эффекты от внедрения цифрового продукта по инициативному бюджетированию на всех этапах – от приема заявок на региональный отбор до реализации проектов. **Выводы:** инициативное бюджетирование позволяет гражданам не только участвовать в планировании направлений, реализации проектов и контроле за расходованием средств местных бюджетов, но и решать актуальные социальные вопросы и предупреждать назревающие конфликты с органами власти. В Свердловской области наблюдается положительная динамика применения практики инициативного бюджетирования, что свидетельствует об осознании местными органами власти и населением возможностей партисипаторных механизмов.

Ключевые слова: участие граждан, теория демократии, теория нового общественного управления, эффективность, развитие территории, регион, муниципальное образование

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для цитирования: Антипин И. А., Власова Н. Ю., Новикова Н. В. Инициативное бюджетирование – тенденции развития в российских регионах и проблемы оценки: кейс Свердловской области // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 4. С. 722–738. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-722-738>.

Original article

PARTICIPATORY BUDGETING – DEVELOPMENT TRENDS IN RUSSIAN REGIONS AND ASSESSMENT PROBLEMS: THE CASE OF THE SVERDLOVSK REGION

Ivan A. Antipin¹✉, Natalia Yu. Vlasova², Natalia V. Novikova³

^{1,2,3} Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

¹ aia87@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-8532-6303>

² vnj@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0472-671X>

³ novikova@usue.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7488-8730>

Abstract. Introduction: majority of the Russian Federation regions have created the regulatory framework and institutional conditions for the development of participatory budgeting; projects are selected and financed on a competitive basis. However, selecting forms and methods of participatory budgeting, evaluating the projects submitted, analyzing the effectiveness of the funds used and implemented projects in the short and long term still remain debatable issues. **Objectives:** generalization of approaches to assessing the effectiveness of participatory budgeting and analysis of initiative budgeting practices in the Sverdlovsk Region. **Methods:** dynamic and comparative analysis, generalization. **Results:** the institutional conditions for practical implementation of participatory budgeting in the Sverdlovsk Region have been established, including the regulatory legal framework: stages of project development and presentation; project selection criteria ensuring transparency of the competitive selection procedure. From 2017 (the implementation start) to 2022 in the Sverdlovsk Region the number of projects submitted to the regional competition increased 13 times, the number of winning projects – 11 times, which indicates the progressive development in participatory budgeting. Analyses were carried out on the following: municipalities participation; projects submitted to the regional competition and recognized as winners; existing problems in project implementation. The problems that slow down the implementation of participatory budgeting have been formulated. The tools that contribute to the development of participatory budgeting have been identified, as well as the expected effects from introducing digital product on participatory budgeting at all stages – from accepting applications for regional selection to project implementation. **Conclusions:** participatory budgeting allows citizens not only to participate in planning directions, implementing projects and monitoring local budget expenditures, but also to solve pressing social issues and prevent emerging conflicts with authorities. In the Sverdlovsk region, there is a positive trend in participatory budgeting practices, which indicates that both local authorities and the population are aware of the possibilities of participatory mechanisms.

Keywords: citizen participation, democratic theory, new public management theory, efficiency, territorial development, region, municipality

For citation: Antipin, I. A., Vlasova, N. Yu. and Novikova, N. V. (2023), “Participatory budgeting – Development trends in Russian regions and assessment problems: The case of the Sverdlovsk Region”, *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 4, pp. 722–738, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-4-722-738>.

ВВЕДЕНИЕ

Партисипаторные практики используются во многих странах для вовлечения населения в процессы управления и учета потребностей жителей территории, а также повышения эффективности использования бюджетных средств.

В большинстве субъектов Российской Федерации развиваются процессы инициативного бюджетирования: ежегодно осуществляется выбор и финансирование проектов на конкурсной основе (Дербенева и др., 2020; Дронь и Аксюткина, 2022; Евдокимова и Моргунова, 2019; Керимов и др., 2021). Однако до сих пор дискуссионными остаются вопросы выбора форм и методов инициативного бюджетирования, оценки представленных проектов, анализа эффективности использованных средств и реализуемых проектов в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Цель настоящей научной статьи заключается в обобщении существующих методов оценки эффективности инициативного бюджетирования и анализе практики инициативного бюджетирования в Свердловской области.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В научной литературе ведется активная дискуссия о сущности, преимуществах, формах и ограничениях инициативного бюджетирования. Ряд авторов рассматривают инициативное бюджетирование весьма широко, включая в него все возможные формы участия населения в обсуждении бюджета и процедурах его формирования: дебаты, опросы, общественные слушания, краудфандинг и т. п. (Zhang and Liao, 2011); другие авторы ограничивают это понятие только непосредственным участием населения в распределении денежных средств (Miller et al., 2019).

Партисипаторные формы, к которым относится и инициативное бюджетирование, базируются на теории нового общественного управления, предполагающей широкое вовлечение граждан в процессы принятия решений и развитие демократии (Bingham et al., 2005).

Инициативное бюджетирование для органов власти – это возможность включиться в общемировой тренд расходования бюджетных средств и определения путей развития конкретных территорий с участием граждан. Совместное обсуждение и одобрение гражданами приоритетов развития приводит к повышению доверия и налаживанию конструктивного диалога с населением, способствует формированию у населения позиции ответственности за развитие своих территорий, сокращает иждивенческие настроения. Инициативное бюджетирование для граждан – это возможность решить насущные проблемы с привлечением внешних источников финансирования, повысить качество государственных и муниципальных услуг, улучшить среду обитания. Исследования частично подтверждают взаимосвязь между развитием проектов инициативного бюджетирования и уровнем устойчивости территории (Calisto Friant, 2019), объемом и качеством муниципальных услуг, где граждане рассматриваются как своего рода со-производители услуг на условиях

их софинансирования (Manes-Rossi et al., 2023), а также экономией бюджетных средств (Calabrese et al., 2020).

Остаются дискуссионными подходы к оценке эффективности как инициативного бюджетирования в целом, так и реализуемых проектов. Можно выделить два момента. Первый – это методика оценки проектов, поданных на конкурс. В каждом регионе разрабатываются свои подходы и критерии такой оценки, собственные приоритеты (Коречков и др., 2023). Второй момент – это пост-оценка проводимой политики с точки зрения краткосрочных и долгосрочных эффектов. Она может включать мониторинг реализации и эффективности проектов, оценку степени реализации, выявление причин, почему те или иные проекты могли быть не реализованы (Зарова и Коваленко, 2022; Керимов и др., 2021; Табунщикова, 2022). Ряд авторов предлагают проводить мониторинг инициативного бюджетирования в регионе по четырем группам параметров, включая параметры описательные (1), характеризующие затраченные ресурсы (2), отражающие эффективность управленческих процессов (3) и отражающие полученные результаты (4) (Вагин и др., 2019, с. 53).

Наиболее сложным остается вопрос долгосрочных эффектов – степени влияния данных механизмов на уровень финансовой безопасности территории, финансовой грамотности населения и овладения им партисипаторными практиками, на качество среды обитания и уровень жизни населения (Степанов, 2019, с. 48–49).

Наконец, это сравнительная оценка (рейтинги) муниципалитетов и регионов по уровню развития партисипаторных практик на их территории. Здесь важна также и динамика процесса. По мнению некоторых авторов, оценка регионов должна проводиться «по группам в зависимости от времени вступления в развитие инициативного бюджетирования. Важной составляющей при этом выступает динамика развития этого явления: увеличиваются или уменьшаются с каждым годом объем субсидий, количество вовлеченных участников?» (Вагин и Гаврилова, 2017, с. 1394).

Первейшим базовым условием развития партисипаторной практики является институциональная инфраструктура (Friendly, 2019, p. 914, 918–922). Она может включать нормативную базу, систему обучения и повышения квалификации, информационное сопровождение, а также платформу для подачи конкурсных заявок и их отбора (Вагин и Шугрина, 2021, с. 19).

На основе анализа 139 англоязычных статей, посвященных инициативному (партисипаторному) бюджетированию и опубликованных с 1989 по 2019 год, было выявлено, что на конфигурацию системы и формы реализации практики инициативного бюджетирования оказывают влияние такие факторы, как структура органов власти и форма правления. Инициативное бюджетирование ассоциируется с политикой и механизмами децентрализованного планирования, делегированного финансового управления и фискальной автономии. Кроме того, имеет значение политическая культура и опыт участия населения в иных партисипаторных формах. Инициативное бюджетирование попадает в благоприятную среду, когда продвигаются другие стратегии и инструменты гражданского участия, например, общественные советы, общественные слушания и т. п. Также признается позитивная роль обще-

ственных организаций в генерировании идей инициативного бюджетирования (Bartocci et al., 2023).

К подобным выводам приходят и другие авторы. В частности, на основе сравнительного анализа практики инициативного бюджетирования в Бразилии и Португалии утверждается значимость институциональных условий, политических партий и стратегических приоритетов, состава основных стейкхолдеров при формировании моделей инициативного бюджетирования и его целеполагании (Falanga and Lüchmann, 2020, p. 614–616). Исследования также показывают, что степень вовлеченности граждан в инициативное бюджетирование во многом зависит от того, насколько выбранные приоритеты соответствуют интересам населения. Например, при рассмотрении степени влияния инициативного бюджетирования на предоставление услуг местными органами власти в округе Сумеданг (Индонезия, провинция Западная Ява) делается вывод о том, что инициативное бюджетирование не улучшило доступ бедных слоев населения к муниципальным услугам. Это, по мнению ученых, объясняется недостаточным учетом интересов бедных слоев населения при формировании повестки инициативного бюджетирования (Ewens and van der Voet, 2019, p. 1857). Наконец, подтверждается гипотеза о влиянии «недостаточного уровня уверенности граждан в соблюдении принципов конструктивного диалога со стороны власти на снижение их готовности к участию в практиках инициативного бюджетирования» (Рогач и Фролова, 2023, с. 56).

Однако не менее важное влияние на качество коммуникаций и реализуемых проектов оказывает отношение со стороны органов власти, их готовность вести диалог с населением. Существующие исследования убеждают в том, что эффективное участие граждан предполагает двусторонний диалог между представителями органов власти и гражданами. Отношение государственных и муниципальных служащих, степень их подготовки, а также особенности организации сообщества влияют на внедрение механизмов двусторонней коммуникации при реализации проектов инициативного бюджетирования (Zhang and Liao, 2011, p. 291–298). Обсуждая мотивы и движущие силы, побуждающие граждан участвовать в данных проектах, исследователи отмечают, что многое зависит от возможностей обеспечить действительно реальное участие граждан в разработке и реализации проектов (Manes-Rossi et al., 2023, p. 205–210).

Теоретически прямое вовлечение граждан в составление бюджета помогает местным органам власти более точно отражать бюджетные предпочтения граждан, тем самым улучшая взаимодействие с ними. Однако многие исследователи отмечают неоднозначность оценки эффективности инициативного бюджетирования, учитывая прямые и косвенные затраты, а также краткосрочные и долгосрочные эффекты (Schneider and Busse, 2019, p. 265–268). Эмпирический анализ, основанный на данных местных органов власти Южной Кореи за период с 2012 по 2019 год, продемонстрировал, что инициативное бюджетирование может негативно влиять на финансовое состояние местных бюджетов. Неблагоприятные последствия в основном проявляются в среднесрочной и долгосрочной перспективе, в то время как краткосрочное финансовое состояние остается незатронутым. Полученные результаты доказывают,

что на практике граждане не всегда могут эффективно обращаться с финансовыми ресурсами (Park et al., 2023, p. 438–439). Все это говорит о необходимости разработки более комплексных методик оценки, учитывающих не только краткосрочные, но и долгосрочные результаты.

Важным является и личностный фактор, включающий как уровень квалификации и подготовки работников органов власти, так и готовность их к налаживанию связей между участниками (Panday and Chowdhury, 2020, p. 142–146).

Исходя из обозначенной теоретической базы в настоящей статье на примере Свердловской области рассмотрены институциональные основы процесса инициативного бюджетирования, осмыслен созданный алгоритм подачи заявок, отбора и реализации проектов, проанализирована динамика количества поданных заявок, а также поддержанных и реализованных проектов, выявлены существующие проблемы и обозначены возможные пути и направления их решения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Инициативное бюджетирование на территории Свердловской области осуществляется с 2017 года. За этот период сформированы институциональные условия, включая нормативную правовую базу¹.

Все нормативные правовые документы размещены на сайте Министерства экономики и территориального развития Свердловской области (далее – Министерство), на странице «Инициативное бюджетирование». Для удобства пользователей актуальные редакции документов сгруппированы отдельно. При принятии новых и внесении изменений в действующие редакции нормативных правовых актов организована их рассылка в системе электронного документооборота во все муниципальные образования. Таким образом обеспечивается информирование муниципальных образований и граждан о возможности, порядке, условиях участия в инициативном бюджетировании.

На уровне муниципальных образований также приняты соответствующие нормативные документы, обеспечивающие реализацию процессов инициативного бюджетирования.

Алгоритм конкурсного отбора проектов инициативного бюджетирования в Свердловской области состоит из пяти этапов:

¹ См: *Порядок предоставления субсидий из областного бюджета бюджетам муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, на внедрение механизмов инициативного бюджетирования на территории Свердловской области* [Электронный ресурс]: утв. Постановлением Правительства Свердл. обл. от 31.08.2017 № 639-ПП URL: http://economy.midural.ru/sites/default/files/files/files/poryadok_1209-pp_ot_27.07.2023_00000002.pdf (дата обращения: 21.03.2023); *О региональной конкурсной комиссии по отбору проектов инициативного бюджетирования, реализуемых на территории Свердловской области* [Электронный ресурс]: Приказ М-ва экономики и территор. развития Свердл. обл. от 04.06.2018 № 32. URL: <https://docs.cntd.ru/document/543566489> (дата обращения: 21.03.2023); *Об одобрении типовой формы постановления главы (администрации) муниципального образования, расположенного на территории Свердловской области, об утверждении Порядка проведения конкурсного отбора проектов инициативного бюджетирования и состава конкурсной комиссии* [Электронный ресурс]: Приказ М-ва экономики и территор. развития Свердл. обл. от 09.07.2018 № 40. URL: <https://docs.cntd.ru/document/543570165> (дата обращения: 21.03.2023).

- 1) разработка проекта инициативной группой граждан (не менее 3 человек) или некоммерческой организацией;
- 2) общественное обсуждение;
- 3) муниципальный конкурсный отбор;
- 4) региональный конкурсный отбор;
- 5) реализация проекта.

Все проекты оцениваются по балльной системе. Баллы с учетом весовых коэффициентов рассчитываются по трем сводным критериям: доля финансирования проекта со стороны местного бюджета, населения и бизнеса; степень участия населения в подготовке, обсуждении и реализации проекта и эффект от проекта для жителей муниципального образования; соответствие проекта стратегическим приоритетам развития муниципального образования.

В таблице представлены показатели развития инициативного бюджетирования в Свердловской области за период с 2017 по 2022 год.

Таблица / Table

Развитие инициативного бюджетирования в Свердловской области за период с 2017 по 2022 год / Initiative budgeting development in the Sverdlovsk Region, 2017–2022

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Количество проектов инициативного бюджетирования, заявленных на конкурсный отбор, ед.	7	22	40	23	73	90
Проекты, признанные победителями, ед.	7	19	23	14	38	78
Проекты, реализованные с участием средств областного бюджета, ед.	7	17	23	14	38	71
Количество муниципальных образований, на чьей территории реализованы проекты-победители, ед.	6	9	12	11	19	32
Общая стоимость проектов-победителей, тыс. руб.	10 083,3	18 844,2	21 742,4	12 864,9	38 464,4	96 169,0
Средства областного бюджета, выделенные на реализацию проектов, тыс. руб.	5 041,7	9 372,7	10 000,0	6 273,2	16 809,5	42 126,5
Доля софинансирования проектов из областного бюджета, %	50	49,7	46	48,8	43,7	43,8

Источник: здесь и ниже составлено авторами на основе данных Министерства экономики и территориального развития Свердловской области.

С 2017 по 2022 год число проектов, заявленных на региональный конкурс, выросло в 13 раз к уровню стартового года, число проектов победителей – в 11 раз.

В 2022 году общая стоимость проектов победителей составила 96,2 млн рублей. Размер субсидии из бюджета Свердловской области увеличился в 2,5 раза относительно уровня 2021 года и составил 42,1 млн рублей (рис. 1).

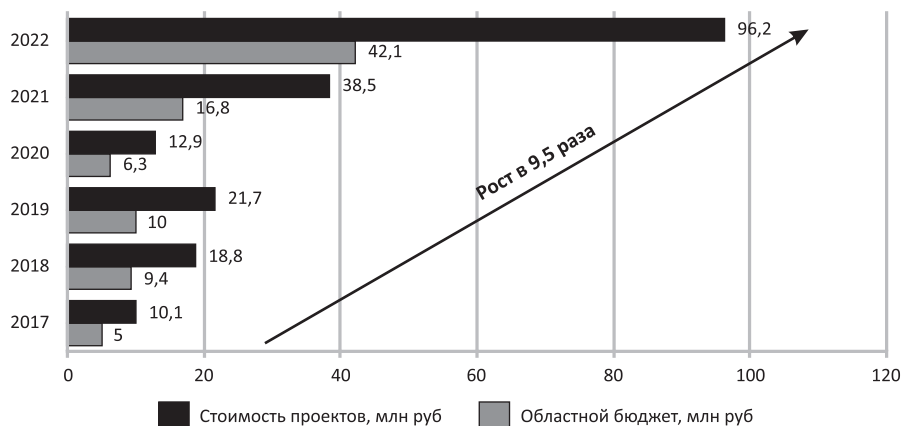

Рис. 1. Финансирование проектов инициативного бюджетирования в Свердловской области / Fig. 1. Participatory budgeting projects financing in the Sverdlovsk Region

Типология проектов-победителей в 2022 году представлена на рисунке 2. Как видно из рисунка 2, большую долю проектов инициативного бюджетирования составили проекты по благоустройству.

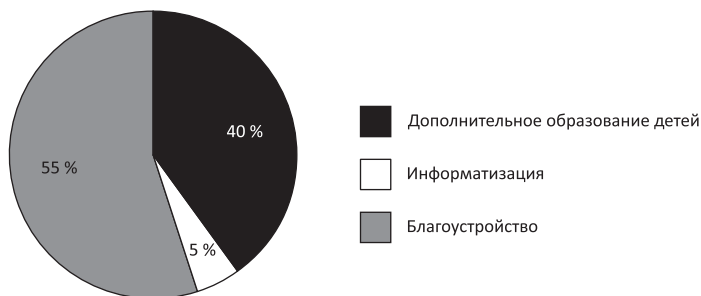

Рис. 2. Типология проектов, победивших в конкурсе проектов инициативного бюджетирования в Свердловской области в 2022 году, % / Fig. 2. Breakdown of the competition winners projects in participatory budgeting in the Sverdlovsk Region, 2022, %

В 2022 году к реализации инициатив граждан впервые присоединились восемь муниципальных образований: город Алапаевск, Красноуфимский округ, городской округ Ревда, Артемовский и Камышловский городские округа, а также крупные муниципалитеты: город Каменск-Уральский, Серовский и Полевской городские округа. В том же году в обсуждении проектов инициативного бюджетирования участвовали более 33 тыс. человек, что почти в 1,5 раза больше, чем в 2021-м, а софинансировать реализацию этих проектов выразили готовность около 8 тыс. человек. При этом до отбора четыре муни-

ципальных образования отказались от участия в конкурсе по девяти проектам по причине значительного роста рыночной стоимости проектов после изменения внешнеполитической ситуации в феврале. Это городские округа: Красноуфимск (1 проект), Березовский (2), Ивдельский (5), Серовский (1).

Соглашения с муниципальными образованиями были заключены в период со 2 августа по 31 октября по 76 проектам: в августе – по 36, в сентябре – по 30, в октябре – по 10 проектам. Продолжительность периода связана с задержкой поступления средств в местные бюджеты от населения либо бизнеса из-за внешнеполитической ситуации, повлиявшей на экономическую составляющую. Администрациям муниципальных образований пришлось искать замену из-за отказа в софинансировании ранее заявившихся представителей бизнеса и граждан. По этой же причине перенесли на следующий год реализацию двух проектов: «Установка светодиодной композиции “Цветы” напротив автовокзала» (городской округ Рефтинский) и «Робототехника – шаг в профессию» (Туринский городской округ).

В 2022 году были реализованы следующие проекты: в Новой Ляле, Асбесте, Рефтинском, Тавде, Алапаевском и Красноуфимском районах, Горноуральском городском округе обустроены спортивно-игровые площадки; в Ивделе, Качканаре и Екатеринбурге закуплены музыкальные инструменты и оборудование для школ искусств, в Артемовском – станок для заточки коньков и тренажер «беговая дорожка» для хоккеистов, в Туринске – наборы комплектов по робототехнике для центра дополнительного образования «Точка роста»; в поселке Арти появился арт-объект – фотогалерея под открытым небом.

Примерами внедрения муниципальной практики инициативного бюджетирования могут быть город Екатеринбург, где за три года, с 2019-го по 2021-й, реализовано 109 проектов, и муниципальное образование Алапаевское – 24 проекта в сельской местности, один из которых – «Веревошный парк ОРИОН», реализованный в поселке городского типа Верхняя Синячиха в 2021 году с участием областного бюджета, – занял второе место в номинации «Общественное партнерство» на VI Всероссийском конкурсе проектов инициативного бюджетирования.

С учетом предварительных данных в 2023 году поступило 125 заявок от 48 муниципалитетов, что в 18 раз превышает показатель 2017 года. Всего же за семь лет (2017–2023) на региональный конкурс поступило 380 заявок с проектами, инициированными гражданами, и победителями стали 265 проектов. Таким образом, за прошедший период более 80 % муниципальных образований региона хотя бы раз приняли участие в конкурсе заявок.

Министерством постоянно совершенствуются механизмы внедрения инициативных проектов. С ноября 2022 года появилась возможность заключения соглашения в электронной форме, а также заключения дополнительного соглашения по изменению согласованного с инициативной группой состава проекта в случае увеличения его стоимости и при отсутствии дополнительных средств в местном бюджете или дополнительных поступлений из внебюджетных источников.

Важным направлением является работа по информатизации процесса направления и обработки заявок, расчета критериев при определении победи-

телей. В результате ожидается получение качественного цифрового продукта, удобного для всех участников – Министерства, муниципальных образований, инициаторов проектов, – по доступной, оптимальной цене. Исследователи отмечают, что создание различных платформ и сервисов, позволяющих направлять и обсуждать проекты инициативного бюджетирования и голосовать за них, не только повышает уровень информированности граждан, но и делает процесс удобнее, быстрее, прозрачнее, позволяет вовлечь в партисипаторное управление более широкие слои населения (Дербенева, 2020; Mæroe et al., 2021).

Можно выделить социальные, управленческие и экономические эффекты от внедрения цифрового продукта по инициативному бюджетированию на всех этапах, от приема заявок на региональный отбор до реализации проектов. В качестве социальных эффектов предполагается более широкое вовлечение населения и бизнеса в процесс инициативного бюджетирования, повышение уровня доверия граждан к органам власти и минимизация равнодушного отношения населения к территориям проживания. Управленческие эффекты связаны с улучшением качества заявок, сокращением сроков на их обработку, повышением уровня прозрачности процедур; экономические эффекты – со снижением стоимости затрат на реализацию проекта, повышением срока эксплуатации результатов реализации проектов, а также с привлечением внебюджетных средств на развитие территорий за счет включения в процессы коммерческих предприятий и организаций.

Для более широкого вовлечения населения Свердловской области в инициативное бюджетирование предлагается разработать информационно-консалтинговую платформу для жителей муниципалитетов региона, которая будет выполнять ряд функций: наглядно информировать о сущности и особенностях данного процесса, собирать и сообщать актуальные новости (в том числе о конкурсных отборах, изменениях в законодательстве, реальном ходе реализации проектов) и обучать представителей инициативных групп и органов власти. Необходима организация полноценного медиасопровождения процессов инициативного бюджетирования: создание группы инициативного бюджетирования в популярных социальных сетях, активная публикация материалов об успешных практиках в рамках данных ресурсов и официальных страниц органов государственной власти и местного самоуправления; взаимодействие со СМИ. Как уже отмечалось, недостаточно просто информировать граждан о партисипаторных практиках, необходимо в целом повышать уровень доверия к власти и более полно учитывать интересы населения.

В Свердловской области возможно финансирование по трем направлениям (благоустройство, дополнительное образование и информатизация). Выбор только этих трех направлений, с одной стороны, позволяет добиться синергетического эффекта и сделать процесс более адекватно оцениваемым, с другой – не всегда соответствует приоритетам жителей той ли иной территории. Для современного этапа инициативного бюджетирования в Свердловской области, одна из задач которого заключалась в формировании у населения навыков участия в бюджетном процессе и разработке проектов развития территории, такие ограничения выглядят вполне оправданными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования дают возможность сформулировать ряд выводов.

Инициативное бюджетирование не только позволяет гражданам участвовать в планировании направлений и контроле за расходами местных бюджетов через выдвижение, отбор и контроль реализации важных для них проектов, в которые они вложились собственными денежными средствами, но и решать насущные для них социальные вопросы, порой предупреждать назревающие конфликты с органами власти на местах в случае отсутствия средств в местных бюджетах на решение той или иной точечной проблемы, связанной с благоустройством общественных пространств, укреплением материально-технической базы дополнительного образования детей, культурной сферы.

В Свердловской области наблюдается положительная динамика применения практики инициативного бюджетирования. Все это свидетельствует об осознании местными органами власти и населением возможностей партисипаторных механизмов.

Однако существует ряд проблем, которые требуют решения:

- отсутствие полной единой методологической базы;
- отсутствие выстроенной работы с большинством популярных СМИ по вопросам информирования населения о вопросах инициативного бюджетирования;
- низкая вовлеченность населения Свердловской области в процесс инициативного бюджетирования.

Развитию практики инициативного бюджетирования могут способствовать следующие шаги:

- разработка информационно-консалтинговой платформы для жителей муниципалитетов региона, которая будет содержать наглядную информацию о сущности и особенностях процесса инициативного бюджетирования, актуальные новости, в том числе о конкурсных отборах, изменениях в законодательстве, реальном ходе реализации проектов;
- организация полноценного медиасопровождения процессов инициативного бюджетирования;
- более широкое внедрение инструментов электронного общественного участия на всех этапах подготовки и подачи заявок, отбора и реализации проектов.

Таким образом, механизмы внедрения инициативных проектов постоянно совершенствуются. Можно отметить определенную гибкость органов власти, их готовность корректировать условия подачи проектов, рассматривать возможности выделения дополнительного финансирования на поддержку проектов, первоначально не прошедших конкурсный отбор. С учетом опыта реализации каждый год вносятся уточнения в Порядок предоставления субсидий из областного бюджета бюджетам муниципальных образований на внедрение механизма инициативного бюджетирования в целях его оптимизации. Все это в перспективе направлено на совершенствование вовлечения граждан в процессы управления территориями и на повышение качества жизни населения.

Список источников

Вагин В. В., Гаврилова Н. В. Методология оценки программ и практик инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2017. Т. 10, № 12. С. 1393–1406. <https://doi.org/10.24891/fa.10.12.1393>.

Вагин В. В., Шаповалова Н. А., Гаврилова Н. В. Мониторинг развития инициативного бюджетирования: методика и практика организации // Финансовый журнал. 2019. № 2. С. 51–64. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2019-2-51-64>.

Вагин В. В., Шугрина Е. С. Роль инициативного бюджетирования в формировании экосистемы гражданского участия в государственном и муниципальном управлении // Финансовый журнал. 2021. Т. 13, № 2. С. 9–24. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-2-9-24>.

Дербенева В. В. Электронное общественное участие как вектор развития инициативного бюджетирования // ЭКО. 2020. Т. 50, № 9. С. 90–113. <https://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2020-9-90-113>.

Дербенева В. В., Захарчук Е. А., Пасынков А. Ф. Развитие инициативного бюджетирования в регионах РФ (на примере Свердловской области) // Финансовый журнал. 2020. Т. 12, № 3. С. 60–75. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-3-60-75>.

Дронь М. А., Аксютин Ю. В. Управление качеством проектов инициативного бюджетирования (на примере Пермского края) // Города и местные сообщества. 2022. Т. 1. С. 42–53.

Евдокимова Н. В., Морунова Г. В. Инициативное бюджетирование на местном уровне на примере муниципалитетов Санкт-Петербурга // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. Т. 119, № 5–2. С. 76–81.

Зарова Е. В., Коваленко Н. Н. Методы многомерного статистического анализа в исследовании эффективности инициативного бюджетирования на региональном уровне // Вопросы статистики. 2022. Т. 29, № 5. С. 72–86. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2022-29-5-72-86>.

Керимов А. Т., Мандражи З. Р., Османов К. М. Сравнительный анализ моделей балльной оценки проектов инициативного бюджетирования в республиках Южного федерального округа Российской Федерации // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2021. № 2. С. 116–125. <https://doi.org/10.34771/UZCEPU.2021.72.2.024>.

Коречков Ю. В., Великороссов В. В., Кваша В. А. Институциональный подход к инициативному бюджетированию в муниципальных образованиях // Теоретическая экономика. 2023. Т. 99, № 3. С. 60–70. https://doi.org/10.52957/2213260_2023_3_60.

Рогач О. В., Фролова Е. В. Использование механизмов инициативного бюджетирования: готовность населения и доверие к власти // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17, № 2. С. 48–59. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-2-48-59>.

Степанов М. В. Инициативное бюджетирование как фактор развития территорий и повышения финансовой самостоятельности муниципальных

образований // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 10. С. 46–50. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2019-10-46-50>.

Табунщикова В. В. Оценка эффективности бюджетных средств, выделяемых на поддержку проектов инициативного бюджетирования // Экономика и предпринимательство. 2022. № 1. С. 422–425. <https://doi.org/10.34925/ERP.2022.138.1.084>.

Bartocci L., Grossi G., Mauro S. G. et al. The journey of participatory budgeting: A systematic literature review and future research directions // International Review of Administrative Sciences. 2023. Vol. 89, № 3. P. 757–774. <https://doi.org/10.1177/00208523221078938>.

Bingham L., Nabatchi T., O'Leary R. The new governance: Practices and processes for stakeholder and citizen participation in the work of government // Public Administration Review. 2005. Vol. 65, № 5. P. 547–558. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2005.00482.x>.

Calabrese T., Williams D., Gupta A. Does participatory budgeting alter public spending? Evidence from New York City // Administration & Society. 2020. Vol. 52, № 9. P. 1382–1409. <https://doi.org/10.1177/0095399720912548>.

Calisto Friant M. Deliberating for sustainability: Lessons from the Porto Alegre experiment with participatory budgeting // International Journal of Urban Sustainable Development. 2019. Vol. 11, № 1. P. 81–99. <https://doi.org/10.1080/19463138.2019.1570219>.

Ewens H., van der Voet J. Organizational complexity and participatory innovation: Participatory budgeting in local government // Public Management Review. 2019. Vol. 21, № 12. P. 1848–1866. <https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1577908>.

Falanga R., Lüchmann L. H. H. Participatory budgets in Brazil and Portugal: Comparing patterns of dissemination // Policy Studies. 2020. Vol. 41, № 6. P. 603–622. <https://doi.org/10.1080/01442872.2019.1577373>.

Friendly A. The contradictions of participatory planning: Reflections on the role of politics in urban development in Niterói, Brazil // Journal of Urban Affairs. 2019. Vol. 41, № 7. P. 910–929. <https://doi.org/10.1080/07352166.2019.1569468>.

Mæroe A. R., Norta A., Tsap V. et al. Increasing citizen participation in e-participatory budgeting processes // Journal of Information Technology & Politics. 2021. Vol. 18, № 2. P. 125–147. <https://doi.org/10.1080/19331681.2020.1821421>.

Manes-Rossi F., Brusca I., Orelli R. L. et al. Features and drivers of citizen participation: Insights from participatory budgeting in three European cities // Public Management Review. 2023. Vol. 25, № 2. P. 201–223. <https://doi.org/10.1080/14719037.2021.1963821>.

Miller S. A., Hildreth R. W., Stewart L. M. The modes of participation: A revised frame for identifying and analyzing participatory budgeting practices // Administration & Society. 2019. Vol. 51, № 8. P. 1254–1281. <http://doi.org/10.1177/0095399717718325>.

Panday P. K., Chowdhury S. Responsiveness of local government officials: Insights and lessons from participatory planning and budgeting // Asia Pacific Journal of Public Administration. 2020. Vol. 42, № 2. P. 132–151. <https://doi.org/10.1080/23276665.2020.1742753>.

Park H., Yoon S., Cho B. S. How direct citizen participation affects the local government financial condition: A case of participatory budgeting in South Korea // *Javnost – The Public*. 2023. Vol. 30, № 3. P. 426–443. <https://doi.org/10.1080/13183222.2023.2201741>.

Schneider S. H., Busse S. Participatory budgeting in Germany – A review of empirical findings // *International Journal of Public Administration*. 2019. Vol. 42, № 3. P. 259–273. <https://doi.org/10.1080/01900692.2018.1426601>.

Zhang Y., Liao Y. Participatory budgeting in local government: Evidence from New Jersey municipalities // *Public Performance & Management Review*. 2011. Vol. 35, № 2. P. 281–302. <https://doi.org/10.2753/PMR1530-9576350203>.

Информация об авторах

И. А. Антипин – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

SPIN-код (РИНЦ): 9822-9096

AuthorID (РИНЦ): 532057

Web of Science ResearcherID: ABC-8434-2021

Scopus Author ID: 57215415135

Н. Ю. Власова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

SPIN-код (РИНЦ): 3272-6275

AuthorID (РИНЦ): 289363

Web of Science ResearcherID: S-1846-2016

Scopus Author ID: 57200195492

Н. В. Новикова – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

SPIN-код (РИНЦ): 6822-9963

AuthorID (РИНЦ): 397153

Web of Science ResearcherID: B-3560-2017

Scopus Author ID: 57194780960

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 19.09.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 20.10.2023.

References

- Vagin, V. V. and Gavrilova, N. V. (2017), "A methodology for evaluation of programs and practices of initiative budgeting in the regions of the Russian Federation", *Financial Analytics: Science and Experience*, vol. 10, no. 12, pp. 1393–1406, <https://doi.org/10.24891/fa.10.12.1393>.
- Vagin, V. V., Shapovalova, N. A. and Gavrilova, N. V. (2019), "The monitoring of development initiative budgeting in Russia's regions: Methodology and practice of organization", *Financial Journal*, no. 2, pp. 51–64, <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2019-2-51-64>.
- Vagin, V. V. and Shugrina, E. S. (2021), "The role of participatory budgeting in forming an ecosystem of civic participation in state and municipal governance", *Financial Journal*, vol. 13, no. 2, pp. 9–24, <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-2-9-24>.
- Derbeneva, V. V. (2020), "E-participation as a vector of developing proactive budgeting", *ECO*, vol. 50, no. 9, pp. 90–113, <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-9-90-113>.
- Derbeneva, V. V., Zakharchuk, E. A. and Pasyukov, A. F. (2020), "Development of initiative budgeting in the regions of the Russian Federation (exemplified by the Sverdlovsk Region)", *Financial Journal*, vol. 12, no. 3, pp. 60–75, <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-3-60-75>.
- Dron, M. A. and Aksyutina, Yu. V. (2022), "Quality management of initiative budgeting projects (on the example of the Perm Region)", *Cities and Local Communities*, vol. 1, pp. 42–53.
- Evdokimova, N. V. and Morunova, G. V. (2019), "Initiative budgeting at local level on the example of St. Petersburg municipalities", *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, vol. 119, no. 5–2, pp. 76–81.
- Zarova, E. V. and Kovalenko, N. N. (2022), "Methods of multivariate statistical analysis in the study of the efficiency of initiative budgeting at the regional level", *Voprosy statistiki*, vol. 29, no. 5, pp. 72–86, <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2022-29-5-72-86>.
- Kerimov, A. T., Mandrazhi, Z. R. and Osmanov, K. M. (2021), "Comparative analysis of models for point evaluation of initiative budgeting projects in the republics of the South Federal District of the Russian Federation", *Scientific Notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University*, vol. 72, no. 2, pp. 116–125, <https://doi.org/10.34771/UZCEPU.2021.72.2.024>.
- Korechikov, Yu. V., Velikorossov, V. V. and Kvasha, V. A. (2023), "Institutional approach to initiative budgeting in municipalities", *Theoretical Economy*, vol. 99, no. 3, pp. 60–70, https://doi.org/10.52957/22213260_2023_3_60.
- Rogach, O. V. and Frolova, E. V. (2023), "Development of participatory budgeting mechanisms as a tool for building public confidence in the authorities", *Bulletin of Perm University. Political Science*, vol. 17, no. 2, pp. 48–59, <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-2-48-59>.
- Stepanov, M. V. (2019), "Proactive budgeting as a factor of the development of territories and increase in the financial independence of municipal structures", *State Power and Local Self-government*, no. 10, pp. 46–50, <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2019-10-46-50>.

Tabunshchikova, V. V. (2022), "Evaluation of the effectiveness of budget funds allocated to support initiative budgeting projects", *Economics and Entrepreneurship*, no. 1, pp. 422–425, <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.138.1.084>.

Bartocci, L., Grossi, G., Mauro, S. G. et al. (2023), "The journey of participatory budgeting: A systematic literature review and future research directions", *International Review of Administrative Sciences*, vol. 89, no. 3, pp. 757–774, <https://doi.org/10.1177/00208523221078938>.

Bingham, L., Nabatchi, T. and O'Leary, R. (2005), "The new governance: Practices and processes for stakeholder and citizen participation in the work of government", *Public Administration Review*, vol. 65, no. 5, pp. 547–558, <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2005.00482.x>.

Calabrese, T., Williams, D. and Gupta, A. (2020), "Does participatory budgeting alter public spending? Evidence from New York City", *Administration & Society*, vol. 52, no. 9, pp. 1382–1409, <https://doi.org/10.1177/0095399720912548>.

Calisto Friant, M. (2019), "Deliberating for sustainability: Lessons from the Porto Alegre experiment with participatory budgeting", *International Journal of Urban Sustainable Development*, vol. 11, no. 1, pp. 81–99, <https://doi.org/10.1080/19463138.2019.1570219>.

Ewens, H. and van der Voet, J. (2019), "Organizational complexity and participatory innovation: Participatory budgeting in local government", *Public Management Review*, vol. 21, no. 12, pp. 1848–1866, <https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1577908>.

Falanga, R. and Lüchmann, L. H. H. (2020), "Participatory budgets in Brazil and Portugal: Comparing patterns of dissemination", *Policy Studies*, vol. 41, no. 6, pp. 603–622, <https://doi.org/10.1080/01442872.2019.1577373>.

Friendly, A. (2019), "The contradictions of participatory planning: Reflections on the role of politics in urban development in Niterói, Brazil", *Journal of Urban Affairs*, vol. 41, no. 7, pp. 910–929, <https://doi.org/10.1080/07352166.2019.1569468>.

Mærøe, A. R., Norta, A., Tsap, V. et al. (2021), "Increasing citizen participation in e-participatory budgeting processes", *Journal of Information Technology & Politics*, vol. 18, no. 2, pp. 125–147, <https://doi.org/10.1080/19331681.2020.1821421>.

Manes-Rossi, F., Brusca, I., Orelli, R. L. et al. (2023), "Features and drivers of citizen participation: Insights from participatory budgeting in three European cities", *Public Management Review*, vol. 25, no. 2, pp. 201–223, <https://doi.org/10.1080/14719037.2021.1963821>.

Miller, S. A., Hildreth, R. W. and Stewart, L. M. (2019), "The modes of participation: A revised frame for identifying and analyzing participatory budgeting practices", *Administration & Society*, vol. 51, no. 8, pp. 1254–1281, <http://doi.org/10.1177/0095399717718325>.

Panday, P. K. and Chowdhury, S. (2020), "Responsiveness of local government officials: Insights and lessons from participatory planning and budgeting", *Asia Pacific Journal of Public Administration*, vol. 42, no. 2, pp. 132–151, <https://doi.org/10.1080/23276665.2020.1742753>.

Park, H., Yoon, S. and Cho, B. S. (2023), "How direct citizen participation affects the local government financial condition: A case of participatory budgeting in South Korea", *Javnost – The Public*, vol. 30, no. 3, pp. 426–443, <https://doi.org/10.1080/13183222.2023.2201741>.

Schneider, S. H. and Busse, S. (2019), "Participatory budgeting in Germany – A review of empirical findings", *International Journal of Public Administration*, vol. 42, no. 3, pp. 259–273, <https://doi.org/10.1080/01900692.2018.1426601>.

Zhang, Y. and Liao, Y. (2011), "Participatory budgeting in local government: Evidence from New Jersey municipalities", *Public Performance & Management Review*, vol. 35, no. 2, pp. 281–302, <https://doi.org/10.2753/PMR1530-9576350203>.

Information about the authors

I. A. Antipin – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Regional, Municipal Economics and Management, Ural State Economic University, 62/45 8 Marta/Narodnaya Volya Str., Yekaterinburg, 620144, Russia

SPIN-code (RSCI): 9822-9096

AuthorID (RSCI): 532057

Web of Science ResearcherID: ABC-8434-2021

Scopus Author ID: 57215415135

N. Yu. Vlasova – Doctor of Economics, Professor, Professor of State and Municipal Governance Department, Ural State Economic University, 62/45 8 Marta/Narodnaya Volya Str., Yekaterinburg, 620144, Russia

SPIN-code (RSCI): 3272-6275

AuthorID (RSCI): 289363

Web of Science ResearcherID: S-1846-2016

Scopus Author ID: 57200195492

N. V. Novikova – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Regional, Municipal Economics and Management, Ural State Economic University, 62/45 8 Marta/Narodnaya Volya Str., Yekaterinburg, 620144, Russia

SPIN-code (RSCI): 6822-9963

AuthorID (RSCI): 397153

Web of Science ResearcherID: B-3560-2017

Scopus Author ID: 57194780960

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 19.09.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 20.10.2023.

Научное издание

ARS ADMINISTRANDI (Искусство управления)

2023. Т. 15, № 4 (536–738)

Редакторы – *Т. И. Ускова, Е. А. Троицкая*
Корректоры – *И. Р. Саматов, О. С. Маратканова*
Переводчик – *М. Г. Мильман*
Компьютерная верстка – *И. Р. Смолянин, И. Р. Саматов*

Дата выхода в свет 15.12.2023. Формат 70х100 1/16
Усл. печ. л. 17,2. Тираж 500 экз. Заказ № 285 274

Редакция научного журнала “Ars Adminisrandi” («Искусство управления»)
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
кафедра государственного и муниципального управления
тел. (342) 239-66-89
ars-administrandi.com
e-mail: arsadmag@yandex.ru

Издательский центр
Пермского государственного национального исследовательского университета
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в ООО «АСТЕР ДИДЖИТАЛ»
614000, Пермский край, г. Пермь, ул. Пермская, 46
тел. (342) 206-06-86

Распространяется бесплатно